РАЗОБЛАЧЕНІЕ

ВЕЛИКОЙ ТАЙНЫ

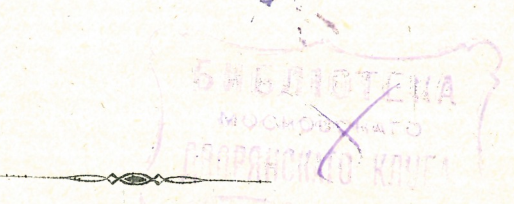
ФРАН-МАСОНОВЪ.

„Итакъ, не бойтесь ихъ: ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узнано".

Отъ Матвея, гл. X, ст. 26.

„Смотрите, братія чтобы кто не увлекъ васъ философіей и пустымъ обольщеніемъ по преданіямъ человѣческимъ, по стихіямъ міра, а не по Христу".

Ап. Павла Посланіе къ Колоссянамъ, гл. II, ст. 8.

МОСКВА.
„Русская Печатня", Садовая-Тріумфальная, д. № 170.
1909.

Предисловіе.

Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго моего отца, тайн. сов. Осипа Антоновича Пржецлавскаго, отыскана мною, между прочими, довольно пространная рукопись, озаглавленная: *„Великая тайна Фран-Масоновъ“*, а также письмо на его имя отъ бывшаго статсъ-секретаря, члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Владиміра Дмитріевича Философова, отъ 7 ноября 1873 года, коимъ онъ безусловно уполномочивалъ отца моего, отъ своего имени и отъ имени вдовы его покойнаго брата, Александра Дмитріевича Философова,—означенную рукопись огласить путемъ печати; изъ чего слѣдуетъ думать, что авторомъ ея былъ именно никто иной, какъ уже въ то время скончавшійся Александръ Дмитріевичъ Философовъ, хотя иного у меня на это указанія не имѣется. Составлена же она,—повидимому, послѣ усмиренія послѣдняго Польскаго мятежа 1863 года.

Однако, мой покойный отецъ, до конца дней своихъ, не успѣлъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ и до сихъ поръ эта рукопись въ полномъ объемѣ напечатана не была, хотя мнѣ положительно извѣстно, что отецъ давалъ ее для прочтенія

нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ и, между прочимъ, генералу Александру Романовичу Дрентельну. Нѣкоторыя лишь выдержки изъ нея, появившіяся съ моего согласія, въ печати въ 1883 (или 1884) году въ недолго просуществовавшемъ журналѣ „Вѣкъ", и содержащія въ себѣ отрывочныя указанія на нѣсколько изъ приводимыхъ въ той рукописи фактовъ, безъ сопоставленія ихъ съ другими и съ опущеніемъ научныхъ выводовъ и соображеній автора, конечно, не могли не только основательно съ ней ознакомить мыслящую публику, но даже дать о ней поверхностное понятіе.

Нынѣ же, когда въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ совершенно безпрепятственно со стороны правительства, возрождается вновь у насъ въ Россіи орденъ франмасоновъ, о чемъ и печатаются уже въ газетахъ воззванія его къ русской публикѣ, съ приглашеніемъ вступать въ учреждаемыя имъ ложи, я считаю своимъ гражданскимъ долгомъ ознакомить какъ все русское благомыслящее общество, такъ и само правительство, съ содержаніемъ помянутой рукописи и тѣмъ освѣтить руководящія начала продолжающейся у насъ смуты, направленной, какъ это очевидно изъ всего происходящаго, не на благо народовъ, входящихъ въ составъ нашей обширной Имперіи, а къ достиженію, напротивъ, раззоренія и распаденія государства и окончательнаго нравственнаго растлѣнія всего его населенія.

Упоминаемая мною рукопись скорѣе научное, чѣмъ литературное произведеніе, почему и требуетъ не поверхностнаго къ себѣ отношенія, а весьма вдумчиваго и серьезнаго. У насъ привыкли, въ обществѣ, относиться къ фран-масонскому ордену, почти какъ къ средневѣковой легендѣ, съ пренебреженіемъ и ироніей, припоминая лишь внѣшнюю его символику, представляющуюся сложною и непонятною для непосвященныхъ, а въ особенности для насъ русскихъ, почти даже забывшихъ о дѣятельности масоновъ въ нашемъ отечествѣ въ годы, предшествовавшіе 1822, когда масонскія ложи были у насъ воспрещены и закрыты и самый орденъ, въ лицѣ многихъ заправилъ его, изгнанъ за предѣлы Россіи.

Авторъ рукописи, излагая, по научнымъ даннымъ, основы и организацію ордена Свободныхъ Каменщиковъ (Фран-Масоновъ), доказываетъ, что орденъ этотъ ничто иное, какъ замаскированная дѣятельность зловредной *еврейской секты саддукеевъ* и пропаганда ея лжеученій, направленныхъ, со времени наступленія христіанской эры, въ особенности противъ христіанства съ неудержимой злобой; *ученіе же этой секты*, по убѣжденію автора, *имѣетъ основаніемъ и конечной цѣлію—уничтоженіе всѣхъ христіанскихъ религій, ниспроверженіе всѣхъ законодательствъ, нынѣ дѣйствующихъ въ христіанскихъ странахъ, всѣхъ властей, всѣхъ государственныхъ и общественныхъ установленій, въ особенности въ монархическихъ странахъ, съ замѣной всего этого—исключительно неограниченнымъ деспотизмомъ іудаизма и повсемѣстнымъ введеніемъ закона Моисеева, по толку саддукеевъ.*

При сопоставленіи указаній автора рукописи со всѣмъ тѣмъ, что нынѣ происходитъ въ Россіи, гдѣ разные союзы и провокаторы безбоязненно и гласно провозглашаютъ себя соціалъ-демократами и революціонерами и всенародно взываютъ къ анархіи, а другіе упорно стремятся изъ Государственной Думы создать Учредительное Собраніе, чтобы свергнуть монархическое правленіе и замѣнить его республикой, да еще федеративной,—казалось бы, что вся революціон-

ная работа заграничнаго масонства уже близка къ приведенію въ исполненіе ближайшихъ, завѣтныхъ своихъ цѣлей возбужденія въ странѣ колоссальной революціи посредствомъ ослабленія существующаго правительства и раззоренія государства.

Однако, у насъ въ Россіи, не смотря на массу совершаемыхъ въ настоящее время во имя революціи гнусныхъ преступленій (грабежей, разбоевъ, убійствъ и поджоговъ), успѣхъ еврейскаго фран-масонства еще не полный. Правительство наше еще сильно, вѣра православная въ народныхъ массахъ не поколеблена, преданность Царю и вѣра въ Него народа, войска и большей части дворянства сохранились. Неужели-жъ при этихъ могучихъ данныхъ, мы дадимъ закабалить себя іудейской преступной интригѣ и правительство отнесется безпечно къ указываемой опасности, не прибѣгнувъ къ серьезнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ противъ фран-масонскаго ордена, во всѣхъ его проявленіяхъ—только изъ нежеланія сознаться въ томъ, что, можетъ быть, оно вовсе не знакомо съ организаціей его, и потому, какъ прежде, такъ и теперь не отдаетъ себѣ отчета въ его значеніи, а вслѣдствіе того, высокомѣрно признаетъ орденъ не заслуживающимъ серьезнаго вниманія?

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, я изучалъ скрывающуюся подъ покровомъ глубокой тайны всю организацію фран-масонскаго ордена и, чѣмъ болѣе приподнималась для меня затемняющая его густая завѣса, тѣмъ болѣе возрастало во мнѣ любопытство,—постигнуть истинныя цѣли его; и вотъ, много уже перечитавъ того, что о немъ писано серьезными европейскими писателями, я невольно часто задумывался надъ тѣмъ, что открывалось предъ моими глазами, какъ относительно древнѣйшаго происхожденія ордена

Свободныхъ Каменщиковъ и его легенды (подтверждаемой библейскими Паралипоменонами), такъ и относительно его символическихъ и мистическихъ обрядностей и послѣдующихъ дѣйствій. Когда же мнѣ досталась рукопись о „Великой тайнѣ Фран-Масоновъ“, то я убѣдился, что мои изысканія и возникшія изъ нихъ обоснованныя догадки оказываются почти тождественными съ выводами и заключеніями автора рукописи. Съ однимъ только человѣкомъ я подѣлился объ этомъ,—человѣкомъ большаго ума и обладавшимъ большими познаніями (Т. И. Филипповымъ, бывшимъ въ то время Государственнымъ Контролеромъ). По его желанію, я далъ ему для прочтенія одинъ экземпляръ копіи съ записки о великой тайнѣ Фран-масоновъ и, при послѣдовавшемъ за тѣмъ свиданіи, онъ мнѣ прямо высказалъ полную свою солидарность съ взглядами ея автора.

Въ виду происходящей почти повсемѣстно въ Европейской и Азіатской Россіи неурядицы, очень близко подходящей къ понятію о революціи, высылки изъ заграницы массы дорого стоющаго оружія и денегъ бунтующимъ всевозможнымъ забастовщикамъ, въ виду духа отрицанія христіанскаго откровенія, захватившаго за это время часть нашей, такъ называемой интеллигенціи и многихъ молодыхъ фабричныхъ, усматривая во всемъ этомъ хаосѣ крайне опасное для общественнаго строя броженіе,—я задавался невольно вопросомъ: ужъ не пропаганда ли франмасоновъ проявляется у насъ на практикѣ и ужъ не они ли разжигаютъ и поддерживаютъ въ Россіи проявленіе активной крамолы?—и тѣмъ не менѣе колебался въ желаніи моемъ обнаружить предъ обществомъ все то, что мнѣ было извѣстно объ орденѣ фран-масоновъ и

огласить посредствомъ печати, имѣющуюся у меня о немъ записку.

Эта моя нерѣшительность едва-ли, однако, можетъ быть поставлена мнѣ въ упрекъ, такъ какъ, зная, что орденъ фран-масоновъ съ 1822 года воспрещенъ и потому существовать въ Россіи не можетъ и что о немъ только въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ иногда заходитъ рѣчь, и то случайно, лишь какъ воспоминаніе старины, вслѣдствіе чего я могъ впасть въ глубокую ошибку, относя къ проискамъ этого ордена то, что можетъ быть является самороднымъ, отечественнымъ произведеніемъ, ввидѣ накипи грязи отъ народившагося у насъ полуинтеллигентнаго пролетаріата, хулигановъ, золоторотцевъ, червонныхъ и разныхъ другихъ валетовъ и прочихъ отверженцевъ, и наконецъ, помня какъ у людей умныхъ и занимающихъ высокія служебныя положенія, каждый мой намекъ на опасное значеніе ордена франмасоновъ, всегда встрѣчался съ недовѣріемъ и вызывалъ даже обвиненіе меня въ пессимизмъ,—я, признаюсь, до сихъ поръ не рѣшался выпустить въ свѣтъ свою рукопись.

Но когда случилось мнѣ прочитать въ газетахъ объ открываемомъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ (или уже открытыхъ) фран-масонскихъ ложахъ, очевидно съ вѣдома правительства, а также текстуальное воспроизведеніе рѣчи какого-то раввина (газета „Слово“ № 366 отъ 27 января 1906 года *), распространяемой въ огромномъ количествѣ списковъ, среди еврейскаго и русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, буквально соотвѣтствующей по своему содержанію программѣ саддукеевскаго ученія фран-масоновъ, то я тогда же

*) См. дополнительныя мои примѣчанія въ концѣ изданія.

рѣшился огласить посредствомъ печати имѣющуюся у меня записку объ орденѣ фран-масоновъ со всѣми покойнаго отца моего и моими къ ней дополненіями и примѣчаніями, съ тѣмъ, чтобы ее отпечатать въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ; если же тогда я этого не сдѣлалъ, то отъ причинъ, не отъ меня зависящихъ.

Затѣмъ, считаю необходимымъ добавить, что если я, нынѣ оглашая тайну масоновъ, могу навлечь на себя злобу россійскаго и даже западно-европейскаго еврейства (хотя изобличенія автора рукописи и мои относятся исключительно до саддукейской секты, а, быть можетъ, также къ сектѣ сіонитовъ, ученіе которыхъ, кажется, не далеко ушло отъ ученія саддукеевъ), то я, тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ силъ моихъ, исполняю свое намѣреніе въ томъ убѣжденіи, что своей пассивностію въ данномъ случаѣ я поступилъ бы противъ своей совѣсти и тяжко согрѣшилъ бы предъ Господомъ Богомъ и предъ моей родиной.

Тайна фран-масоновъ ни кѣмъ не была мнѣ передана, я не связанъ ни клятвами, ни обѣтами, а потому не только вправѣ по своимъ убѣжденіямъ, но и обязанъ передать общему свѣдѣнію содержаніе указанной рукописи и плоды изысканій отца моего и моихъ собственныхъ. Къ тому побуждаетъ меня, какъ объяснено выше; важность настоящихъ обстоятельствъ нашей внутренней политики и опасность, угрожающая нашей святой вѣрѣ.

Съ Божіею помощію, въ глубокомъ сознаніи своего долга предъ отечествомъ, мы, безъ всякой робости, смѣло и рѣшительно взявшись за дѣло, отразимъ это чужеземное нашествіе; сами своими силами и по своимъ собственнымъ русскимъ началамъ преобразуемъ нашъ государственный строй,—предварительно

подавивъ крамолу,—но преобразуемъ его не такъ, какъ того желаютъ фран-масоны и революцiонная партiя Европы, но какъ этого требуютъ исконныя начала Русской государственности. Робеспьерамъ и Дантонамъ, Маратамъ и Филиппамъ Эгалитэ—у насъ въ Россiи мѣста нѣтъ и дастъ Богъ—никогда не будетъ!

А. О. Пржецлавскiй.

Февраль 1908 г.
Усадьба Палагино, Тверской губ. и уѣзда.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ФРАН-МАСОНОВЪ.

ГЛАВА I.

Въ жизни народа бываютъ роковыя эпохи, вызывающiя къ дѣйствiю всѣ духовныя его силы.

Мы переживаемъ теперь одну изъ такихъ эпохъ.

Усмиренiе Польскаго мятежа еще не умиротворило Россiи *).

Впереди у насъ остается другой врагъ тѣмъ болѣе опасный, что онъ невидимъ и неуловимъ для консервативныхъ органовъ правительства. Давно уже врагъ этотъ безнаказанно входитъ въ нашу общественную и семейную жизнь, отнимаетъ у насъ понемногу всякую идею нравственнаго добра, отравляетъ своимъ присутствiемъ самый воздухъ, которымъ мы дышимъ, и расчитанно ведетъ насъ по знакомой ему дорогѣ къ топору и гильотинѣ; я говорю о правильно организовавшейся у насъ и солидарной съ польскимъ мятежомъ революцiонной пропагандѣ.

Но чтобы поставить вопросъ этотъ на настоящую точку зрѣнiя, необходимо войти предварительно въ нѣкоторыя соображенiя и обратиться къ прошедшему.

То, что въ государствѣ называютъ цивилизацiею, состоитъ, въ общемъ ходѣ историческихъ событiй, изъ утилитарнаго, научнаго и соцiальнаго прогресса, т. е. имѣющаго предметомъ ремесло, науку и гражданственность.

---

*) Какъ указано въ предисловiи рукопись относится къ 1864—1865 годамъ.

Этимъ тремъ видамъ народнаго образованія, совокупленіемъ которыхъ обусловливается историческое значеніе народа, соотвѣтствуютъ въ Россіи три государственныя эпохи и три державныхъ дѣятеля.

Начало цивилизаціи въ Россіи какъ новой, сознательно опредѣлившейся государственной потребности, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ царствованію Петра Великаго. До Петровской Руси некогда и не изъ чего было себя вырабатывать. Въ то время всѣ матеріальныя и нравственныя силы ея расходовались на отпоръ внѣшнимъ врагамъ, на борьбу монархическихъ стремленій противъ системы удѣловъ, на мученическую защиту своей вѣры и своей народности отъ враждебныхъ намъ элементовъ: татарщины и латинства.

Но минула година испытаній; общему государственному интересу подчинились интересы частные; объединившаяся Русь сомкнулась въ сильное государство, крѣпкое православіемъ, самодержавіемъ и народностію, которыя она купила кровью сыновъ своихъ.

Едва ли бы только этимъ однимъ ограничивалось историческое значеніе тогдашней Россіи. Въ то время Русскій народъ не могъ еще, да и не хотѣлъ, признать никакихъ другихъ началъ, кромѣ тѣхъ, которыя только что упрочили за нимъ право гражданства въ семьѣ самостоятельныхъ народовъ. При такихъ условіяхъ долго ему пришлось бы оставаться неподвижно замкнутымъ въ самомъ себѣ, если бы геніальный автократъ, со всею силою сознательной царственной воли, не начерталъ для него новой исторической задачи, заключающейся въ словѣ „Цивилизація".

Само собой разумѣется, что смыслъ этой задачи не могъ быть доступенъ для русскихъ людей Петровскаго времени. Къ нововведеніямъ Царя народъ относился непріязненно; въ нихъ видѣлъ онъ нарушеніе родовыхъ обычаевъ, завѣтныхъ преданій. Науку онъ обозвалъ колдовствомъ, на стараніе Царя развить общественность и придать ей европейскія формы смотрѣлъ какъ на отступленіе отъ закона, котораго

весь смыслъ заключался для него въ храненіи старины. Народный протестъ противъ Петра высказался въ сочувствіи расколу, разразился въ стрѣлецкихъ бунтахъ, снова распадалась Русь и это внутреннее распаденіе не изгладилось и до сей поры: оно только спряталось за другія формы. Его и теперь не трудно узнать въ безпрерывныхъ колебаніяхъ общества, въ продолжающейся еще замкнутости сословій, въ существованіи старой вѣры и раскола, въ постоянныхъ спорахъ поклонниковъ старины съ западниками. На сколько живучи явленія, вытекающія изъ жизни народной!

Не взирая на это, у насъ всегда называлось одностороннимъ убѣжденіе, что будто бы вызванная Петромъ борьба мнѣній, со всѣмъ, что заключалось въ ней вреднаго, даетъ право отрицать заслугу Царя, какъ цивилизатора. Судьба великихъ народовъ, какъ и предначертанія великихъ людей, могутъ иногда, по силѣ историческихъ условій, совершаться только по прошествіи долгаго времени и трудомъ многихъ поколѣній. Ходъ событій показываетъ, что мысль Петра I, цивилизатора Россіи, продолжая развиваться въ теченіе полутора столѣтія государственной жизни, развѣ только что теперь приблизилась къ первоначальнымъ опытамъ своей законченности, къ своему будущему полному и всестороннему осуществленію. Но причиной этой медленности вовсе не Царь, а органическіе законы, которые наравнѣ съ внѣшними условіями, управляютъ развитіемъ человѣчества.

Слѣдя за явленіями Петровской реформы, мы видимъ, что тотъ же самый народъ, который отнесся враждебно къ старанію Царя водворить въ государствѣ науку и европейскую гражданственность, съ любовью откликнулся на его же призывъ къ практическому труду, къ болѣе доступной для неразвитыхъ еще понятій народа утилитарной сторонѣ европейской цивилизаціи.

Да и не могло быть иначе! На виду у всѣхъ выростали города и флоты, создавались арміи, открывались новые источники народнаго богатства, заво-

дились и развивались сельское хозяйство, горное дѣло, мануфактуры, торговля. Петръ I-й былъ дивный хозяинъ и рѣдко ошибался въ потребностяхъ и способахъ различныхъ мѣстностей своего обширнаго государства; и факты были на лицо, народъ уразумѣлъ, что не все же было худо, что затѣвалъ Царь, и мало по малу сталъ вѣрить въ самостоятельность практическихъ знаній, приносимыхъ въ Россію чужеземцами. Еще до сихъ поръ сохранились приправленныя русскимъ юморомъ пословицы и поговорки, въ которыхъ слышится дань уваженія ученика къ учителю и вмѣстѣ затаенная мысль о будущей конкуренціи. Съ другой же стороны, такъ какъ русскій народъ и при послѣдующихъ государяхъ продолжалъ развиваться въ томъ же утилитарномъ направленіи, установилось убѣжденіе въ его практичности и смышленности. Но въ тоже самое время на Руси почти никто не вѣрилъ въ состоятельность европейской цивилизаціи и соціальныхъ нововведеній. Это и неудивительно; къ намъ привилось еще только ремесло, а не наука, и кромѣ того мы не могли признать за собою такой гражданственности, которая созидалась на началахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ нашей народной жизнію.

Этимъ закончился *первый періодъ* цивилизаціи въ Россіи, *обозначившійся прочнымъ внесеніемъ къ намъ основныхъ элементовъ утилитарнаго развитія*. Въ послѣдующій затѣмъ второй періодъ, относящійся къ царствованію Императора Николая I-го, къ русской жизни привилась наука.

Восшествіе на престолъ этого Государя, подобно царствованію Петра I-го, ознаменовалось грустными событіями; только цѣль движенія противъ правительства въ эти двѣ различныя эпохи была неодинакова. Петровскіе бояре, независимо отъ своихъ личныхъ интересовъ, отстаивали также родную старину; поэтому народъ, не понимавшій цѣли Петровскихъ реформъ, но для котораго были дороги его вѣковыя преданія, сталъ дѣйствовать противъ правительства съ боярами за одно. Напротивъ того, Николаевскіе

декабристы воевали за идеи, быть можетъ и очень гуманныя по принципу, но которыхъ способъ проведенія шелъ въ разрѣзъ съ народными убѣжденіями. Что же тутъ удивительнаго, что народъ къ нимъ и не приступилъ? Но въ томъ и другомъ случаѣ тишина и порядокъ были возстановлены не чрезъ мягкосердечныя уступки какой нибудь горсти мятежниковъ, а чрезъ нравственное вліяніе на весь русскій народъ собственной его исторической идеи и единой признаваемой имъ самодержавной власти, той самой власти, въ которой онъ видѣлъ залогъ своего государственнаго единства и могущества.

Отъ существеннаго различія въ характерѣ смутъ, сопровождавшихъ оба царствованія, зависѣло различіе отношенія обоихъ Монарховъ къ дѣлу цивилизаціи. Иниціатива Петра I-го не имѣла надобности руководствоваться строгою разборчивостью въ выборѣ средствъ, способныхъ возбудить умственное движеніе въ коснѣющихъ народныхъ массахъ. Напротивъ того, Николай I-й, безпрестанно встрѣчаясь съ проявленіемъ ненормальныхъ стремленій, грозившихъ ниспроверженіемъ всего общественнаго порядка, часто былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ сдерживающимъ и даже карательнымъ мѣрамъ, чтобы не допустить осуществиться вреднымъ цѣлямъ, за которыми неминуемо послѣдовало бы *разложеніе* и гибель государства. При обстоятельствахъ того времени Государь не могъ и не долженъ былъ дѣйствовать иначе: онъ ясно сознавалъ, что въ государствѣ монархическомъ либеральныя учрежденія должны исходить прямо отъ Государя, а не отъ народа, и въ продолженіи всего своего многолѣтняго царствованія оставался вѣрнымъ своему монархическому началу, которое завѣщала ему исторія. Кто можетъ сомнѣваться, что слова, вырвавшіяся у покойнаго Императора въ одну изъ роковыхъ минутъ 14 декабря, когда Государь сказалъ: „Если я, хотя на одинъ часъ буду Императоромъ, то докажу, что былъ того достоинъ“—не были высказаны имъ отъ души? И однакожъ та *грустная и неблаговидная* обстановка, при которой они были сказаны, должна

была прямо привести Государя къ Императорскому абсолютизму.

Этого же никогда не могла простить ему партія европейскихъ демагоговъ и русскихъ агитаторовъ. Тѣ и другіе почитали себя обиженными, что, вопреки ихъ желанію, въ русскомъ народѣ не нашлось ни одного Брута противъ Кесаря и что русскій Кесарь не позволилъ имъ перестроить Россію по образцу Римской или всякой другой республики. Отсюда вышла неумолимо и систематически выражавшаяся вражда къ Императору всѣхъ оппозиціонныхъ партій; отсюда тотъ недобросовѣстный и почти всегда лживый контроль, тотъ грязный и гнилой хламъ, который русскіе демагоги безъ разбора выкапывали и валили въ редакцію „Колокола“; отсюда же дикія завыванія и проклятія европейской прессы, обвиненіе Государя въ обскурантизмѣ, ретроградности и еще Богъ знаетъ въ чемъ, за *крѣпкую и честную охрану Имъ того объединяющаго и скрѣпляющаго государственныя основы монархическаго начала, отъ котораго завистливую Европу бросало въ лихорадку*.

Конечно, Европа можетъ думать, какъ ей угодно, у нея есть свой взглядъ, до котораго намъ нѣтъ дѣла, свои интересы, которые расходятся съ нашими. Но если она осыпаетъ насъ бранью, то намъ было бы смѣшно повторять за нею слова ея. Европѣ не нравится наша вѣра, наши традиціи, наша народность. Пусть себѣ не нравится. Европа боялась нашего единства, нашего патріотизма, нашихъ армій. Пускай бы боялась. Кто же изъ русскихъ, не измѣнившихъ отечеству, дерзнетъ безчестно порицать *покойнаго Императора за прямодушную, рыцарскую охрану имъ того государственнаго строя, которымъ упрочилось для Россіи ея могущество?* Ошибки нашихъ Государей суть вмѣстѣ и наши ошибки, и не Европѣ судить о нихъ! Право, не велика бѣда, что покойный Государь не позволялъ русской цивилизаціи наряжаться ни въ Мадзиніевскій красный колпакъ, ни въ польскую конфедератку! Событія нашего времени не служатъ ли лучшимъ доказательствомъ, съ какою ясностію взгляда

Государь умѣлъ отличать прогрессъ, какъ явленіе государственное, *отъ прикидывающейся прогрессомъ революціонной интриги.*.

Но къ несчастію эта интрига столько успѣла поселить въ насъ ни съ чѣмъ несообразныхъ убѣжденій и связать ими свободу мысли, что мы почти совершенно утратили способность правдивой оцѣнки людей и событій. Мы сдѣлались теперь точь-въ-точь какъ тѣ господа, для которыхъ всѣ предметы представляются косыми, потому что сами они отучились смотрѣть прямо.

Начатое Петромъ утилитарное развитіе въ Россіи также сдѣлало значительный шагъ впередъ при Императорѣ Николаѣ I-мъ. Вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, оно коснулось въ большомъ размѣрѣ чрезвычайно важныхъ предметовъ народнаго потребленія.

Съ этою цѣлью достаточно упомянуть о хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ мануфактурахъ, о свекловично-сахарномъ производствѣ, о развитіи національнаго сельскаго хозяйства, объ улучшеніи механическихъ двигателей и работъ. Затѣмъ, какъ колоссальный памятникъ, свидѣтельствующій предъ потомствомъ о заботѣ Государя придать своей обширной Имперіи и гражданамъ развитіе, остается Сводъ Русскихъ Законовъ. Но, къ сожалѣнію, великая по цѣли мѣра эта, будучи приложена къ быту народа, еще не вступившаго въ періодъ самобытной и самосознательной гражданственности, не могла удовлетворить всѣхъ ожиданій, такъ какъ въ русскую жизнь еще не могло войти разумное пониманіе государственныхъ, общественныхъ и семейныхъ обязанностей. *При наслѣдованномъ нами отъ предковъ, по примѣру младенчествующихъ народовъ, стремленіи осуществлять идею законности только въ отношеніи къ праву сильнаго, цивилизующее вліяніе законодательства тѣмъ менѣе могло достигать у насъ цѣли, чѣмъ самые законы были справедливѣе и либеральнѣе.* Такъ точно оно и было.

Впрочемъ, мы уже имѣли случай замѣтить, что существенный характеръ царствованія Николая I-го.

какъ эпоха по отношенію къ ходу цивилизаціи, выражается не утилитарнымъ, еще менѣе соціальнымъ прогрессомъ, а только пробужденіемъ въ народѣ разумнаго сочувствія къ наукѣ, упроченіемъ наукою на самой русской почвѣ широкаго основанія для ея будущаго развитія.

Зная характеръ и образъ мыслей покойнаго Императора, всегда поставлявшаго *монархическое и государственное* начало выше всѣхъ другихъ, хотя бы не менѣе важныхъ интересовъ страны, трудно понять съ перваго раза, какимъ образомъ могло совершиться въ его царствованіе то счастливое событіе, которое безуспѣшно старались вызвать въ Россіи Его Августѣйшіе Предки. Государь, почти исключительно встрѣчая элементы политическихъ безпорядковъ между лицами высшаго образованія, казалось, не только не содѣйствовалъ развитію въ государствѣ просвѣщенія въ лицѣ русскихъ университетовъ, но даже время отъ времени признавалъ за нужное грозно ограничивать вліяніе университетской дѣятельности, всегда дѣлавшейся, по извѣстной для Государя причинѣ, проводникомъ вредныхъ идей и внутренняго броженія. И однако же, несмотря ни на какія невзгоды, которымъ подвергались русскіе университеты, и на болѣе или менѣе справедливыя жалобы поборниковъ просвѣщенія, фактъ прочнаго водворенія въ нашемъ отечествѣ умственнаго прогресса, въ видѣ науки, совершился именно въ царствованіе Императора Николая I-го и это потому, что репрессивныя мѣры, быть можетъ не всегда вызываемыя необходимостью, вознаграждались другими, содѣйствовавшими просвѣщенію и соотвѣтствовавшими ближайшимъ потребностямъ народа, мѣропріятіями Императора. Такимъ образомъ, не увеличивая числа русскихъ университетовъ и продолжая ограничивать права ихъ, Государь не переставалъ однако же подкрѣплять ихъ ученыя средства, хотя и не въ такой степени, какъ бы это было желательно. Но въ замѣнъ того, онъ усиливалъ гимназіи и другія среднія и низшія учебныя заведенія, заводилъ народныя школы, улучшалъ въ нихъ систему преподаванія. При

такихъ условіяхъ въ Россіи стала распространяться грамотность и животворные начатки просвѣщенія непосредственно прикоснулись къ самимъ народнымъ массамъ.

Но одна изъ благодѣтельнѣйшихъ мѣръ Государя въ отношеніи къ русской цивилизаціи, заслуживающая ему вѣчную признательность современниковъ и потомства, заключалась во временномъ учрежденіи Профессорскаго Института, какъ живого разсадника не чужеземныхъ, но собственныхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей науки. Эта простая, скромная, но въ высшей степени раціональная государственная мѣра, въ свое время встрѣченная сильнымъ противодѣйствіемъ, такъ называемой, нѣмецкой партіи, по важности послѣдствій едва ли не равняется Петровской реформѣ. Она до того пришлась во время, до того была кстати, такъ нераздѣльно сомкнулась съ существенною потребностью народнаго развитія и имѣла сама въ себѣ столько животворной силы, что принесенные ею результаты уже смѣло могли бороться со всѣми крайностями и отстоять свѣтъ новорожденной у насъ науки противу всѣхъ возможныхъ и своихъ, и чужихъ гасильниковъ просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, до той поры русскіе университеты были чѣмъ-то въ родѣ капищъ древнихъ, въ которыхъ, со дня ихъ построенія, не переставали возсѣдать Лодеры, Фишеры и другіе чужеземные боги и полубоги, съ ихъ отупѣвшими жрецами и причтомъ. Что же тутъ удивительнаго, что русскіе студенты, систематически обреченные питаться только крупицами умственной подачки, падающими отъ трапезы чуждыхъ для нихъ боговъ, впослѣдствіи выходили, за исключеніемъ необыкновенно сильныхъ натуръ, весьма чахлыми и тощими, въ умственномъ отношеніи, личностями.

Съ учрежденіемъ Профессорскаго Института, научному застою въ Россіи положенъ конецъ. Для талантливыхъ молодыхъ людей залегла впередъ свободная торная дорога: имъ предлагались широкія средства, открывался вольный путь къ полезному труду и частной конкурренціи. Русскіе университеты были

призваны къ новой, самостоятельной, а не искусственной только жизни; стали организоваться ученыя общества, оживилась литература, завелись публичныя лекціи и популярныя чтенія. Съ этого времени къ молодымъ русскимъ ученымъ общество стало относиться съ уваженіемъ; всѣ стали понимать пользу и необходимость основательнаго ученія и такимъ образомъ, благодаря счастливой совокупности правительственныхъ мѣръ, наука, какъ новый животворный элементъ, тихо, незамѣтно и безъ всякихъ принудительныхъ потрясеній прокралась и проникла къ намъ въ жизнь народную.

Несмотря на розность мѣръ, которыя иногда принимались противъ университетовъ правительствомъ Николаевскаго времени, нельзя однако-жъ не остановить вниманія на томъ замѣчательномъ фактѣ, что у молодыхъ и неопытныхъ членовъ еще невыработавшагося общества явилась возможность подстраиваться подъ камертонъ либеральнаго хора, повидимому, тѣмъ самымъ, направляя духовныя силы ихъ къ болѣе полезнымъ и существеннымъ цѣлямъ. Молодые люди, не находя способа примѣнять университетскую скамью на стилетъ заговорщика, всегда столь привлекательный для кипучаго возраста, большею частью, почти всегда безраздѣльно, отдавались наукѣ и впослѣдствіи выходили просвѣщенными и полезными для общества личностями, по большей части съ либеральными, но вовсе не революціонными тенденціями.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II-го, Россія вступила въ третій періодъ своего умственнаго движенія, выражающійся стремленіемъ къ социальному развитію.

Этимъ періодомъ, безъ котораго два другіе были бы недосказаннымъ словомъ, замыкается въ государствѣ тройственный циклъ цивилизующаго процесса, содержащій уже подготовленную почву, гдѣ народъ могъ бы при извѣстныхъ условіяхъ самостоятельно вырабатывать для себя матеріальное благосостояніе, науку и гражданственность. Съ этого времени для

народа настаетъ новая эпоха, начинаетъ точнѣе опредѣляться его характеръ, его собственное міросозерцаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаться роль, которая предстоитъ ему въ судьбахъ человѣчества, и мѣсто, которое онъ можетъ приготовить для себя на страницахъ всемірной исторіи.

Императоръ Александръ II, подобно Петру I-му и Августѣйшему своему родителю, началъ свое царствованіе при самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ. Послѣ предательской и злополучной для насъ Крымской войны, наше политическое вліяніе на Европу было уничтожено, финансы разстроены, народъ упалъ духомъ и громко роптал противъ правительства.

Въ этой мрачной картинѣ выдавалось еще одно, болѣе другихъ прискорбное для Государя и пагубное для государства обстоятельство, это полнѣйшая деморализація, Богъ знаетъ откуда вдругъ выступившая изъ земли русской *на всемъ обширномъ пространствѣ тогдашняго административнаго строя.*

На ряду съ безукоризненнымъ служеніемъ отечеству, съ подвигами высокаго патріотизма, густымъ лѣсомъ выростала *измѣна, продажность, казнокрадство, бездарность и интрига, презрѣніе закона, отсутствіе всякаго нравственнаго и патріотическаго чувства;* странно было увидѣть вдругъ, какъ посреди собственнаго нашего русскаго народа, у котораго, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, всегда и все „обстояло благополучно“, могли совершенно неожиданно и въ такомъ множествѣ развиться и придти въ систему нравственныя уродства, вовсе не соотвѣтствующія ни природнымъ его качествамъ, ни элементамъ, затрагивающимъ народное чувство, ни обстоятельствамъ того времени.

Многоразличныя причины этого прискорбнаго явленія сводятся къ двумъ главнымъ: *первая* изъ нихъ заключается въ отсутствіи самобытнаго соціальнаго развитія въ государствѣ, а *вторая* еще болѣе важная: это заразившее почти всѣхъ насъ до мозга костей вліяніе тайной революціонной пропаганды.

Мы сказали выше, что съ воцареніемъ Импера-

тора Александра II наступила для Россіи третья эпоха, заканчивающая циклъ цивилизаціи нашего отечества—эпоха соціальнаго саморазвитія, безъ котораго цивилизація всегда будетъ недосказаннымъ словомъ, не имѣющимъ никакого опредѣленнаго смысла. Нынѣ слово это стало осмысливаться и для народа русскаго наступила новая эпоха, взошла заря новой жизни, къ которой онъ призванъ для разрѣшенія своей исторической задачи*).

Слова, съ которыми новый Государь обратился въ 1856 году къ Московскому дворянству, тогда же обнаружили основную идею предстоявшаго царствованія, хотя впрочемъ еще не многіе въ то время угадывали, что въ этихъ словахъ таилось основаніе одного изъ тѣхъ великихъ переворотовъ, къ которому со временемъ будутъ тяготѣть не отечественныя только, но и міровыя событія.

Затѣмъ, вскорѣ же послѣдовало уничтоженіе крѣпостного права. Этою благотворною правительственною мѣрою положенъ въ государствѣ конецъ сословнымъ предразсудкамъ, надѣта нравственная узда на деспотизмъ высшаго сословія, призваны къ развитію и дѣятельности духовныя силы меньшой братіи, пробуждено сознаніе человѣческаго права, а съ нимъ вмѣстѣ уваженіе къ законности и закону. Но этимъ не закончилась реформа, которую принесло намъ съ собою новое царствованіе. Совершивъ первый шагъ, правительство неутомимо продолжало преслѣдовать заданную себѣ историческую программу: вызвать полное соціальное развитіе изъ среды самаго народа. Уничтоженіе откупа и нѣкоторыхъ другихъ монополій, важныя измѣненія въ составѣ администраціи и ходѣ судопроизводства, пересмотръ университетскаго устава, допущеніе гласности, развитіе желѣзныхъ путей и пр. и пр.—все это благодѣтельныя дѣти одной и той же царственной мысли, все это послѣдствія тѣхъ же мудрыхъ заботъ современнаго намъ русскаго правительства.

*) Рукопись написана въ 1863—1864 г.

И однакожъ, несмотря за законченность, которую Государь стремился внести въ дѣло русской цивилизаціи, не взирая на самыя гуманныя, либеральныя, отеческія отношенія Его къ народу, нашъ общественный горизонтъ съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе и мрачнѣе, и изъ волнующейся среды милліоновъ вѣрноподданныхъ, даже въ минуту торжественныхъ патріотическихъ заявленій, то и дѣло, раздаются дикіе, нестройные голоса, рѣзкіе диссонансы, нагло идущіе въ разладъ гармоніи цѣлаго. Въ обществѣ все какъ-то страшно, неестественно, натянуто; подъ успокоительной оболочкой бродятъ элементы разложенія, чье-то невидимое прикосновеніе какъ будто парализуетъ дѣйствія правительства, или обращаетъ ихъ во вредъ государству; всякій чуетъ приближеніе грозы, хотя и не понимаетъ, откуда ей быть; всѣ ожидаютъ чего-то, всѣ въ тайнѣ чего-то боятся въ будущемъ*). Да и есть чего бояться; у насъ уже порядочно выросло то настроеніе умовъ и акклиматизировалась та вѣрно расчитанная и искусно организованная пропаганда, за которую въ XVIII вѣкѣ послѣдовало во Франціи рожденіе кровожаднаго чудовища, по имени: Революція.

Революція—какъ возведенное въ систему высшее проявленіе интриги, эгоизма и тираніи, революція 90 годовъ, вооруженная огнемъ и мечемъ, кующая гильотину на Государей и топоры на собственниковъ, обрекающая на погибель христіанскія государства и христіанскіе храмы всѣхъ націй.

Благодаря Бога, народъ нашъ еще не проходитъ сквозь школу регентства и Людовика XV, тѣмъ не менѣе, однакожъ, не въ одной Россіи, но и во всемъ мірѣ христіанскомъ теперь готовятся событія, непосредственно связанныя съ рѣзнею XVIII столѣтія, и мы постараемся это доказать, насколько доказательства возможны въ дѣлахъ, совершающихся въ потемкахъ, и насколько это можетъ входить въ довольно тѣсную рамку этихъ записокъ.

*) Авторъ рукописи, очевидно, упустилъ изъ виду Земское Положеніе изд. 1864 г. *Примѣчаніе владѣльца рукописи.*

ГЛАВА II.

Ближайшая, непосредственная причина французской революціи до сей еще поры съ недостаточною положительностью указывается исторіею. Какъ ни сильны были во Франціи элементы разъединенія между народомъ и властію, однако-же безъ участія внѣшней причины не могли бы совершиться въ ней кровавыя событія того времени. Нельзя не видѣть, что этими элементами распоряжалась какая-то таинственная рука, умѣющая искусно отклонять или обезсиливать все, что дѣлали и что могли дѣлать для возстановленія порядка государственные люди того времени. Наконецъ, вся отвратительная обстановка этой революціи явно принадлежитъ къ явленіямъ искусственнымъ, паразитамъ, не имѣющимъ корня ни въ обычаяхъ страны, ни въ народныхъ преданіяхъ. Въ противномъ случаѣ, обратное возвращеніе только что установившейся французской республики къ монархическимъ формамъ, не могло бы совершиться такъ спокойно и неожиданно, лучше сказать, оно не имѣло бы смысла.

Но впрочемъ, нельзя слишкомъ винить историковъ. Есть преданіе, что всякій осмѣлившійся приподнять покровъ древней Изиды и посмотрѣть ей въ лицо, упадалъ мертвымъ! О революціи же 90-хъ годовъ должно сказать: Всякій, кто заглянулъ ей хорошенько подъ маску, сталъ бы неосторожно разсказывать, что она въ самомъ дѣлѣ такое и какъ относится къ настоящимъ событіямъ въ Европѣ, тотъ, не ходя далѣе Парижа, попалъ бы на 60.000 добрыхъ стилетовъ, готовыхъ по первому слову положить на кого угодно печать вѣчнаго молчанія! Политическія убійства такого рода вовсе не рѣдкость, какъ, напримѣръ, аббата Вилара, Джотона, Карла III и Густава III *). Впро-

*) Къ этимъ можно бы прибавить имена: Коцебу, Аббата Лафранка, Генерала Кеннеля, С. Бламона, Гамбетты, Карно, Фора во Франціи и много другихъ изъ событій въ Италіи за послѣднія 20—25 лѣтъ; сюда же относятся и современныя покушенія на жизнь монарховъ. (Leo Taixil, Paul Verdun—„Assassinats maçonniques“). *Примѣч. владѣльца рукописи.*

чемъ, и то правда, что въ настоящее время солидарные парижскіе стилеты могутъ попадаться вездѣ, даже тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе, повидимому, ожидать можно.

Происхожденіе революціи 1789 года по обыкновенію стараются объяснить умноженіемъ во Франціи пролетаріата, пауперизма и могучимъ вліяніемъ на народъ философскихъ сочиненій, направленныхъ противъ религіи, общества и государей. Конечно, все это правда, но только исторія не вполнѣ объясняетъ, въ какой именно школѣ организовалось внезапное нашествіе на Францію наговаривавшихъ революцію писателей. Иногда даже можно подумать, что писателямъ какъ будто неизвѣстно: *кто наводилъ тогдашнее французское правительство на безпрестанные промахи и ошибки?* кто съумѣлъ опутать безвыходною интригою консервативные органы государства? кто поджигалъ народъ и общественныхъ крикуновъ того времени? *А главное, изъ исторіи не видно цѣли, объясняющей сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ тотъ характеръ преднамѣреннаго разрушенія религіозныхъ и нравственныхъ началъ, которое не могло быть полезнымъ ни для какого общества.* Явленіе это обыкновенно сваливаютъ на заблужденіе философовъ, но вѣрить этому было бы черезъ-чуръ наивно, послѣ того, какъ сама же исторія сознаетъ, что философы, по большей части, сами не вѣрили тому, что писали. „Всего печальнѣе, говоритъ Кантъ, было видѣть, что философы ниспровергали міръ безъ всякаго убѣжденія въ истинѣ того, что провозглашали“. Извѣстно, что Дидеротъ съ удовольствіемъ ходилъ къ Причастію, страстно любилъ своихъ дѣтей, воспитывалъ въ правилахъ религіи и часто повторялъ слова стараго отца: „сынъ мой, разумъ хорошая подушка, но для головы еще лучше, если она опирается на религію и законы“. Онъ съ энтузіазмомъ выражался о Богѣ и отвѣчалъ возражавшимъ ему: „Я могу быть безбожнымъ только въ городѣ, но не въ деревнѣ“. Вольтеръ прямо сознавался, что вся ихъ философія зависитъ отъ желудка. Онъ сказалъ д'Аламберту, по поводу его предсказанія

объ успѣхѣ революціонной пропаданды: „Славное времячко! вотъ будетъ потѣха!“ *). Руссо пишетъ въ Эмилѣ: „О Монтенъ! ты, который хвалишься искренностью и правдивостью, скажи, наконецъ, правду, если это только возможно для философа“. Правдивый Рульеръ сказалъ однажды: „Тебѣ ли напоминать объ отечествѣ, Мирабо! Если бы лобъ у тебя не былъ покрытъ тройнымъ слоемъ мѣди, то могъ ли бы ты, не краснѣя, произнести эти слова?“ И однакожъ это тотъ самый Мирабо, которому принадлежатъ слова: „Народы научаются изъ примѣра Франціи, что безъ Евангелія и свободы невозможно истинное законодательство“. Все это не доказываетъ ли, что философы и энциклопедисты писали сами противъ собственныхъ убѣжденій и, слѣдовательно, писали не искренно? Для чего же они писали?

По замѣчанію де-Мэстра, „вся исторія трехъ послѣднихъ столѣтій походитъ на огромный заговоръ противъ истины“. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться, что съ нѣкотораго времени исторія какъ будто перестала быть сама себѣ цѣлью и приняла обязанность служить проводникомъ для какихъ то преднамѣренныхъ идей и средствомъ для осуществленія какихъ то затаенныхъ цѣлей.

Историки слишкомъ поверхностно оцѣнили ту роль, которую, въ продолженіе послѣднихъ 400 лѣтъ, занимаетъ въ большихъ и малыхъ революціонныхъ движеніяхъ, такъ называемый, фран-масонскій орденъ, хотя писали очень много объ іезуитахъ. Впрочемъ, такъ какъ фран-масонскій орденъ сотканъ весь изъ потемокъ и тайны, то конечно не всѣ историки могли имѣть о немъ сколько нибудь правильное понятіе. Тѣмъ не менѣе вопросъ о немъ есть вопросъ чрезвычайно важный, особенно для насъ русскихъ, по той внутренней связи, которую имѣетъ съ нимъ послѣднее польское возстаніе и наконецъ организація революціонной пропаганды въ Россіи **).

*) А передъ смертію за два дня исповѣдывался и причастился.

Примѣчаніе издателя.

**) Упрекъ, дѣлаемый авторомъ современнымъ писателямъ, справедливъ только въ отношеніи собственно, такъ называемыхъ, *исторій*

Не можетъ быть сомнѣнія, что фран-масонскій орденъ былъ также главнымъ подпольнымъ двигателемъ и организаторомъ французской революціи. Но чтобы заранѣе успокоить скептицизмъ большинства читателей, возмущающихся даже при одной мысли отрѣшиться отъ понятій, усвоенныхъ ими изъ тѣхъ извѣстныхъ всѣмъ и каждому сочиненій, въ которыхъ большею частію не безъ намѣренія искажается истина, замѣтимъ, что здѣсь дѣло идетъ о предметѣ, пока еще очень мало имъ извѣстномъ.

Впрочемъ, немного нужно проницательности, чтобы

французской революціи. Если же согласиться на то, что, со временъ Вальтеръ-Скотта, всѣми признано, что хорошій историческій романъ составляетъ почти необходимое дополненіе исторіи, то мы увидимъ, что этотъ родъ литературы восполнилъ пропуски историковъ въ этомъ отношеніи.

Въ 40-хъ годахъ вышелъ историческій романъ Александра Дюма (Dumas) отца, въ нѣсколькихъ частяхъ, подъ общимъ заглавіемъ „Записокъ врача“ (Mèmoires d'un mèdecin), объемлющій періодъ французской исторіи съ бракосочетанія Дофина, впослѣдствіи Людовика XVI, съ Маріей-Антуанеттой, до самой революціи. Въ самомъ началѣ романа, въ первой его части, (въ главахъ I, II и III), озаглавленной „Ioseph Balsamo“, авторъ вводитъ читателя въ тайное сборище иллюминатовъ (высшихъ масоновъ), въ которомъ является извѣстный графъ Каліостро (Cagliostro, онъ же и Бальзамо и графъ Фениксъ) въ качествѣ Великаго Кофта, основателя и верховнаго начальника этого тайнаго общества и представителя всѣхъ европейскихъ и американскихъ иллюминатско-масонскихъ ложъ, открываетъ свой планъ ниспроверженія монархіи сперва во Франціи, а затѣмъ и повсюду. Это происходитъ въ самое бракосочетаніе Дофина и Великій Кофтъ требуетъ 20 лѣтъ времени для искорененія во Франціи традиціонной привязанности къ трону Святого Людовика и для совершенія революціи. Самый знакъ, носимый Каліостромъ на груди, по которому собраніе признаетъ его своимъ главою, объясняетъ цѣль тайнаго общества, знакъ этотъ: на брильянтовомъ фонѣ, три латинскія буквы изъ рубиновъ: L. P. D., которыя значатъ „Lillia pedibus destrue“ („раздави лилію ногами“), аллюзія къ гербу французскихъ королей. Въ этомъ собраніи представителями народовъ или ложъ были: Шведскій—Сведенборгъ, Англійскій—лордъ Ферфаксъ (Fairfax), Испанскій—Хименесъ (Chimenes), Швейцарскій — Лафатеръ (Lafater), Американскій — Павелъ Джонсъ (Gones), Россійскій и Польскій—Сіефортъ (?) (Scieffort). Этому послѣднему Каліостро предсказываетъ, что онъ, какъ измѣнникъ, захочетъ предать орденъ, но будетъ убитъ. Въ этой части романа Дюма и въ слѣдующихъ за ней (Collier de ra Reine, Ange Pitou и la Comtesse la Charny), развивается рядъ интригъ Каліостро, поселившагося въ Парижѣ, и его сподвижниковъ къ уроненію короля Людовика XVI и королевы въ мнѣніи народа и къ приготовленію революціи.

Мы не станемъ разбирать, на сколько правдивы данныя о подробностяхъ дѣятельности Каліостро и объ историческихъ личностяхъ, которыхъ авторъ романа представляетъ, какъ участвующихъ съ нимъ въ заговорѣ противъ монархическаго начала, но изъ сказаннаго нами видно, что главною пружиною французской революціи Александръ Дюма признаетъ интригу масонскаго ордена и представляетъ его въ дѣйствіи.

Примѣчаніе О. А. П.

угадать важность связи между революціею и фран-масонствомъ изъ одного уже того, что Гара, Мирабо, Бриссо, Камилль Демуленъ, Бабефъ, Кондорсе, Фуркруа, Шамфоръ, Савалеттъ де-Ланжъ, Дантонъ, Франклинъ, донъ Жересъ, Рабо, Сентъ-Этіеннъ, Петьонъ, Фоше, Гупиль, де-Префельнъ, Бониволль, Сіейсъ, Робеспьеръ, Маратъ, Латушъ, Барнавъ, Саліера, Кюстинъ, Фуше, Баррокъ, оба Ламета, Лафайеттъ и пр. и пр., и въ числѣ ихъ тогдашній глава Орлеанской линіи, Людовикъ Филиппъ—Іосифъ Орлеанскій Дюкъ де-Шартръ, Philippe Egalité—были фран-масонами. Но дѣло въ томъ, что фран-масонскій орденъ умѣлъ такъ ловко хоронить концы въ воду, что ученому изслѣдователю нелегко было доискаться истины. Замѣчательно, что тѣ самыя лица изъ знатнѣйшихъ французскихъ фамилій, которыми это тайное общество, въ качествѣ своихъ членовъ, предательски окружило Людовика XVI и его семейство, почти всѣ отвѣдали гильотины, унося въ могилу полнѣйшее невѣдѣніе о томъ, для какого дѣла летятъ съ нихъ головы и что разумѣлъ фран-масонскій орденъ, въ своемъ заповѣдномъ святилищѣ, подъ именемъ приготовляемаго имъ освобожденія народовъ. Впрочемъ, мы еще впереди будемъ говорить о французской революціи.

Вообще, чтобы оцѣнить политическое значеніе фран-масонскаго ордена для исторіи нѣтъ никакой надобности ожидать новыхъ данныхъ; достаточно разсмотрѣть безпристрастно тѣ, которыя у всѣхъ передъ глазами, и мы рекомендуемъ читателямъ слѣдующія сочиненія, изъ которыхъ они могутъ почерпнуть болѣе или менѣе вѣрныя, хотя и не всегда полныя свѣдѣнія о фран-масонствѣ *):

*) Списокъ этихъ сочиненій при рукописи авторомъ приложенъ не былъ или затерялся. Изъ предоставленныхъ же собственнику настоящей рукописи Тверскимъ археологическимъ музеемъ для прочтенія множества сочиненій о фр.-масонскомъ орденѣ, изъ числа книгъ, перешедшихъ въ Тверской музей по смерти Тверского помѣщика—Д. С. Сов. Ѳедора Николаевича Глинки (бывшаго масона декабриста, хотя человѣка замѣчательной души и рѣдкаго, по своей отзывчивости сердца и поэта-мистика) ни одна, какъ, вообще всѣ писанныя братьями фр.-масонами, а въ XVIII столѣтіи въ особенности, съ *крайнимъ* къ ордену пристрастіемъ и

„Братскія увѣщанія“, „Пастырское посланіе“, „Пастырское посланіе, (большая рукопись)“, „Сочиненія Эккартстгаузена“ и пр. пр. Предупреждаемъ однако-жъ, что выставленная нами литература далеко не можетъ почитаться полною.

Послѣ французской революціи прошло уже почти три четверти столѣтія, миновало время терроризма, сошло со сцены нѣсколько поколѣній и смѣнилось нѣсколько династій, передвинулись въ государствахъ границы. Въ продолженіе этого времени, фран-ма-

даже до очевидности съ незаслуженнымъ восхваленіемъ его, несмотря на нѣкоторыя примѣняемыя въ немъ недостойныя обрядности,—не даетъ возможности придти къ какому либо правильному и серьезнему *заключенію о происхожденіи*, организаціи и цѣляхъ ордена; можно было только понять, что происхожденіе Свободныхъ Каменщиковъ весьма древнее, что вступленіе въ это тайное общество обставлено символикой и обрядностями полу-еврейскими, полу-египетскими, особенно при переходахъ членовъ изъ одной іерархической степени въ другую, и совершенно для непосвященныхъ непонятными; цѣли же ордена остаются вовсе не разгаданными.

Этимъ и было впослѣдствіи, при нѣкоторыхъ проявленіяхъ дѣятельности ордена фран-масоновъ, дано основаніе Папѣ Льву XIII отозваться о масонахъ въ своей энцикликѣ—Humanis Genus, признанной вездѣ и всѣми замѣчательнымъ произведеніемъ политической и соціальной науки, съ полнымъ порицаніемъ. „Фран-масоны, говорится въ эн„цикликѣ, дѣйствуя подъ лживой оболочкой и ставя тайну въ основаніе „и въ непремѣнное условіе всего, что дѣлаютъ,—поступаютъ какъ древ„ніе манихеи, всячески усиливавшіеся скрываться отъ всѣхъ людей, не „состоящихъ съ ними въ сообществѣ,—что жить такимъ образомъ, по„стоянно подъ покровомъ лицемѣрія и всегда себя окружать непрони„цаемымъ мракомъ, приковывая къ себѣ людей страшными клятвами и „угрозами и предварительно не предупреждая, къ чему именно они обя„зываются, обращая ихъ такимъ образомъ въ безсознательныхъ рабовъ, „вооружая затѣмъ руки убійцъ, обезпечивая ихъ безнаказанностью,— „представляется такимъ позорнымъ и преступнымъ дѣяніемъ, которое „даже природою вещей не допускается; почему достаточно простого здра„ваго смысла и общаго понятія объ истинѣ, чтобы признать самыя цѣли, „вызывающія такія дѣянія, заслуживающими строжайшаго осужденія во „всѣхъ отношеніяхъ“.

Изданная во Франціи, въ концѣ минувшаго столѣтія и въ началѣ настоящаго въ самой даже Россіи: Leon Taxil (ссылка на Taxil' я опасна т. к. это шарлатанъ и жуликъ, ссылка можетъ дать поводъ къ нареканіямъ) и Paul Verdun „Les assassinats maçonniques“, „La Fran-Maçonnerie devoilee et expliquee“ и другія, а въ Россіи:—„Русскіе Розенкрейцеры“ и сочиненіе Императрицы Екатерины II противъ Масоновъ,—изданные *А. В. Семека*, а также приведенное въ *статьѣ Бурнашева*, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, — сочиненіе *Г. Гойо* (George Goyau) „La Fran-maçonnerie en France“.—наглядно доказываютъ, насколько истинныя конечныя цѣли масонства расходятся съ добродѣтелями, лицемѣрно выставляемыми въ его уставахъ. (Болѣе подробно приводятся почтенные труды г.г. Семеко и Дубровина относительно масонства въ Россіи, а также г. Бурнашева,—помѣщенныя въ концѣ настоящаго изданія въ дополнительныхъ къ нему примѣчаніяхъ владѣльца рукописи.

Примѣчаніе издателя.

сонскій орденъ, затопившій въ крови цѣлое государство и потомъ, во имя свободы, двинувшій его, какъ бездушную массу, на борьбу съ Европой, въ свою очередь продолжалъ мѣнять цвѣта и названія, дробясь, глядя по обстоятельствамъ, на разные центры и, смотря по надобности, сосредоточивая свою дѣятельность на той или другой точкѣ обитаемаго міра. И однакожъ, посреди всѣхъ этихъ перемѣнъ, попадавшихъ подъ общіе законы времени, осталось неизмѣнимымъ только одно: это страшная, несокрушимая, до баснословныхъ размѣровъ увеличившаяся, сила ордена, вытекающая изъ повсемѣстной и неотступной его пропаганды, удивительной организаціи, единства цѣли, солидарности дѣйствій, замкнутости отъ чуждыхъ ему элементовъ, знанія перевоспитывать, т. е. нравственно порабощать себѣ поступающихъ въ него неофитовъ, и, наконецъ, ихъ наглой рѣшимости не отступать ни передъ какой ложью, ни передъ какою интригою и ни передъ какимъ средствомъ, когда дѣло идетъ объ осуществленіи его намѣреній, исполненіи его декретовъ или сохраненіи тайны, которою онъ себя окружаетъ. Стараясь объяснить свои тенденціи духомъ времени, но вмѣсто того вырабатывая этотъ самый духъ времени въ недоступныхъ для посвѣщеннаго глаза тайнахъ, эта страшная корпорація, по прежнему, мечетъ банкъ на месть и кровь и бьетъ навѣрняка одну за другою карты, на которыя ставятъ что нибудь-такое, не свыше исторической традиціи или любви народной. Разсчетъ игрока безошибоченъ: народныя массы непостоянны и недальновидны; при благопріятныхъ условіяхъ онѣ всегда скорѣе готовы отдаться внѣшнему вліянію, вызывающему ихъ на борьбу и жизнь, чѣмъ неподвижно хранить въ себѣ чувства благодарности, никого не уносящее далѣе области прошедшаго.

Но, выводя въ глазахъ читателей подпольнаго политическаго двигателя, на котораго до сей поры такъ мало обращала вниманія исторія, мы едва не позабыли, что читатель, будь онъ до мозга костей мадзинистъ, или повстанецъ, можетъ быть вовсе не

знаетъ, что давно уже существуетъ на бѣломъ свѣтѣ такой магическій узелъ, которымъ затягиваются въ одинъ общій центръ всѣ революціонныя нити, и потому постараемся раскрыть ему тайны фран-масоновъ.

ГЛАВА III.

Фран-масонскій орденъ есть очень, очень древнее общество, всегда искусно скрывавшееся отъ правительства и церкви, кромѣ только тѣхъ случаевъ, гдѣ и правительство, и церковь сами обнаружили стремленіе къ реформамъ, благопріятствовавшимъ развитію революціоннаго начала. И наоборотъ, гдѣ только преобладалъ или удерживался консервативный характеръ, фран-масонскій орденъ подвергался запрещенію. Такимъ образомъ въ Англіи онъ былъ запрещенъ парламентомъ въ 1425, а потомъ еще Елисаветою въ 1560 году: во Франціи въ 1729, въ Голландіи въ 1735, въ Австріи въ 1745 и послѣдовательно во Фландріи, въ Швеціи, въ Польшѣ, Испаніи, Португаліи, Венеціи, Швейцаріи и Россіи, а именно при Екатеринѣ II, Павлѣ I и Александрѣ I. Папа Климентъ XII подвергнулъ его экскомуникаціи, Бенедиктъ XIV анаѳемѣ и вскорѣ послѣ того Карлъ III подвелъ его въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ онъ былъ распространенъ во множествѣ, подъ наказанія, опредѣленныя для нарушителей общественнаго спокойствія. Этому примѣру послѣдовали и многіе другіе государи.

Въ отношеніи къ оккультизму фран-масонскій орденъ не ограничивается тѣмъ, что составляетъ тайную подпольную корпорацію. Въ своей собственной средѣ, онъ тщательно сохраняетъ, отъ своихъ же членовъ, какія то тайны, знакомя съ ними членовъ только исподволь и то не иначе, какъ подъ аллегорическимъ покровомъ, напоминающимъ, какъ то увидимъ, ветхозавѣтную, библейскую и талмудическую письменность. Тайны эти ввѣряются адептамъ по мѣрѣ повышенія ихъ въ различныя степени, изъ ко-

торыхъ состоитъ орденъ, и заключаются въ организаціи повсемѣстной революціонной пропаганды и управленіи ходомъ революціонныхъ движеній на всѣхъ возможныхъ точкахъ обитаемаго міра.

Но независимо отъ политическихъ интригъ, связываемыхъ между собою единствомъ общей для нихъ революціонной цѣли, орденъ имѣетъ еще одну, какую то особенную, тайну, въ осуществленіи которой заключается главная или, лучше сказать, единственная его цѣль. Тайну эту открываютъ только очень немногимъ, высшимъ и притомъ невидимымъ его членамъ. Вообще она называется „великимъ дѣломъ“— „grand oeuvre“, которую люди недальновидные, а въ особенности способные увлекаться, буквально принимаютъ за секретъ дѣланія золота и приготовленія элексира безсмертія.

Фран-масонскій орденъ состоитъ изъ многихъ подчиненныхъ ему отдѣльныхъ центровъ, распространенныхъ во всемъ мірѣ и вообще называемыхъ ложами (Loges), съ ихъ мастерскими (Ateliers) и капитулами (Chapitres).

Существованіе внутри ордена его великой тайны, настоящей сфинксовой задачи, которую слѣдовало держать за семью печатями, заставило его раздѣлиться на такъ называемое внѣшнее и внутреннее масонство. Первое служитъ ступенью ко второму. Къ внутреннему масонству принадлежатъ капитулы, а къ внѣшнему ложи и также, какъ это говорится въ статутахъ, „всѣ тѣ ассоціаціи или отдѣльныя личности, которыя хотя бы и не числились въ составѣ ложи, но были бы солидарны съ духомъ масонства, по своему характеру и образу мыслей“. А такъ какъ характеръ и образъ мыслей ордена есть революціонный, то отсюда и слѣдуетъ, что лица недовольныя правительствами, составляющія такъ называемую оппозицію, равно какъ и всѣ прочіе элементы броженія, обыкновенно при первомъ удобномъ случаѣ, вступаютъ въ какую нибудь изъ масонскихъ ложъ, или же, сами того не понимая, служатъ для ордена сообщниками и слѣпымъ орудіемъ для осуществленія его плановъ. Поэтому, гдѣ бы

только не возникло броженіе умовъ, принимающее революціонный характеръ, вездѣ оно, по силѣ вещей и закону тяготѣнія къ большимъ центрамъ, непремѣнно вступаетъ въ органическую связь съ орденомъ, повсюду имѣющимъ своихъ агитаторовъ и тайныхъ агентовъ, готовыхъ помогать въ дѣлахъ такого рода не одною только нравственною, но и матеріальною поддержкою. Вслѣдствіе того, всѣ мелкіе революціонные центры, рано или поздно, непремѣнно присоединяются къ составу ордена и съ тѣмъ вмѣстѣ подчиняются его общему статуту и принимаютъ для себя общіе тайные знаки, посредствомъ которыхъ масоны и революціонеры легко узнаютъ другъ друга.

Этимъ то путемъ, не взирая на различія національностей и вѣроисповѣданій, образовалась наконецъ подъ управленіемъ, такъ называемаго, патріарха одна всеобщая фран-масонская іерархія, одно колоссальное, по всему міру раскинувшееся, невидимое государство, обрекшее на погибель цивилизацію и политическую жизнь всѣхъ христіанскихъ народовъ.

Этимъ искуснымъ механизмомъ централизаціи, единствомъ цѣли и безцеремонностію средствъ достаточно объясняются все болѣе и болѣе возрастающіе успѣхи революціонной борьбы противъ всѣхъ возможныхъ правительствъ, *особенно черезчуръ уступчивыхъ и недальновидныхъ.*

Итакъ, масонскія ложи и тайныя революціонныя общества всѣхъ возможныхъ наименованій не представляютъ между собою, по цѣли и направленію, никакого существеннаго различія. Поэтому общество карбонаріевъ, есть точно такая же масонская ложа, какъ ложа Мизраима или Мемфиса, а эта, по существенной цѣли своей, не отличается отъ ложи благотворительности, союза добродѣтели (Tugendbund), избранныхъ, филадельфовъ, Филаретова, Пламенѣющей Звѣзды, ноахитовъ, іоаннитовъ, Голубицы, Верховнаго союза славянъ и матери Латоны, молодой Франціи, молодой Германіи, молодой Италіи, молодой Россіи, молодой Арменіи, и мало ли еще какихъ.

Такое разнообразіе названій всегда служило кам-

немъ преткновенія для администраторовъ и тайныхъ полиціантовъ, еще не успѣвшихъ поддаться революціонному наитію.

Но кромѣ разнообразія названій, у масоновъ есть другой способъ укрываться отъ наблюдательности правительствъ. Какъ только удалось имъ возбудить какіе-нибудь безпорядки, они сейчасъ же распускаютъ ложу и въ случаѣ неудачи, прикидываются сторонниками порядка, потомъ собираются вновь, но уже подъ какимъ нибудь другимъ названіемъ. Эту же самую систему мы видимъ въ попеременномъ исчезаніи и появленіи польскихъ бандъ и въ быстромъ перемѣщеніи центровъ дѣйствія польскаго революціоннаго комитета. Но за то вѣдь и польское возмущеніе 1863 г. нисколько не имѣетъ по своему происхожденію характера народнаго возстанія. Правда, что въ числѣ составлявшихъ его разнородныхъ элементовъ находилась своя добрая доля польскаго патріотизма; но дѣло въ томъ, что всѣ эти элементы амальгамировались и направлялись къ извѣстной цѣли не изъ сердца польской національности, а *изъ огромной фран-масонской лабораторіи, помѣщающейся теперь въ Парижѣ, „Rue Bleue“ въ бывшемъ отелѣ Мюрата*. Впрочемъ, о масонствѣ, какъ главномъ двигателѣ повременныхъ происшествій въ Польшѣ, уже начинаютъ теперь вслухъ поговаривать и другіе, какъ напр., въ журналѣ Standard. Чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, стоитъ только обратиться къ польскому катехизису, котораго происхожденіе очевидно масонское. Въ немъ не выражено и тѣни патріотическаго чувства въ томъ, смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ профаны; но взамѣнъ того для поджигающей, грабительствующей, вѣшающей и клевещущей Польши, предназначается честь быть представительницей цивилизующей европейской миссіи. Давно слѣдовало бы спросить: какая же это миссія и кто такіе миссіонеры? Также не должно удивляться горячему участію, которое принимаютъ въ польскихъ смутахъ ксендзы и женщины. Тѣ изъ ксендзовъ, которые не причастны фран-масонству, воображаютъ, что трудятся для самихъ себя;

а что касается до женщинъ, то благодаря удавшемуся предложенію Цвака (Zwack), изъ ложи иллюминатовъ, онѣ и безъ того занимаютъ почетную роль въ организаціи масонства и съ того времени безъ нихъ не обходится ни одно революціонное движеніе.

Изъ сказаннаго уже можно составить приблизительное понятіе о томъ, какъ умно и прочно построено обширное зданіе фран - масонскаго ордена. Мы видимъ. что подъ покровомъ окружающей его тайны, онъ всегда будетъ имѣть у себя стольких друзей и сообщниковъ, сколько найдетъ на свѣтѣ недовольныхъ правительствами и обществомъ: слѣдовательно, говорить въ наше время о какомъ бы то ни было правильно организованномъ революціонномъ движеніи, будетъ то же, что говорить о политическомъ явленіи, которое обусловливается не столько существенными потребностями страны или народа, сколько всемірною революціонною интригою, олицетворяемою соединеннымъ дѣйствіемъ множества мелкихъ центровъ, составляющимъ фран-масонство *).

Теперь можетъ быть захотятъ спросить, когда и отъ кого фран-масонскій орденъ получилъ свое начало? Но отвѣчать категорически на вопросъ этотъ, уже значитъ на половину обнажить передъ глазами читателя завѣтную, свято сохранившуюся до сихъ поръ тайну масонства.

Не въ нашемъ характерѣ говорить о чужихъ дѣлахъ, но только не въ настоящемъ случаѣ, когда этого требуетъ долгъ честнаго человѣка, патріота и христіанина. Да вѣдь и дѣло это не чужое, а наше собственное. Рядить его въ чужое платье теперь не время и не къ лицу. Дайте нашему молодому обществу подумать прежде о своихъ дѣйствительныхъ, а не идеальныхъ потребностяхъ. Благодаря Богу, мы уже освободились отъ тѣхъ нравственныхъ пеленокъ, гдѣ здравый смыслъ и внутреннее чувство приносятся въ жертву ребяческому тщеславію, и потому заранѣе про-

*) Массовый боевой органъ котораго—„Интернаціоналъ“ бывшій долгое время подъ началомъ *еврея Маркса*.

Примѣчаніе издателя.

тестуемъ противъ обвиненія насъ въ ретроградности и обскурантизмѣ, противуполагая этимъ вовсе неосновательнымъ нападкамъ, спокойную твердость убѣжденій и сознанія долга. За насъ будетъ русская земля, за насъ проснувшееся общественное мнѣніе. Мы никого не называемъ, а только ставимъ на современной русской почвѣ новый общественный вопросъ, отъ котораго въ настоящее время зависитъ судьба будущей Россіи.

Глубокая тайна, окружавшая фран-масонство, и система терроризма составляютъ главную причину неясности и разнорѣчія мнѣній о его происхожденіи. Одни изъ масонскихъ писателей не говорятъ о себѣ правды потому, что сами ея не знаютъ, иные отдѣлываются намеками, другіе-же, стремясь къ абсолютности въ храненіи тайны, скрываютъ истину подъ такимъ густымъ аллегорическимъ туманомъ, сквозь который не пробьется никакой лучъ свѣта для непосвященнаго читателя. Такъ поступаютъ тѣ, которые приписываютъ происхожденіе фран-масонства Михаилу Архангелу или даже Пиѳагору. Изъ всѣхъ мнѣній, указывающихъ на начало этого загадочнаго ордена, только три заслуживаютъ серьезнаго вниманія историка. а именно: приписывающее происхожденіе франмасонства Адаму, потомъ—287 году по Р. Х. и, наконецъ, началу XVI вѣка.

Не смѣйтесь читатель! Рѣчь истыхъ масоновъ— рѣчь замысловатая и таинственная, какъ самъ орденъ... и потому ищите въ ней чего хотите, только не безсмыслицы. О происхожденіи ордена всѣ три мнѣнія говорятъ сущую правду. Адамъ, какъ родоначальникъ іудейской церкви; 287 годъ, какъ начало первой организаціи ордена, XVI вѣкъ, какъ его реформа и первая политическая удача.

Нѣкоторые стараются провести мнѣніе, что будто бы фран-масонскій орденъ произошелъ отъ Темпліеровъ. Не вѣрьте. Это или отводъ или непониманіе историческихъ фактовъ. Прежніе Темпліеры погибли навсегда, погибли потому, что съ безвозвратною утратою ихъ политическаго значенія погибли всѣ ихъ

мірскіе интересы. Что же касается до новѣйшихъ рыцарей Храма, то послѣ того, какъ вслѣдъ за Филиппомъ Орлеанскимъ, Герцогомъ Бурбонскимъ, масонская предусмотрительность, задумавшая уронить этотъ орденъ, дала ему въ великіе мастера герцога д'Антеля, а потомъ графа де-Клермона, они успѣли сохранить только одинъ авторитетъ своего начальнаго происхожденія и составляютъ теперь не болѣе, какъ одну изъ безчисленныхъ масонскихъ ложъ.

Совершивши этотъ искусный маневръ, франмасонство жадно взобрало въ себя остатки темпліерства, еще въ эпоху своего процвѣтанія усвоившаго себѣ всю его доктрину, какъ оно вбираетъ и уподобляетъ себѣ всевозможные революціонные элементы, какъ оно взобрало и успѣло перевоспитать по своему тайное общество карбонаріевъ, котораго первоначальная цѣль была, какъ извѣстно, вызвать контръ-революцію. Темпліеры проклинали погубившихъ ихъ короля Филиппа Красиваго и Папу Климента V. Тѣмъ лучше! Двѣ эти личности, какъ нельзя успѣшнѣе олицетворяютъ собою духовную и гражданскую власть и потому фран-масоны охотно внесли эти имена, какъ выражавшія собою предметъ приготовляемой ими катастрофы, въ клятвенные обѣты при церемоніяхъ посвященія въ кадоши. Тайнымъ невидимымъ вождямъ фран-масонства это и было на руку потому, что для нихъ всего важнѣе было припрятать за какими нибудь ширмами іудейское происхожденіе ордена отъ ненавидѣвшихъ и преслѣдовавшихъ іудейство христіанъ, или, какъ ихъ всегда называлъ орденъ, профановъ, то есть, осквернителей святыни.

Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ дальнѣйшему разоблаченію тайнъ масонства, слѣдуетъ отвергнуть повсюду распространившійся предразсудокъ, что будто оно составляетъ не болѣе, какъ скромное филантропическое общество или, по мнѣнію другихъ, общество религіозныхъ мистиковъ, безвредныхъ искателей философскаго камня, самыхъ невинныхъ изъ невиннѣйшихъ созданій. Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ есть своя доля правды, но, къ сожалѣнію, той лживой правды, кото-

рая предназначается служить оболочкою для прикрытія вовсе несоотвѣтствующей ей дѣйствительности. Филантропическая идея! Филантропія! Но вѣдь это такія слова, которыя можно гнуть на всѣ руки, начиная съ Мальтуса до жандарма—вѣшателя, который говоритъ, что затягиваетъ петлю на шеѣ бѣлорусскаго мужика также съ филантропическою цѣлью. Что же касается до мистическаго направленія, то въ основаніи масонскаго ордена дѣйствительно есть религіозный и космогоническій элементъ, но только онъ, выходя прямо изъ тайниковъ іудейской инициаціи, не отдѣляющей религію отъ политики, при первой возможности и въ силу тѣхъ же религіозныхъ убѣжденій, переходитъ въ мистицизмъ религіозно-политической интриги. Языкъ масоновъ есть языкъ символовъ, котораго профаны не понимаютъ, а адепты, оказавшіеся неспособными войти во внутреній политическій отдѣлъ ордена, будутъ во всю жизнь почитать за однѣ таинственныя указанія къ открытію способа дѣлать золото и жить счастливо, не старѣясь и не умирая. Но какъ бы то ни было, всѣ эти невинные, какъ младенцы, мистики и филантропы, составляющіе собою, такъ называемое, внѣшнее масонство (Maçonneire extèrieure) и не идущіе далѣе преддверія всегда закрытаго для нихъ масонскаго святилища, тѣмъ не менѣе безповоротно принадлежатъ къ составу ордена, служатъ къ умноженію, посредствомъ денежныхъ вкладовъ, его матеріальныхъ средствъ, и кромѣ того, въ силу принятыхъ на себя при посвященіи клятвенныхъ обязательствъ, должны, подъ страхомъ смерти, хранить тайну и безусловно повиноваться ордену.

Трудно представить себѣ, какъ сильно хлопочетъ орденъ, чтобы не оглашалось что нибудь происходящее въ стѣнахъ его. За нескромнымъ братомъ слѣдятъ десятки ушей и глазъ и, если возможно и нужно, то и десятки кинжаловъ или другихъ любезностей. Нововступающаго, совлекши съ него одежды и стащивъ сапоги съ ногъ его, приводятъ съ завязанными глазами и веревкою на шеѣ въ преддверіе масонскаго

храма. Тогда одинъ изъ братьевъ упираетъ конецъ меча (sic) подъ обнаженную лѣвую грудь приходящаго. Затѣмъ венерабль ложи говоритъ ему: „Мечъ, прикосновеніе котораго ты теперь чувствуешь, да будетъ для тебя изображеніемъ тѣхъ угрызеній, которыми будетъ растерзано твое сердце, если тебя постигнетъ когда нибудь несчастіе измѣнить нашему обществу. И потому первая обязанность, которую ты теперь на себя налагаешь, есть обязанность безусловнаго молчанія о тайнахъ фран-масонства“. Наконецъ, по совершеніи надъ новопосвященнымъ, такъ называемыхъ, испытаній, которыя имѣютъ не одну только цѣль предупредить его о дѣйствительныхъ опасностяхъ, сопряженныхъ со вступленіемъ въ орденъ, но въ тоже время стремятся навсегда обезпечить обѣтъ безусловнаго повиновенія и храненія тайны, венерабль ложи говоритъ ему: „Ты теперь очистился, профанъ, потому что сумѣлъ пройти сквозь воздухъ и землю, сквозь огонь и воду. Однако же этого еще не довольно. Отвѣчай: рѣшаешься ли ты, если потребуетъ общество, пролить для него, до послѣдней капли, кровь?“ Когда же претендентъ изъявитъ согласіе и утвердитъ его своею кровью и положеніемъ на грудь такъ называемой огненной печати, тогда онъ еще долженъ дать предъ обнаженными мечами слѣдующую клятву:

„Клянусь, во имя Верховнаго Строителя всѣхъ міровъ, никогда и никому не открывать, безъ приказанія отъ ордена, тайнъ, знаковъ, прикосновеній, словъ, доктрины и обычаевъ фран-масонства и хранить о нихъ вѣчное молчаніе. Обѣщаю и клянусь ни въ чемъ не измѣнять ему ни перомъ, ни знакомъ, ни словомъ, ни тѣлодвиженіемъ, а также никому не передавать о немъ, ни для разсказа, ни для письма, ни для печати, или всякаго другого изображенія, и никогда не разглашать того, что мнѣ теперь уже извѣстно и что можетъ быть ввѣрено впослѣдствіи. Если я не сдержу этой клятвы, то обязываюсь подвергнуться слѣдующему наказанію: да сожгутъ и испепелятъ мнѣ уста раскаленнымъ желѣзомъ, да отсѣ-

кутъ мнѣ руку, да вырвутъ у меня изо рта языкъ, да перерѣжутъ мнѣ горло, да будетъ повѣшенъ мой трупъ посреди ложи при посвященіи новаго брата, какъ предметъ проклятія и ужаса, да сожгутъ его потомъ и да разсѣютъ пепелъ по вѣтру, чтобы на землѣ не осталось ни слѣда, ни памяти измѣнника“.

Посмотримъ же, сколько здѣсь осторожности и старанія быть юридически точнымъ. Теперь позвольте спросить кого угодно, во имя здраваго смысла: неужели обыкновенная филантропія можетъ заключать въ себѣ столько необычайнаго, что имѣетъ надобность окружать себя подобными клятвами? Или, неужели въ 1789 году 3.000.000 масоновъ твердой земли, составлявшіе собою, по свидѣтельству брата Thory 3717 ложъ и капитуловъ разнаго наименованія, были только мистики, занимавшіеся отыскиваніемъ философскаго камня въ его алхимическомъ, а не политическомъ значеніи?

Но кажется изъ содержанія этихъ записокъ не трудно будетъ понять, какой такой философскій камень кладутъ масоны во главу угла воздвигаемаго ими зданія, и что именно они разумѣютъ въ своемъ эзотерическомъ составѣ, т. е. внутреннемъ масонствѣ (Maçonnerie ésotérique ou intérieure), подъ именемъ — Grand Oeuvre, своего Великаго Дѣла?

Съ другой стороны, однакожъ, нельзя не задать себѣ слѣдующаго вопроса: если фран-масонскій орденъ вмѣщаетъ въ себѣ столько живучести, какъ выраженія его нравственной внутренней силы; если онъ послѣ безчисленныхъ и страшныхъ политическихъ бурь, пережитыхъ имъ до и послѣ революцій 90-хъ годовъ, умѣлъ остаться вѣрнымъ своимъ кореннымъ убѣжденіямъ и основной цѣли; если онъ всегда идетъ въ уровень съ вѣкомъ и въ самомъ дѣлѣ стремится къ водворенію между народами свободы, братства и равенства: то имѣемъ ли мы право порицать его? Да и въ чемъ же другомъ, если не въ этихъ высокихъ цѣляхъ, можетъ заключаться та неотразимая, чарующая сила, которою, повидимому, привлекается въ его сомкнутые ряды все, что только есть развитого,

честнаго у всѣхъ народовъ, не разбирая ни сословій, ни привилегій, отъ бѣднаго труженика до земныхъ властителей?

Въ самомъ дѣлѣ, первое соприкосновеніе съ фран-масонскимъ обществомъ дѣйствуетъ совершенно магически. Въ его чудныхъ собраніяхъ для новичка дышется привольнѣй и въ груди какъ-то полнѣе бьется сердце. Наконецъ, если не задаваться вопросами, а довольствоваться братскими заявленіями и пожатіями рукъ, то нельзя не согласиться, что и бѣдняга и вельможа, могутъ находить въ средѣ ордена минуты успокоенія отъ житейскихъ тревогъ, нераздѣльныхъ съ нашимъ, далеко ненормальнымъ общественнымъ строемъ. Но вглядываясь внимательно, сейчасъ видно, что симпатичность къ ордену во всѣхъ сколько-нибудь порядочныхъ людяхъ возбуждается не сущностью его доктрины, а его обстановкою, расчитанною на людскую впечатлительность, да и въ самомъ дѣлѣ способную поджечь какое угодно воображеніе и на первыхъ порахъ отуманить какую хотятъ голову. Но эта первоначальная обстановка, изъ которой съ намѣреніемъ изгоняется все, что могло бы оскорбить религіозное и нравственное чувство, есть только внѣшняя сторона, которою орденъ заявляетъ о себѣ предъ неофитами и агентами полиціи; существенныя же его тайны составляютъ предметъ особыхъ собраній и кромѣ того, глубоко закрыты въ недоступномъ святилищѣ такъ называемаго внутренняго масонства (Maçonnerie intérieure, èsotérique, occulte).

Говоря вообще, систематическая скрытность или оккультизмъ есть основаніе всей организаціи масонства; основаніе, безъ котораго развитіе его въ христіанскомъ мірѣ было бы невозможно. Никто изъ учениковъ масонской ложи не долженъ узнать того, что ввѣрено работнику, а работникъ не имѣетъ понятія о томъ, что уже извѣстно мастеру *). Но даже и для мастеровъ ложи, только послѣ многолѣтняго испыта-

*) Ученикъ (Apperentit, работникъ (Compagnon) и Мастеръ (maître) онъ же и учитель или магистръ (Magiater), составляютъ собою три основныя степени внѣшняго фран-масонства.

нія, орденъ рѣшается приподнять уголокъ завѣсы, за которою скрываются его высшіе оракулы.

Внутреннее фран-масонство состоитъ уже не изъ ложъ, а изъ капитуловъ и другихъ высшихъ конгрегацій ордена, тѣмъ не менѣе однако связанныхъ съ внѣшнимъ масонствомъ, посредствомъ своихъ тайныхъ членовъ, въ одно неразрывное цѣлое.

Во внутреннемъ масонствѣ орденъ еще строже придерживается системы умалчиванія и осторожности. Оттого многія лица, принадлежащія къ капитуламъ, будучи вѣчными данниками ордена, на всю жизнь сохраняютъ наивное убѣжденіе, что розенкрейцеры и шевалье кадоши только и возятся съ алхиміей и ретортами.

ГЛАВА IV.

Мы упомянули, что въ средѣ внутренняго масонства, кромѣ его высшей революціонной дѣятельности, есть еще какая то особая, за семью печатями хранимая тайна, и что эта роковая тайна, по усмотрѣнію верховнаго незримаго вождя и главы всего ордена (Chef invisible), ввѣряется только самому ограниченному кружку высшихъ и надежнѣйшихъ адептовъ,

И потому во имя судебъ человѣчества, во имя готовой пролиться крови, возьмемъ въ руки братскія линейку, угольникъ и циркуль и начертимъ здѣсь для русскихъ людей истинную мѣру и общій планъ ключа, разрѣшающаго ту загадку сфинкса, позади которой у фран-масоновъ уже нѣтъ больше никакихъ тайнъ.

При возведеніи въ степень мастера ложи въ церемоніалъ посвященія входитъ представленіе кровавой мистеріи объ убіеніи Адонирама, бывшаго главнаго строителя храма Соломонова. Въ этой мистеріи заключается символическое основаніе всего масонства. Для мастеровъ она урѣзывается на половину, во первыхъ, чтобы не обнаружить въ ней болѣе того, что слѣдуетъ знать мастеру, а во вторыхъ, чтобы сдѣлать ее пробнымъ камнемъ для проницательности

адепта. Оттого множество мастеровъ фран-масонства на всю жизнь остаются въ полнѣйшемъ непониманіи разыгрывавшейся передъ ними лукавой легенды. Постараемся разсказать, въ чемъ дѣло, и просимъ вниманія.

Дѣло прежде всего состоитъ въ томъ, что со смерти нѣкоего Адонирама *), сына вдовы изъ колѣна Нефѳалимова, бывшаго главнаго строителя храма Соломонова и предательски умерщвленнаго находившимися при храмовомъ строеніи тремя іудейскими работниками, затерялось у іудеевъ какое-то таинственное слово, безъ котораго окончаніе іудейскаго храма было невозможно. Девять мастеровъ ложи, изображающихъ собою тѣхъ, которые вмѣстѣ трудились надъ построеніемъ храма, отправляются въ путь, чтобы непремѣнно отыскать потерянное слово, и съ этою цѣлью приходятъ къ гробу, гдѣ было положено тѣло Адонирамово. Но при видѣ безотвѣтнаго гніющаго трупа, распадающагося отъ каждаго ихъ прикосновенія, они подаютъ другъ другу условленный знакъ ужаса (signe d' horreur) и говорятъ одинъ за другимъ. Mac-benach, что значитъ: „плоть разрушается“. Но такъ какъ имъ было приказано перенести тѣло Адонирама въ Іерусалимъ, то старшій изъ девяти (le frère respectable) говоритъ: „однакожъ подождите, я попробую поднять его“. И напрягая силы посредствомъ различныхъ символическихъ тѣлодвиженій, въ самомъ дѣлѣ поднимаетъ изъ гроба самого посвящаемаго мастера, представлявшаго въ мистеріи роль убитаго Адонирама. Въ эту минуту знакъ ужаса замѣняется радостнымъ гимномъ и восклицаніе Mac-benach, свидѣтельствующее о разрушеніи человѣческаго трупа, отнынѣ должно служить *до времени* вмѣсто утратившагося и еще неотысканнаго іудейскаго слова, принадлежащаго мастерамъ. Это то Maç-benach, т.-е. „плоть разрушается“, ввѣряютъ адепту, какъ пароль и лозунгъ мастера, которое онъ долженъ употреблять при тайныхъ каменщичьихъ (масонскихъ, maçon, каменщикъ) работахъ построенія

*) Или просто Ирама, что значитъ по еврейски, благородный.

іудейскаго храма, покамѣстъ онъ не отыщетъ подлинное слово Адонирама и не отомститъ его убійцамъ. Затѣмъ съ новопосвященнаго берутъ клятву въ повиновеніи ордену и въ сохраненіи тайны.

Не взирая на то, что мы, болѣе чѣмъ въ церемоніалѣ посвященія мастера, сократили размѣръ этой легенды, нельзя однакожъ не признать въ ней символическаго языка евреевъ, напоминающаго собою библейскую и еще болѣе талмудическую письменность. Нельзя также не вѣрить, что легенда вымышлена по воскресеніи Христа Спасителя. Во первыхъ, потому, что ни въ одномъ изъ памятниковъ еврейской литературы ни о какомъ Адонирамѣ, какъ главномъ строителѣ Соломонова храма, не упоминается, а еще болѣе потому, что легенда эта, въ которой, замѣтимъ мимоходомъ, самомалѣйшая подробность осмыслена, заключаетъ въ себѣ намеки, очевидно, направленные противъ сказанія св. евангелистовъ о воскресеніи Христовомъ.

Изъ повѣствованія св. евангелистовъ видно, что три ученика, т. е. Петръ, Іоаннъ и Марія тоже пришли ко гробу „и дѣже бѣ тѣло Іисусово“, чтобы допросить гробъ о томъ послѣднемъ роковомъ словѣ, которымъ должна закончиться великая идея новорожденнаго христіанства. Но въ этомъ гробѣ, предметѣ ихъ надежды и страха, они уже не нашли тѣло Іисусово, а только гробныя пелены, а возлѣ пеленъ свѣтлаго ангела, жителя безплотнаго лучшаго міра, пришедшаго возвѣстить имъ то новое слово, то радостное „Христосъ воскресе“, которымъ отнынѣ утверждалось на землѣ ученіе Христово еще прежде, чѣмъ самъ Господь, по сказанію Евангелистовъ, предсталъ предъ всѣми учениками своими „дверемъ затвореннымъ“.

Въ мистеріи Адонирама видимъ, что также и къ его гробу приходятъ, чтобы узнать о завѣтномъ словѣ, безъ котораго нельзя было закончить построеніе храма іудейскаго, но приходятъ не только три ученика и въ числѣ ихъ женщина, а трижды три и притомъ не ученики уже, а мастера, т. е. учители. И

что же? Вмѣсто Адонирама, который, какъ главный строитель храма Соломонова, съ іудейской точки зрѣнія, несравненно болѣе имѣлъ право на безсмертіе, чѣмъ сынъ Маріинъ, всѣ они находятъ въ гробу только гніющій трупъ. Вмѣсто появленія ангеловъ, которые подтвердили бы своимъ видимымъ присутствіемъ идею загробнаго существованія и повѣдали бы имъ о тайнѣ воскресенія, они только находятъ предъ собою картину разрушенія. Тогда удовлетворясь этимъ свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ, они говорятъ другъ другу Mac-benach, т. е. „плоть разрушается“.

И поэтому, Mac-benach — зерно будущаго скептицизма, свидѣтельства ихъ собственныхъ чувствъ, противупоставляемое свидѣтельству апостоловъ о воскресеніи Христовомъ. Mac-benach — это протестъ противъ возможности загробной жизни, утверждаемой въ новозавѣтномъ „Христосъ воскресе“, это возведенная въ догматъ саддукейская ересь, первый и необходимый шагъ къ ниспроверженію христіанства и возведенію на мѣсто его столь нетерпѣливо ожидаемаго евреями Соломонова, т. е. всемірнаго іудейскаго храма. Но строить храмъ, возводить столпъ, стѣны или городъ, означаетъ на языкѣ адептовъ, установлять и распространять какое-нибудь религіозное ученіе. И потому принять слово Mac-benach въ основаніе тайныхъ работъ для построенія іудейскаго храма, значитъ разрабатывать и распространять скептицизмъ и философію матеріализма, основаніемъ для которой отнынѣ долженъ служить гніющій человѣческій трупъ, не дающій другого отвѣта для іудейскихъ искателей истины, кромѣ заключающагося въ свидѣтельствѣ чувствъ, въ картинѣ собственнаго его разрушенія.

Но сорвемъ послѣдній остатокъ аллегорической завѣсы, скрывающей дѣйствительность: смерть Адонирама, какъ главнаго строителя храма Соломонова,— это паденіе ветхозавѣтнаго іудейства; три іудейскіе работника, умертвившіе Адонирама, — это три Іисусовыхъ ученика, которые, какъ говоритъ Писаніе, первые

распространили вѣсть о воскресеніи распятаго іудеями Іисуса; знакъ ужаса, посредствомъ котораго отнынѣ будутъ тайно узнавать другъ друга мастера ордена,—это выраженіе затаенной, передаваемой изъ рода въ родъ, мести убійцамъ Адонирама; радостный гимнъ, раздающійся при видѣ оживленнаго іудейскаго трупа—это наступившее торжество древняго іудейства надъ христіанствомъ, паденіе котораго, по іудейскому плану, должно совершиться чрезъ самихъ же христіанъ, такъ какъ еще недавно отмѣнено постановленіе фран-масонскаго ордена, дозволявшее принимать въ масонскія ложи только однихъ христіанъ; для нихъ то, собственно, орденъ и усвоилъ названіе профановъ, т. е. осквернителей святыни. Отнынѣ старшій изъ работниковъ, умертвившихъ Адонирама, будетъ называться Абидаль, т. е. отцеубійца. Въ лицѣ ученика, сказавшаго въ Іудеи первую вѣсть о воскресеніи Христа Спасителя, Абидаль—отцеубійца представляетъ собою христіанское ученіе, погубившее древній іудаизмъ, изъ котораго оно вышло. Да будетъ же Абидаль предметомъ ненависти и проклятій всего масонства, и отнынѣ имя его да произносится вмѣсто имени Іисуса, во свидѣтельство клятвъ своихъ, и да противупоставятъ, какъ правило жизни, нравственному закону христіанской чистоты органическій законъ животныхъ инстинктовъ.

Но во всей этой картинѣ есть пробѣлъ. Еще ничто не говоритъ въ ней чувствамъ о мщеніи христіанамъ, такого рода мщеніи, отъ котораго въ жилахъ леденѣетъ кровь и замираетъ въ груди самое мужественное сердце и къ какому только могутъ быть способны іудеи; мщеніи, не дающемъ никому и ничему пощады, распространяющемся на роды родовъ и чады чадъ. Кровавые символы его не могутъ еще быть ввѣрены мастеру ложи. Эти символы, пожалуй, могли бы пробудить въ немъ остатокъ еще не совсѣмъ погибшаго нравственнаго чувства. Онъ еще недостаточно подготовленъ, чтобы могъ вполнѣ, съ полною свободою духа, возвыситься до іудейской точки зрѣнія. И потому, къ древне-іудейскому элементу ордена могутъ

прикасаться только высшіе его члены, разсуждать о немъ можно только въ невидимомъ святилищѣ внутренняго масонства.

Такимъ образомъ, мастерамъ даже не открываютъ настоящаго смысла Адонирамовской легенды. Для нихъ Адонирамъ есть только олицетвореніе генія, перешедшаго къ нему и всему его потомству, состоящему изъ труженниковъ ума и таланта, по наслѣдству отъ Каина, который родился будто не отъ Адама, созданнаго изъ земной персти (глины), а отъ генія огня, одного изъ Елоимовъ, равносильнаго Іеговѣ. Также и три убійцы Адонирама объясняются для мастеровъ, какъ выраженіе *самовластія, изувѣрства и тщеславія*, убивающихъ *геніальность*. Но теперь уже легко понять, что это остроумное истолкованіе еще не есть истинное, а служитъ для нихъ, въ іерархіи фран-масонства, только пріуготовительною или переходною степенью.

Объ іудейскомъ мщеніи мы здѣсь покамѣсть говорить не будемъ. Однакожъ, чтобы логически закончить нарисованную нами картину, бросимъ еще частицу свѣта на тайныя дѣла мнимыхъ просвѣтителей человѣчества. Въ 18-й степени ордена, т. е. степени Розъ-Круа (Rose Croix), составляющей переходъ къ внутреннему масонству, наконецъ, отыскивается потерянное іудейское слово, безъ котораго возстановленіе іудейскаго храма, т. е. царство іудеевъ, было бы неосуществимо. Это слово состоитъ—осмѣлимся ли сказать?—въ торжественномъ признаніи въ лицѣ Христа Спасителя іудейскаго преступника, справедливо заслужившаго казнь свою.

Теперь кажется все ясно. Здѣсь не философскій только выводъ, не съ достоинствомъ и спокойно высказанный результатъ анализа, а знакомый намъ изъ повѣствованія евангелистовъ голосъ іудейскаго озлобленія и фанатизма, когда-то возбуждавшій крикъ народный „распни, распни Его“! Поэтому крестъ во всѣхъ фран-масонскихъ ложахъ и капитулахъ, исключая иллюминатовъ, какъ скоро онъ имѣетъ на себѣ характеристическую надпись I. N. R. I., не есть

уже предметъ благоговѣнія и почитанія, а узаконяемый фран-масонствомъ предметъ ненависти и проклятія. Что же тутъ удивительнаго, что всѣ философы двухъ послѣднихъ столѣтій, почти безъ исключенія, вышедшіе изъ тайниковъ внутренняго масонства, съ такимъ ожесточеніемъ и ненавистію писали противъ христіанской религіи! *)

И такъ, *возсозданіе, подъ окровавленными обломками разрушеннаго революціями христіанскаго міра, древняго и всемірнаго іудаизма, приведеннаго къ единству изъ его разсъянія,—вотъ въ чемъ состоитъ затаенная, конечная цѣль внутренняго масонства;* вотъ та самая роковая тайна, которую орденъ неутомимо долженъ былъ когда то сберегать отъ христіанъ или профановъ; вотъ тотъ самый ключъ, которымъ отмыкается все, что только въ дѣйствіяхъ ордена можетъ быть сокровеннаго и загадочнаго. Съ этой одной только истинной точки зрѣнія революція 1789 года, равно какъ и всѣ, выходящія изъ одного съ нею источника, разрушительныя событія между христіанскими народами, и, наконецъ, грозно организующаяся теперь, дѣйствіемъ какой то роковой невидимой силы, всемірная катастрофа, получаетъ логическій смыслъ, свой raison d'être. Тогда всѣ эти ненормальности, чудовищныя явленія перестаютъ быть ничѣмъ неосмысленною цѣлью, неоправдываемою ни здравымъ разсудкомъ, ни историческою опытностію; тогда они сами собою обращаются въ естественное нормальное орудіе іудейской, по происхожденію, интриги, умѣвшей запутать въ свои сѣти судьбы всего человѣчества. **)

Теперь нѣкоторымъ можетъ прійти на умъ: неужели можно повѣрить, чтобы между іудеями, такимъ забитымъ и разсѣяннымъ народомъ, неимѣющимъ у себя даже отечества, могла возникнуть мысль

*) См. въ концѣ книги статью г. С. Бурнашева, „Русскій Вѣстникъ“ Ноября 1902 года, а также рѣчь Раввина.

Примѣчаніе издателя.

**) Пишущій почитаетъ себя счастливымъ, что по стеченію особенныхъ обстоятельствъ, можетъ говорить какъ экспертъ о масонствѣ, несмотря на то, что онъ къ нему не принадлежитъ и не связанъ въ отношеніи къ нему никакими обязательствами.

Примѣчаніе автора.

о совершеніи всемірнаго переворота и о преслѣдованіи черезъ рядъ столѣтій отдаленной цѣли, никому изъ нихъ лично неприносящей пользы.

Но прежде чѣмъ разрѣшить этотъ темный вопросъ, слѣдуетъ сообразить, во 1-хъ, что хотя происхожденіе фран-масонства отзывается полнѣйшею чистотою расы сыновъ Израиля, а отдаленныя цѣли его суть еврейскія цѣли, но что, однако, сущность доктрины фран-масонства есть только ученіе іудейскихъ схизматиковъ, а не Моисеева закона; въ 2-хъ, что для уразумѣнія истиннаго значенія фран-масонскаго ордена нѣтъ надобности абсолютно утверждать, чтобы въ настоящее время іудейскій народъ непремѣнно принималъ непосредственное и сознательное участіе въ дѣйствіяхъ ордена *).

Но кромѣ того не должно забывать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ событіями полными и что къ сожалѣнію, при изслѣдованіи ихъ, сталкиваемся не съ мертвымъ только, но и съ такимъ живымъ и живучимъ матеріаломъ, котораго всѣ усилія будутъ направлены къ тому, чтобы скрыть истину отъ настойчивыхъ искателей. Поэтому, прежде чѣмъ думать о возраженіяхъ, слѣдуетъ умѣть самимъ отдѣлиться отъ того поля зрѣнія, на которое насъ поставила сила привычки, и съ безпристрастіемъ, внимательно анализировать, взвѣсить и растолковать себѣ тѣ факты, которые найдутся въ книгахъ, рукописяхъ и, наконецъ, внутри самихъ фран-масонскихъ ложъ и капитуловъ, на сколько критику будетъ возможно сохранить для себя въ этихъ стѣнахъ самостоятельность воззрѣнія. Затѣмъ, надо посерьезнѣе взглянуть на внутреннюю исторію еврейскаго общества, которая для насъ такая же terra incognita, какъ и фран-масонство, и этимъ путемъ составить себѣ болѣе ясное понятіе о характерѣ іудейскаго народа,

*) Невольно однако возникаетъ вопросъ: а теперь, послѣ приведенной въ моемъ предисловіи рѣчи какого-то раввина, усиленно распространенной въ Сѣверо-Западномъ краѣ, можно-ли думать, что всѣ мѣстные евреи все же подъ вліяніемъ Бунда и подъ его руководствомъ, не примутъ ученія фран-масоновъ и участія въ ихъ дѣйствіяхъ?

Примѣчаніе издателя.

его задушевныхъ убѣжденіяхъ и его традиціонныхъ отношеніяхъ къ людямъ другихъ націй. Тогда, допуская даже, что ничего нельзя бы было сказать положительно о той роли, которую могутъ занимать въ отношеніи религіозной организаціи нынѣшніе властители судьбы финансоваго міра, нельзя будетъ уклонится отъ строгаго логическаго вывода, что нынѣшніе евреи не могутъ не сочувствовать, со всею энергіей затаенной исторической мысли, всеобщему упадку христіанства и ослабленію государственныхъ основъ между христіанскими народами.

Мы уже сказали, что одна изъ величайшихъ трудностей изслѣдованія о фран-масонахъ состоитъ въ томъ, что передъ глазами изслѣдователей и публики всегда будетъ выстраиваться стѣна живыхъ людей, поставившихъ для себя задачею скрывать истину. Трудность эта усиливается тѣмъ, что въ то время, когда фран - масонскій орденъ не составлялъ еще собою политической силы, онъ былъ едва извѣстенъ и слѣдовательно не заявилъ о себѣ никакими политическими событіями, которыя могли бы подать поводъ для историка предполагать въ немъ политическій характеръ. Когда же когти у него выросли на столько, что онъ самъ могъ играть въ политику, тогда онъ вдругъ обратился въ еврейскаго фактора, т. е., себѣ на умѣ, сталъ помогать то тѣмъ, то другимъ корпораціямъ и лицамъ и въ то же время собственные свои слѣды затаптывать чужими слѣдами. Не даромъ катихизисъ 4-й Шотландской степени признаетъ лисицу однимъ изъ своихъ символовъ. „Какіе символы долженъ знать Шотландскій мастеръ?“ спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ: „Льва, лисицу, обезьяну и сокола“. Вопросъ: „Что они означаютъ?“ Отвѣтъ: „Что Шотландскій мастеръ долженъ имѣть мужество льва, хитрость лисицы, умъ обезьяны и быстроту сокола“.

Еще въ XII и XIII вѣкахъ, когда архитектура переставала уже быть исключительнымъ достояніемъ итальянскихъ монаховъ *) и возникли уже свѣтскія

*) См. XV ст. Нантскаго собора въ IV вѣкѣ.

привилегированныя корпораціи вольныхъ строителей или каменщиковъ (corporations arélitales ou maçons libres), странствовавшихъ изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, — іудейская интрига не упустила случая этимъ воспользоваться. Такъ какъ эмблема предпринятыхъ ею работъ заключалась также въ построеніи храма, то при врожденной при томъ склонности къ коммерческимъ оборотамъ, для которыхъ всегда открывается обширное поле при монументальныхъ постройкахъ, она спѣшила примкнуть къ бездомнымъ и бродячимъ строителямъ того времени, при помощи которыхъ ей было удобно распространить свѣтъ т. е. свою пропаганду во всѣ концы міра. „Гдѣ ходятъ мастера“?— „По всей вселенной“ отвѣчаютъ масоны. И вотъ еще въ XVII вѣкѣ, рядомъ со строившимся въ Страсбургѣ христіанскимъ храмомъ, въ свою очередь устраивалась большая фран - масонская ложа (отъ словъ Lagium, Logia), уже имѣвшая множество другихъ подчиненныхъ ей въ Германіи и Венгріи. Эта привычка эмблематическихъ строителей храма Соломонова къ неимѣвшимъ вначалѣ ничего съ ними общаго корпораціямъ обыкновенныхъ храмостроителей, а потомъ еще искусное сплетеніе ихъ съ Темпліерами, составило тотъ камень преткновенія, о который до сихъ поръ постоянно спотыкались историки.

Послѣднія времена схизматическій іудейскій оккультизмъ, окончательно прикрывшій себя именемъ фран - масонства, сталъ прятать свои слѣды въ политическомъ мірѣ еще хитрѣе, еще искуснѣе. На что уже умны іезуиты; но и съ тѣми орденъ успѣлъ справиться. Позволяя въ извѣстныя эпохи вступать къ себѣ въ ложи и даже въ нихъ хозяйничать, самъ онъ въ это время преспокойно прятался за ихъ спиною и подталкивалъ ихъ къ несбыточнымъ предпріятіямъ и политическимъ неудачамъ. Такъ, напримѣръ, захотѣлось іезуитамъ, посредствомъ возведенія на престолъ Іакова II, сдѣлаться властителями Англіи. Ну, что же, фран-масонскій орденъ непрочь и отъ этого. Онъ окружилъ Іакова II своими адептами, соз-

далъ для нихъ новыя ложи, закипѣвшія іезуитами, и тѣмъ копалъ для нихъ яму, тайно, невидимо, умно, себѣ на умѣ. Разумѣется, что при такихъ помощникахъ предпріятіе іезуитовъ проваливалось и они страшно были скомпрометированы, а между тѣмъ, при сей вѣрной оказіи, обѣтованная земля тайныхъ руководителей, фран - масоновъ, превратилась для будущаго историка въ Великобританію, Іерусалимъ сдѣлался Лондономъ, а девизъ С. I., означавшій правитель Іерусалима (Canonicus Ierusalemitanus) былъ, не безъ ироніи, переименованъ въ помощника іезуитовъ Coadjutor jesuitorum. Наконецъ таинственныя буквы I. G., и сферообразное О, изображенныя на днѣ трехъ чашъ, употреблявшихся при фран - масонскомъ церемоніалѣ, и означавшія на языкѣ еврейскихъ адептовъ, три первоначальныя вещества, изъ которыхъ произошла вселенная, превратились для опростоволосившихся на этотъ разъ іезуитовъ въ Iesuitae guqernant ordinem (т. е. іезуиты управляютъ орденомъ), а для Іакова II, въ Iacobus generator ordinis (Іаковъ основатель ордена), тогда какъ истинный тайный смыслъ этихъ буквъ, извѣстный только избранному и невидимому ареопагу ордена, заключался въ словахъ: Iudaci gubernabunt orbem, т. е. „іудеи будутъ владѣть міромъ". Если допустить, что въ наше время міръ повинуется только интригѣ и золоту, то это замысловатое предсказаніе отчасти уже исполнилось.

Не правда-ли, однакожъ, сколько насмѣшки скрывается во всѣхъ этихъ подпольныхъ интригахъ надъ современною намъ эпохою и сколько труда должно предстоять историкамъ, чтобы доискаться тутъ правды и обличить тѣхъ, которые преднамѣренно скрываютъ ее отъ современниковъ и потомства!

Кстати скажемъ здѣсь и о Mac-benach. Мы уже объяснили его истинное первоначальное значеніе, хорошо извѣстное всѣмъ мастерамъ ордена. Но вотъ вскорѣ послѣ казни Карла I, самое это Mac-benach, вдругъ обращается въ Macha-Bone (Macha, по ирландски, поле битвы, Bone - конецъ) и означаетъ, что борьба кончена; и еще въ Mac-Benalh, что значитъ, сынъ покоя,

(Mac, по Шотландски, — сынъ, Benalh, отъ еврейскаго корня, — покой.) Но вдругъ видимъ, что въ Гундтовой ложѣ „строгаго послушанія, Mac-benach превратился уже въ Mabeignac имя вымышленной фамиліи. Судите же, какъ можно было не запутаться историку?

Но гдѣ же тутъ конецъ всѣхъ концовъ? Къ чему окончательно вся эта іезуито-масонская интрига?

А вотъ къ чему: орденъ іезуитовъ теперь въ агоніи, фран - масонство невидимо ворочаетъ судьбами міра и если какой нибудь крѣпкій камешекъ не затормозитъ его механизма, то онъ, пожалуй, и всѣми буквами напишетъ „Iudaci gubernant orbem", т. е. іудеи владѣютъ міромъ.

ГЛАВА V.

Обращаясь къ исторіи іудеевъ, мы не можемъ не признать въ нихъ всегдашней враждебности ко всѣмъ другимъ національностямъ непрестаннаго стремленія ихъ къ замкнутости и съ тѣмъ вмѣстѣ, внутри самой іудейской семьи, безпрерывнаго противодѣйствія властямъ гражданскимъ и духовнымъ. Всѣ Моисеевы книги, всѣ увѣщанія пророческія наполнены угрозами и наказаніями за духъ строптивости и непокорности, накликавшій на избранный Богомъ народъ столько бѣдствій. Орудіемъ іудеевъ была хитрость, интрига и потомъ уже насиліе. Стремленія ихъ всегда были положительны, матеріальны, осязательны, Они потому и роптали на Моисея, что не имѣли въ пустынѣ египетскихъ явствъ; іудею трудно было возвыситься до отвлеченныхъ понятій, ему трудно было представить себѣ Бога, какъ только развѣ въ образѣ золотого тельца, символа вещественныхъ благъ и чувственной натуры, въ борьбѣ съ которыми заключается основная идея Моисеева законодательства и пророческой проповѣди. Прибавьте къ тому любовь къ своей народности, настоящее іудейское братство, переходящее мало-по-малу въ оккультизмъ, какъ слѣдствіе замкнутости отъ другихъ народовъ и го-

ненiй, которыя воздвигало противъ нихъ еще непонимавшее своего назначенiя христiанство, и потомъ жаркое стремленiе къ пропагандѣ, какъ результатъ религiозныхъ убѣжденiй. „Горе вамъ, книжники и фарисеи-лицемѣры, говоритъ Христосъ Спаситель, что обходите море и сушу, чтобы обратить хотя одного, и когда это случится дѣлаете его сыномъ геены, вдвое худшимъ васъ“ *). Наконецъ, скептицизмъ, какъ доктрина, существовалъ между евреями еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х., а между дошедшими до насъ памятниками еврейской письменности можно еще встрѣтить и теперь такого рода изреченiя: „Одно поколѣнiе смѣняется другимъ и только земля остается всегда пребывающею. Люди умираютъ, какъ и животныя, и судьба ихъ одинакова. Какъ умираетъ человѣкъ, такъ умираетъ и животное. И тѣ и другiе дышатъ одинаково, и въ человѣкѣ нѣтъ ничего болѣе того, что находится въ животномъ, и потому все подвержено исчезновенiю и все стремится къ одному концу. Всѣ были взяты изъ земли и всѣ возвращаются въ ту же землю. Кому можетъ быть извѣстнымъ, что человѣческая душа должна итти кверху, а душа животныхъ, должна спускаться внизъ? Гораздо полезнѣе видѣть то, что желаешь, чѣмъ желать того, чего не знаешь. Человѣкъ трудится только для желудка. Все въ мiрѣ есть дѣло встрѣчи и случая“, **) Эти слова какъ будто сiю минуту вышли изъ подъ пера нашихъ прогрессистовъ ***). И вотъ тутъ поневолѣ приходится спросить себя: да гдѣ же прогрессъ, если то же самое, что говорится теперь, говорено 2000 лѣтъ тому назадъ? Но это еще не все; поищите только хорошенько въ еврейской письменности и вы можете найти въ ней коммунизмъ, и соцiализмъ, и уничтоженiе собственности, раздѣленiе имуществъ и женщинъ. Но въ этомъ то и дѣло, что всѣ подобныя изреченiя находятся въ явномъ противорѣчiи съ общимъ духомъ еврейскаго закона и потому должны быть почитаемы

*) Матѳ. XXIII, 15.
**) Экклезiастъ I. 4; III. 21; VI. 7-9; IX. 2.
***) Молешоттъ, Бюхнеръ, Сѣченовъ и пр, *Примѣчанiе О. А. П.*

не иначе, какъ за самопроизвольныя апокрифическiя вставки iудейскихъ диссидентовъ, старавшихся, какъ это дѣлается и теперь, вездѣ и всѣми возможными способами проводить мысль свою.

Наконецъ, въ дальнѣйшемъ развитiи Адонирамовой легенды, Адонирамъ представляется, какъ олицетворенiе высшаго ума или генiя, напротивъ того, царь Соломонъ, какъ олицетворенiе деспотизма и тиранства. За это самое, по сказанiю легенды, онъ и его царственное потомство, оканчивающееся, какъ послѣднею отраслiю, божественнымъ Учителемъ, предаются проклятiю отъ Савской царицы Балкисъ, составляющей собою, какъ видно изъ содержанiя легенды, первообразъ эманципированной, въ смыслѣ масонскихъ ученiй, женщины. Въ той же легендѣ упоминается о Саддокѣ, какъ о верховномъ жрецѣ храма. Не изъ числа ли онъ диссидентовъ, искажавшихъ, сообразно собственнымъ идеямъ, писанiе того времени и не родоначальникъ ли саддукейской ереси?

По свидѣтельству писателей, между Александрiйскими и Палестинскими еврейскими ученiями, передъ возвращенiемъ изъ Египта отрока Iисуса, существовалъ такой же антагонизмъ, какъ въ наше время между идеалистами и матерiалистами. Iудейскiй идеализмъ господствовалъ въ Александрiи, а матерiализмъ въ Палестинѣ, въ особенности же между саддукеями, что совершенно понятно, патому что они не вѣрили въ безсмертiе души. Еще апостолъ Павелъ предостерегалъ свою неопытную паству отъ подобныхъ ученiй. „Смотрите, братья, говорилъ онъ, чтобы кто не прильстилъ васъ философiею, или пустымъ обманомъ по преданiю человѣковъ, по вещественнымъ началамъ мiра, а не по Христу.

Посмотрите же, сколько мы теперь нашли драгоцѣнныхъ указанiй, сколько неизмѣнившхся еще элементовъ исторической iудейской почвы, указывающихъ неосновательность предположенiя, что будто бы въ ней не достаетъ теперь матерiала, могущаго выростить такое дерево, которое iудеи нашли бы возможнымъ обратить въ орудiе казни и мщенiя.

Что же касается до умѣнья организоваться въ тайныя ассоціаціи, то между іудеями оно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Не касаясь древнихъ памятниковъ еврейской письменности, гдѣ много можно встрѣтить слѣдовъ подобныхъ ассоціацій, по большей части направленныхъ противъ Моисеева закона, ограничимся примѣромъ организаціи іудейской секты, называемой ессеянами. Ессеяне составляли собою, говоритъ Мишель Никола, тайное общество въ томъ смыслѣ, что ихъ ученіе было скрываемо отъ профановъ, которымъ также не позволялось присутствовать при совершеніи ихъ обрядовъ. Адепты были не иначе принимаемы, какъ только послѣ двойного испытанія. Они могли переходить въ высшія степени только по прошествіи долгаго времени и по мѣрѣ ихъ благочестія и познанія. Они обязывались торжественною клятвою не только не открывать ни одному профану, но даже и адепту низшей степени, того ученія, которое имъ ввѣрялось. Эти правила до того характеристичны, что и теперь, по нуждѣ годились бы для людей фран-масонской ложи.

Первоначальное воспитаніе, или такъ сказать омасониваніе новопосвященныхъ, начинается уже въ низшихъ ложахъ, принадлежащихъ къ внѣшнему масонству.

Отличительный характеръ этого процесса состоитъ въ постепенномъ пріученіи новичковъ къ системѣ двуличія и интриги. Новичекъ долженъ умѣть не только молчать, но и облекать свои мнѣнія въ различныя формы, смотря потому, будутъ ли онѣ заявляемы при профанахъ или масонахъ и притомъ той или другой степени. Затѣмъ уже слѣдуетъ математическое развитіе въ нововступившемъ, какъ основного правила для жизни, безусловнаго эгоизма, мало-по-малу убивающаго въ немъ всякое нравственное чувство и вѣрованіе во все великое, благое и прекрасное.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ первой статьѣ масонской конституціи 1850 года сказано: „основаніемъ для ордена служитъ бытіе Бога, безсмертіе души и любовь къ человѣчеству“. Въ этихъ основахъ скрывается наглое двуличіе. Орденъ не говоритъ вамъ, что его символами служатъ признаніе бытія Бога, безсмертія души и любви къ человѣчеству, какъ это всякому можетъ показаться съ перваго взгляда. Напротивъ, эти отвлеченныя понятія служатъ для него только основаніемъ, т. е. предметомъ для его философскихъ работъ, а вовсе не догматомъ. Тѣмъ хуже, если новичекъ не умѣлъ себѣ растолковать этого. Да и возражать на это, прежде чѣмъ будешь принятъ въ орденъ, иному будетъ совѣстно; пожалуй еще осмѣютъ; возвращаться же назадъ послѣ того, какъ съ языка сорвалась клятва и къ открытой груди прикасалось десятка два кинжаловъ, невозможно да и опасно.

Еще не успѣлъ профанъ преобразиться въ ученика ложи, какъ уже надъ нимъ, представляющимъ собою, на фигуральномъ масонскомъ нарѣчіи, ненеотесанный камень (pierre brute), начинается братская каменщичья работа, т. е. процессъ перевоспитанія, который со временемъ долженъ обратить самого его въ строителя, или, по крайней мѣрѣ, выработать изъ него годный матеріалъ для построенія эмблематическаго храма.

Вотъ небольшой образчикъ одной изъ такихъ обмасонивающихъ братскихъ работъ, читанныхъ въ Люттихѣ. Посмотримъ, какъ масоны разсуждаютъ о Богѣ и душѣ.

„Пора человѣку, говоритъ ораторъ, перестать отыскивать, внѣ обитаемаго имъ міра, какихъ-то существъ, могущихъ доставить ему то блаженство, въ которомъ ему отказала природа. Да подчинитъ же онъ себя тѣмъ законамъ, отъ которыхъ онъ уклониться не можетъ, и да не обращаетъ болѣе вниманія на сокровенныя отъ него подъ непроницаемымъ покровомъ причины. Умъ человѣческій, ослѣпленный ученіемъ о Богѣ, до сихъ поръ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ (!), суевѣріе замѣшалось повсюду. Во всѣ затруднительные случаи жизни непремѣнно впутываютъ Божество и тѣмъ самымъ затемняютъ ихъ еще

болѣе, такъ что уже послѣ и объяснить ихъ нѣтъ возможности. Прежде чѣмъ доказывать божественность религіи, слѣдовало бы доказать бытіе Бога".

Теперь далѣе:

„Если взглянуть безъ предразсудковъ на душу, какъ на начало дѣйствующее, то мы придемъ къ убѣжденію, что она есть часть нашего тѣла, или лучше сказать, есть собственное наше тѣло, разсматриваемое въ отношеніи къ нѣкоторымъ его отправленіямъ, или свойствамъ, которыя природа сдѣлала для него возможными. Изслѣдуя причины, чрезъ которыя установилось ученіе о спиритуализмѣ, увидимъ, что всѣ онѣ суть только послѣдствія чрезвычайно своекорыстной политики духовенства. Оно придумало сохранить какую-то частицу человѣка отъ разрушенія, чтобы потомъ награждать или наказывать ее въ будущей жизни. Этотъ догматъ оказался какъ нельзя болѣе пригоднымъ для духовенства, чтобы пугать имъ невѣждъ и господствовать надъ ними".

Какъ не признать въ этой небольшой выпискѣ родственную ея солидарность съ вышеприведенными словами іудейскихъ схизматиковъ и, кромѣ того, полнѣйшую безусловную тождественность съ выходящимъ изъ фран-масонства и связаннымъ съ нимъ современнымъ революціоннымъ матеріализмомъ Фейербаха, Бюхнера и другихъ писателей!?

Какъ не упомянуть при томъ и о нашихъ милыхъ соотечественникахъ, съ усердіемъ, доходящихъ до бѣшенства, вербующихъ въ свой революціонный таборъ нашу, такую молоденькую, а уже столько успѣвшую напроказить прессу!?

Посмотримъ же теперь, какъ относится франмасонскій орденъ къ общественной нравственности и общественному устройству. Между дѣятелями, выдающимися на этомъ краю горизонта, мы встрѣтимъ много старыхъ знакомыхъ.

„Тѣ братья масоны, говоритъ „Manuel pour les fréres", которые посредствомъ изслѣдованія и изысканія, доходятъ до масонской непогрѣшимости, и дѣйствуютъ

сообразно сущности нашего ордена, и достойны называться Богами земли" *).

И это не слова только. Въ той самой ложѣ „девяти сестеръ", въ стѣнахъ которой Вольтеръ былъ посвященъ въ масоны, ему послѣ смерти въ самомъ дѣлѣ была воздана божеская почесть **).

Стало быть масонская непогрѣшимость, это вольтеріанизмъ, т. е. всѣ солидарныя съ нимъ ученія, заключающія въ себѣ отрицаніе Бога, души и всякаго нравственнаго чувства, поклоненіе эгоизма, обоготвореніе животныхъ инстинктовъ и признаніе за человѣкомъ права полнѣйшей, всесторонней разнузданности.

„Главное дѣло въ томъ, говоритъ братъ Piccolo, чтобы отдѣлить человѣка отъ его семьи и отучить отъ семейныхъ правилъ. Вѣдь онъ и безъ того уже склоненъ, по увлеченію характера, промѣнять домашнія заботы на запрещенныя удовольствія и даровые успѣхи". (Братъ Piccolo Tigre, псевдонимъ еврей).

„Масонство есть такое общество, которое не иначе могло составляться, какъ по удаленіи пустыхъ, но тѣмъ не менѣе пагубныхъ по своимъ послѣдствіямъ предразсудковъ національностей, сословій и религій". (Намекъ на еврейское происхожденіе ордена, Journal Maçonnique dé Vienne, page 170.

„Уничтожить семью, составляющую причину нравственнаго порабощенія женщины. Пускай женщина сама отступиться отъ отца, который продаетъ ее, отъ мужа, который осмѣливается ее купить. Довольно съ нея, если она будетъ только орудіемъ размноженія рода человѣческаго. Пусть она одна знаетъ, кто отецъ ея ребенка. Иное дѣло фавориты и фаворитки, а иное

*) Recueil Maçonnique, Toilet, 1850, p. 216.

**) Замѣчательно, что изъ всѣхъ философовъ XVIII вѣка, писавшихъ противъ религіи и нравственности, одинъ только Вольтеръ вступилъ на это поприще не изъ масонскихъ ложъ. Онъ былъ посвященъ въ масоны уже въ глубокой старости и изъ уваженія къ великимъ его заслугамъ, по части пропаганды, составляющей одну изъ главныхъ работъ внѣшняго масонства, былъ прямо возведенъ въ санъ мастера, не подвергаясь обычнымъ испытаніямъ.

дѣло родопроизводители (géneratеurs etgeneratrices"). (Братъ Сенъ-Симонъ) *).

„Не только слѣдуетъ раздѣлить имущества, но также уничтожить семью, національность и отечество". (Братъ Кампонелла).

„Страсти потому только породили пороки, что обществу почему-то вздумалось осуждать ихъ. Страсти, вѣдь это только силы, посредствомъ которыхъ выражается человѣческая свобода". (Братъ Фурье).

„Всякая собственность есть кража и потому слѣдуетъ уничтожить собственность. Раздѣлъ имущества должно соображать не со степенью способностей, а съ потребностью каждаго". (Братъ Бабефъ).

„Не нужно религіи! Въ религіи заключается причина всѣхъ бѣдствій человѣческихъ. Не нужно ни вѣры, ни законовъ, нужна только власть разума. Не нужно собственности, потому что она порождаетъ бѣдность. Не нужно ни брака, ни семьи, ни права, ни обязанностей и никакихъ вѣрованій, потому что и добро, и зло зависятъ только отъ неотразимой случайности (fatalite"). (Братъ Овенъ).

„Человѣкъ существуетъ самъ собою и для одного только себя. Единственная цѣль жизни человѣческой— самонаслажденіе. Понятіе о долгѣ—нелѣпость, потому что человѣкъ родится свободнымъ. Всякое пожертвованіе есть безуміе, одно только чувство самосохраненія законно **). Понятіе о нравственности только препятствуетъ прогрессу. Слѣдовало бы издать законъ, чтобы всякаго, произносящаго слово „духъ", запирали какъ безумнаго въ домѣ умалишенныхъ. Всякое государство есть заговоръ противъ неимущихъ. Всякое благодѣяніе есть оскорбленіе человѣческаго достоинства, заслуживающее отмщеніе. Всякое обладаніе собственностью есть воровство. Должны дѣлиться между собою не однѣми только имуществами, но и женщинами".

*) Въ русской литературѣ см. „Что дѣлать" романъ Чернышевскаго, „Студіи" Бибикова, и др.

**) См. романъ „Что дѣлать" и въ немъ цѣлую диссертацію Рахметова о самопожертвованіи. *Примѣчанія А. О. П.*

Такъ вотъ чего хочется гг. эмансипаторамъ! Бракъ еще хуже, чѣмъ воровство. Онъ есть тиранство. Естественные враги женщинъ—это ихъ отцы, мужья и братья.

Тѣмъ изъ нашихъ милыхъ соотечественницъ, которыя, выслушивая благосклонно вкрадывающихся въ нашу семейную и общественную жизнь негодяевъ, способны увлекаться такого рода ученіемъ и дѣлаться врагами, для нихъ же посвящающихъ лучшія стороны сердца, отцевъ, мужей и братьевъ, позволимъ себѣ только напомнить историческій фактъ, къ которому привело это ученіе. *Во время террора, эмансипированныя дочери Франціи, желая показать на дѣлѣ, что онѣ безъ предразсудковъ, вырѣзывали изъ неостывшихъ труповъ несчастныхъ жертвъ революціи еще не совсѣмъ отжившее сердце и тутъ же лакомились имъ.* Все это совершалось во имя разума, непризнающаго въ человѣкѣ ничего, *кромѣ костей и мяса.*

„Свободная воля человѣка, продолжаютъ просвѣтители человѣчества, а съ нею вмѣстѣ преступленія и заслуги, не существуютъ. Языкъ, общественность, понятія о правѣ и долгѣ, и разныя учрежденія, все это дѣло собственнаго нашего разума. Слѣдовательно, религія зависитъ отъ воли каждаго и потому: проклятіе христіанству! вѣчное проклятіе той религіи, которая навязываетъ вѣрованія и обязанности!" (Выводы разныхъ авторовъ),

„Долго ли еще страдать? Пробудись народъ! Возстаньте рабы! Сокрушите ваши цѣпи, не унижайте въ себѣ человѣческаго достоинства! развѣ вы хотите ждать, чтобы ваше потомство, задушаемое оковами, которыя вы ему завѣщаете, сказало про васъ: отцы наши были еще безчестнѣе, чѣмъ рабы Рима, потому что между ними не нашлось ни одного Спартака". (Братъ Ламене).

Ламене былъ католическій священникъ. Изъ этого еще разъ можно понять, какъ глубоко пустило корни масонство и почему польскіе ксендзы вдругъ превратились въ повстанцевъ и вѣшателей. Революціонная

интрига давно уже обманываетъ католицизмъ; для насъ уже это не новость. Но вотъ было бы ново, если бы она во имя мірскихъ благъ, которыми, какъ мы сейчасъ увидимъ, искушаетъ человѣческую слабость, какъ нибудь прикоснулась и къ русскому православному духовенству! *).

Конечно, то правда, что христіанство провозгласило начало братства между людьми, но только одному лишь масонству принадлежитъ счастливое знаніе, какъ приложить его. Христосъ говорилъ: „Царство мое нѣсть отъ міра сего", масонство же прямо говоритъ, что его царство отъ сего міра. Христосъ требовалъ жертвъ, которыя должны ожидать награды на небѣ, — напротивъ, жертвы, предписываемыя масонствомъ, награждаются на землѣ. (Братъ Клавель. Histoire pittoresque de la Fr. Maçonnerie).

„Всякая власть, продолжаетъ Ламене, есть не болѣе какъ только простая исполнительница воли народной. Власть должна не повелѣвать, а повиноваться". (Братъ Ламене).

То есть, говоря другими словами, власть должна принадлежать не государю, а народу. Если бы мы достовѣрно не знали, что всѣ такія выходки и продѣлки вовсе не дѣло убѣжденія, а только широко задуманной интриги, то въ свою очередь, напитавшись революціоннымъ запахомъ, могли бы сказать г-ну Ламене: все это прекрасно, потому что отъ государя тирана можно какъ нибудь избавиться; но какъ тутъ быть, если вдругъ народъ грубый и невѣжественный, въ свою очередь задумаетъ быть тираномъ?

„Если какая нибудь сила стремится поддержать то, что уже подточило время и что отвергается духомъ вѣка (т. е. масонскою пропагандою), то на основаніи законовъ динамики слѣдуетъ образовать иную, болѣе напряженную силу, которая разорвала бы плотины и помогла бы осуществиться законамъ рока (fatalité). Пригодность этого закона доказывается фран-

*) Попъ Гапонъ, Григорій Петровъ, арх. Михаилъ и нѣк. другіе. *Примѣчаніе издателя.*

цузскою революціею и религіозною реформою. По плану мастера, подмостки, сдѣлавшіеся уже негодными, слѣдовало разрушить. Тогда возстали бы изъ среды народа энергичные люди и стали бы сплеча рубить подмостки до тѣхъ поръ, пока они не обрушились. Не будемъ же унывать, что прогрессъ не вездѣ еще одинаковъ. Станемъ *энергически* (?!) трудиться по мѣрѣ нашихъ относительныхъ силъ, съ безобманчивою увѣренностію, что какъ только возводимое нами зданіе выдвинется до надлежащей высоты, то старые подмостки повалятся сами собою". (Litstrée p. 85 et 84).

„Возстаньте же! Сорвемъ вѣнецъ завоевателей и возложимъ его на угнетенную невинность. Сорвемъ цѣпи неволи, тяготѣющія надъ людьми, которые всѣ рождаются свободными. Возвратимъ свободѣ похищенныя у нея права, вытащимъ человѣка изъ той грязи, въ которую втянули его деспоты и фанатики". (Journal Maçonnique de Vienne II, 1-e livraison, p. 88).

Земля есть общее достояніе, право собственности возникло и установилось только посредствомъ обмана..... Государи, ханжи и дворянство, эти непримиримые враги рода человѣческаго, должны быть истреблены, а ихъ имущество отдано тѣмъ, которые, по своимъ способностямъ, познаніямъ и добродѣтели одни только имѣютъ право и умѣніе управлять другими. (Само собою разумѣется, что здѣсь фран - масоны подъ именемъ тѣхъ, разумѣютъ самихъ себя) *).

„Такихъ, которые не согласятся принять эти правила, или вздумаютъ противиться исполненію этихъ плановъ слѣдуетъ почитать за негодяевъ. Противъ подобнаго рода враговъ человѣчества, всякое дѣйствіе обращается въ право и становится обязанностью. Да, все, все должно быть позволеннымъ, чтобы только стереть ихъ съ лица земли; насиліе и хитрость, огонь и желѣзо, отрава и кинжалъ; цѣль освящаетъ средства. (Братъ Фихте, основатель Tugendbund'а).

*) Наша современная смута—прокламаціи, рѣчи агитаторовъ, пожары, погромы. *Примѣчаніе издателя.*

Мы думаемъ, что дальнѣйшія цитаты становятся лишними. И безъ того уже можно теперь понять, *откуда прилетаетъ къ намъ нашептывать жажду крови этотъ странствующій жидъ, котораго масоны окрестили въ такъ называемаго духа времени.* Мы только удивляемся, какъ можно допустить, чтобы всѣ эти милыя идеи безнаказанно проводились во всѣхъ видахъ и формахъ въ среду нашего еще молодого поколѣнія и неустановившагося въ понятіяхъ своихъ общества, посредствомъ нашей же отечественной прессы. Здѣсь вѣдь нельзя же не видѣть, что вся эта отвратительная философія матеріализма, измѣны, грабежа и крови, составленная, положимъ, изъ грубыхъ, но тѣмъ не менѣе вкрадчивыхъ парадоксовъ и софизмовъ, окончательно завоевала для себя, въ продолженіи послѣднихъ 4-хъ лѣтъ, право почетнаго гражданства въ русской литературѣ. Но чтобы быть послѣдовательнымъ, то прежде, чѣмъ допускать подобное явленіе, слѣдовало бы уничтожить 2 первые пункта русскихъ законовъ, а съ ними уже кстати взорвать на воздухъ и цѣлое государственное зданіе. Если это слишкомъ ужъ снисходительная распущенность нашей цензуры, распространяющаяся именно на тѣ самые предметы, для которыхъ она только и можетъ быть пригодною, происходитъ отъ размашистой вѣры въ толковитость русскаго народа—то увы! Во имя здраваго смысла, во имя спокойствія и счастія всего, что дорого для сердца, во имя высокой будущности нашего отечества, во имя цивилизаціи и неразлучнаго съ ней христіанства, намъ слѣдуетъ не шутя стряхнуть съ себя русскую лѣнь и начать оправдывать, кто какъ умѣетъ, столь высокое довѣріе къ намъ правительства. Стало быть, оно признало, что нашему свѣжему и нравственно-сильному народу уже не нужно помочей. Если это такъ, то пускай и русскій народъ отнесется къ прогрессу своимъ собственнымъ, православно - христіанскимъ, а не іудействующимъ взглядомъ, пускай онъ, призвавъ въ помощь Бога и не на однихъ словахъ только, осѣнивъ себя знаменіемъ креста, станетъ твердою ногою

на свою собственную, а не на чужую для него историческую почву—и тогда посмотримъ: Европа ли перетянетъ къ себѣ русскаго богатыря, или русскому богатырю еще разъ придется спасать отъ революціонныхъ палачей износившуюся и рахитическую Европу?

Мы довольно выставили примѣровъ, указывающихъ какого рода братская работа совершается во внутреннемъ масонствѣ. Теперь же дадимъ понятіе о томъ, какъ ловко начинается она въ низшихъ ложахъ надъ только что принятыми въ нихъ неофитами. Для этой цѣли, уподобляясь израильскому законодателю, орденъ предписалъ 12 заповѣдей и назвалъ ихъ двѣнадцатисловіемъ (Dodecaloque). Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

II. Будь добръ, потому что добротою налагаются цѣпи на всѣ сердца.

IV. Будь кротокъ, потому что кротостью привлекается благорасположеніе.

V. Будь благодаренъ, потому что благодарностью поддерживается и пріумножается милость.

VII. Прощай обиды, потому что чрезъ мщеніе можетъ возбудиться вѣчная къ тебѣ ненависть.

VIII. Дѣлай добро оскорбившему тебя, чтобы возвыситься надъ нимъ и уловить его дружбу.

Но гдѣ же здѣсь любовь къ человѣчеству, о которой орденъ во всеуслышаніе заявляетъ въ своемъ статутѣ? Говорятъ, будь добръ, будь кротокъ, прощай обиды и т. п., но дѣлай это не изъ человѣческихъ, а изъ животныхъ побужденій, т. е. потому только, что это для тебя выгодно. Но вѣдь это не любовь къ ближнему, а эгоизмъ, возводимый въ нравственный догматъ, въ правило жизни! Само собою разумѣется, что, принимая эгоизмъ за узаконеннаго руководителя нащихъ поступковъ, мы прямо отвращаемся отъ закона христіанской любви къ гнилому и лицемѣрному ветхозавѣтному фарисейству.

Заповѣдуя любовь къ невидимому для плотскихъ очей Отцу небесному, христіанство безвозвратно отрѣшило древній міръ отъ языческаго пантеизма и

отъ ветхозавѣтнаго еврейскаго міросозерцанія, возводившаго эгоизмъ, какъ основаніе естественнаго закона, въ начало религіи. Передъ свѣтлою идеею евангельской проповѣди навсегда разсыпались тяготѣвшія надъ міромъ оковы первобытнаго матеріализма и, наконецъ, человѣчеству возвращена для него только одного на землѣ доступная внутренняя, вѣчно живая, неподчиняющаяся законамъ матеріи, свобода созерцающаго и мыслящаго духа. Конечно, заповѣдуя любить ближняго, какъ самого себя, христіанство этимъ не отрицало и естественнаго эгоистическаго закона самосохраненія, но оно отодвинуло его на второй планъ, гдѣ органическіе инстинкты составляютъ ту колеблющуюся почву, независимость отъ которой должна составлять главную задачу нравственнаго человѣка и гражданина.

Эгоизмъ, какъ правило жизни, пригоденъ только для дикихъ и младенчествующихъ народовъ. Но по мѣрѣ духовнаго развитія общества, онъ все менѣе и менѣе долженъ былъ удовлетворять появившимся въ немъ новымъ духовнымъ потребностямъ. Въ эгоизмѣ собственно и заключается тотъ разрушительный, болѣзненный элементъ, безъ удаленія котораго не могло бы совершиться обновленіе древняго міра.

Въ законѣ любви къ ближнему, способной, помимо животныхъ побужденій и своекорыстныхъ цѣлей возвышаться до свободнаго и сознательнаго самопожертвованія, дано міру высшее, истинно человѣческое начало, одному только человѣчеству понятное и для него только одного возможное.

Христіанство, это есть тяжкимъ опытомъ купленное отрицаніе прошедшаго; иначе, какъ могло бы оно такъ скоро и такъ прочно овладѣть всѣми, сколько нибудь цивилизованными народами!? Христіанство есть новая, на высшихъ, болѣе широкихъ основаніяхъ развивающаяся цивилизація. Въ первомъ сыновнемъ лепетѣ молитвы къ нашему общему Отцу звучитъ свобода, въ словѣ ближній слышится и братство, и равенство, и любовь къ человѣчеству, принявшую си-

лу религіознаго и нравственнаго закона, прямо и прочно ведущаго его къ свободѣ.

Все, что только встрѣчаемъ наилучшаго въ современной гражданственности есть дѣло христіанства; всѣ же слезы человѣчества и язвы общественныя составляютъ гнилое, еще не выдѣлившееся изъ его среды, наслѣдіе отъ прежняго общественнаго строя, который теперь, съ придачею іудейства, стараются вызвать изъ за могилы къ искуственному существованію.

Этому, впрочемъ, удивлятся нельзя. Борьба есть стихія жизни, говоритъ Бѣлинскій *), и если христіанство могло породить Іуду, то вѣдь зато и языческій міръ имѣлъ у себя Платоновъ. Уничтожить идею добра или зла невозможно; но зато можно было бы содѣйствовать осуществленію добра, а злу не позволять осуществляться. Въ этомъ то и заключается главная задача нравственнаго прогресса и законодательства.

Но принимая христіанство за высшій, болѣе зрѣлый возрастъ человѣческаго развитія, можно ли удовлетворительно объяснить себѣ, не прибѣгая къ участію внѣшнихъ искусственныхъ причинъ, этотъ противоестественный всемірный поворотъ человѣчества къ отринутому разъ навсегда ученію фарисейства, отъ котораго на каждаго свѣжаго человѣка несетъ могильнымъ запахомъ? Какъ осмыслить это коварное, подъ кровомъ интриги и тайны и въ глубинѣ вѣковъ создавшееся, стремленіе воздвигнуть на развалинахъ христіанства, облитыхъ кровью новыхъ мучениковъ, всемірную іудейскую монархію, съ ея Богомъ-мстителемъ, сметавшемъ когда-то съ лица земли рукою іудеевъ, цѣлыя поколѣнія и націи, на мѣсто которыхъ водворялся бывшій народъ Его?! Неужели мало той крови, которая обагрила помосты римскихъ цирковъ и которыми продолжаютъ безчестно торговать католическіе монахи?

*) И не одинъ Бѣлинскій, и не онъ первый.

Примѣчаніе издателя.

ГЛАВА VI.

Чтобы сдѣлать еще виднѣе для читателя іудейское происхожденіе фран-масонства, обратимся еще разъ къ ихъ символамъ и аллегорическому церемоніалу высшихъ ложъ.

Первое, что поражаетъ каждаго входящаго въ масонскую ложу, это имя Іеговы, окруженное лучами и написанное по еврейски надъ жертвенникомъ или трономъ, къ которому не прежде можно приближаться, какъ пройдя черезъ двѣ ступени, означающія экзотерическое (внѣшнее) и эзотерическое (внутреннее) масонство. Извѣстно, что фран-масоны Шотландскаго рита прямо признаютъ себя служителями Іеговы, и это не какъ Бога христіанскаго, а какъ Бога іудейскаго, освобождающаго ихъ отъ новыхъ обязанностей, налагаемыхъ ученіемъ Христовымъ. Кромѣ того, въ 3-й степени Шотландскихъ ложъ новопосвѣщаемому открываютъ, что слово, утратившееся со смертію Адонирама, т. е., съ паденіемъ ветхозавѣтнаго іудейства— есть Іегова.

Въ церемоніалѣ посвященія въ XVIII степень, т.-е., въ рыцари Розоваго Креста, ложа обивается чернымъ; въ глубинѣ ея воздвигается жертвенникъ, а надъ нимъ, въ прозрачной картинѣ, изображаются три креста, изъ которыхъ на среднемъ видна обыкновенная надпись I. N. R. I. Братья, облеченные въ священническія одежды, должны сидѣть на землѣ, съ видомъ глубокаго размышленія и сѣтованія, опустивши лица на свои руки въ знакъ горести. Венерабль спрашиваетъ блюстителя: „который часъ“? На этотъ вопросъ новопосвящаемый долженъ отвѣчать: „теперь у насъ первый часъ дня, та самая минута, въ которую завѣса храма разорвалась на-двое, въ которую мракъ и отчаяніе покрыли всю землю, свѣтъ омрачился, орудіе фран-масоновъ сокрушилось и пламенѣющая звѣзда сокрылась“! Тогда адепту объясняютъ, что Адонирамово слово было потеряно въ ту самую минуту,

когда совершилась на крестѣ смерть Спасителя и въ свою очередь требуетъ, чтобы адептъ объяснилъ имъ, что такое по его мнѣнію можетъ означать надъ крестомъ надпись I. N. R. I. Заставивши его произнести на это священное имя хулу, заключающуюся, какъ мы уже видѣли, въ торжественномъ признаніи въ лицѣ Христа Спасителя преступника, заслужившаго проклятіе и казнь, венерабль восклицаетъ съ радостію: „Братья, теперь мы нашли потерянное слово *).

При возведеніи въ достоинство Шотландскаго верховнаго мастера, разстилается передъ новопосвящаемымъ коверъ, имѣющій на себѣ аллегорическіе рисунки; тогда посвящающій мастеръ обращается къ неофиту съ слѣдующею рѣчью: „Знакъ, который ты видишь, любезнѣйшій братъ, на самомъ верху, есть аллегорическое изображеніе дружбы. Онъ есть священный символъ ордена и нашихъ братьевъ [·] **), хотя они и разсѣяны по лицу всей земли, однако же не перестаютъ составлять собою одну общину. Всѣ они посвящены въ однѣ и тѣ же тайны, всѣ слѣдуютъ однимъ путемъ, устроены по одной линейкѣ и мѣркѣ и воодушевлены однимъ духомъ“.

„При полученіи этой степени, между тобою и профанами, даже между тобою и многими изъ другихъ нашихъ братьевъ воздвигается крѣпкая стѣна. Вѣрь тому, что все уже тебѣ извѣстное ничтожно, въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть тебѣ открыто впослѣдствіи, если ты сдѣлаешься того достоинъ. Вокругъ тебя таинственность, уже одно это должно внушать тебѣ предчувствіе о всей великости предстоящаго дѣла“.

„Когда ты еще только подходилъ къ мастеру, то все вокругъ тебя представлялось во мракѣ. Однакожъ ты успѣлъ замѣтить, какою блѣдностію было покрыто

*) По Баррюелю (Barruel) отвѣтъ, объясняющій значеніе буквъ I. N. R. I. слѣдующій: Iesus de Nazarett ductus per Raphaëlom ad Iorusalem, ut panivetur pro criminibus suis.

Примѣчаніе А. О. П.

**) Этотъ самый знакъ очень часто можно видѣть на еврейскихъ могильныхъ памятникахъ.

Примѣчаніе О. А. П.

лицо его, а видъ двухъ другихъ братьевъ, заставилъ тебя трепетать отъ ужаса. И это потому, что у насъ есть причина не вспоминать безъ печали и ужаса о той страшной ночи, когда наше святилище вдругъ было опустошено и наши братья были разсѣяны на всѣ четыре стороны. Но это воспоминаніе не лишено для насъ и отрады, какъ только подумаемъ, что мы успѣли посвятить эту ночь памяти нашего святилища, что мы еще можемъ укрываться подъ покровомъ тяготѣющаго надъ нимъ мрака и спасаться въ глубинѣ его отъ преслѣдующихъ насъ враговъ".

„Конечно, я еще не могу открыть тебѣ всѣхъ нашихъ таинствъ; но наступитъ время, когда ты самъ разгадаешь и разовьешь ихъ, проглянешь другими глазами и призовешь благословеніе на этотъ спасительный мракъ".

„Ты замѣчаешь, что цвѣтъ этого ковра красный, да напоминаетъ же тебѣ этотъ цвѣтъ кровь твоихъ братьевъ".

„Здѣсь мы видимъ разрушенный храмъ, стѣны его разбиты и ступени его вырваны. Это должно напоминать тебѣ о несчастной судьбѣ нашего ордена. Онъ сдѣлался добычею чужеземца, а братья его и теперь еще разсѣяны".

„Пойми же теперь, чего мы лишились и съ какимъ безчеловѣчіемъ всѣ мы были осуждены искупить собою проступки только немногихъ".

„Мнѣ еще не позволено указать тебѣ ту отдаленную эпоху, когда мы дѣлались добычею алчности и жертвою гордости. И однако же они нами до сихъ поръ остались неприкосновенными; никто еще не осмѣлился переступить за предѣлы вотъ этихъ линій".

„Ты здѣсь видишь подлѣ себя сбоку четыре свѣтильника, но я еще не имѣю права открыть тебѣ, что они означаютъ. Довольно съ тебя, если я скажу, что четвертое (крестъ) основано на трехъ (три ѵпостаси), а три основано на единицѣ (единство Божества). Ты воленъ объяснить четвертое число, какъ тебѣ угодно, за четыре ли страны свѣта, за четыре ли стихіи, или за четырехъ-сторонній камень. Поступая такимъ образомъ (т. е. подкапываясь, посредствомъ заранѣе расчитаннаго мистицизма, подъ историческую достовѣрность Евангелія) ты немногимъ уклонишься отъ истины, хотя бы даже вокругъ тебя царствовалъ мракъ, чернѣе самой темной ночи. Слѣдуй только этою дорогой, и ты непремѣнно придешь къ той же цѣли, отъ какой бы точки ты не отправился".

При посвященіи въ избраннаго отъ девяти*), комната должна быть совершенно темная и кромѣ того обита чернымъ. Въ самой глубинѣ, сбоку, устраивается что-то въ родѣ грота, или пещеры, покрытой сверху и кругомъ древесными вѣтвями. Въ этой пещерѣ, изображающей собою древле-іудейскій гробъ, должна находиться сидящая человѣческая фигура, у которой голова, покрытая длинными волосами, только приставлена къ туловищу и слѣдовательно не имѣетъ съ нимъ прямой связи. Вблизи долженъ быть приготовленъ столъ и подлѣ него табуретъ, а *насупротивъ* прозрачная картина съ изображеніемъ руки, вооруженной кинжаломъ и съ надписью „мщеніе". На столѣ должна находиться чаша, а внизу табурета большой кинжалъ и слабо теплющаяся походная лампада, на противоположной сторонѣ комнаты долженъ протекать источникъ чистой воды.

Мы воспроизводимъ здѣсь эти подробности потому, что всѣ онѣ кромѣ интереса имѣютъ свой внутренній смыслъ, какъ и каждое слово, знакъ, движеніе, установленное церемоніаломъ. Думаемъ, что теперь весь этотъ символическій языкъ и безъ нашей помощи понятенъ для читателей и потому мы ограничимся только главными указаніями.

Когда все такимъ образомъ приготовлено, и неофитъ, имѣя глаза завязанные, уже введенъ посвященнымъ въ черную комнату, тогда этотъ сажаетъ его передъ столомъ на табуретѣ, облокачиваетъ его на столъ на одну руку, которою онъ долженъ поддерживать себѣ голову, и говоритъ ему: „не перемѣняй, мой братъ, этого положенія, пока не услышишь трехъ

*) Chevalier kadosch.

Примѣчаніе издателя.

ударовъ, (которые означаютъ уничтоженіе такъ называемаго вреднаго начала, состоящаго, какъ мы это увидимъ ниже, изъ духовной, гражданской и военной власти). Три удара должны служить для тебя знакомъ, что уже настало время сорвать съ глазъ повязку. Слѣдуй точь въ точь моему указанію, иначе ты никогда не будешь принять въ ложу избраннаго мастера“.

Послѣ этихъ словъ посвящающій уходитъ на нѣсколько минутъ и оставляетъ адепта одного для размышленій, съ силою захлопывая дверь. Потомъ ударяетъ три раза и когда уже тотъ сорвалъ съ глазъ повязку, даетъ ему время осмотрѣться, затѣмъ входитъ съ строгимъ видомъ и говоритъ: „Смѣлѣе, братъ мой! Видишь ли ты этотъ источникъ? Возьми эту чашу, почерпни ею и пей, потому что тебѣ предстоитъ много дѣла“.

Не правда ли, какъ поразительно напоминаетъ это мѣсто обычаи и рѣчь древняго Израиля, первобытнаго сына Востока?

Какъ только братъ, приготовляясь къ предстоящему подвигу, утолилъ жажду, посвящающій говоритъ ему:

„Возьми эту лампаду, вооружись этимъ кинжаломъ, взойди въ самую глубь этой пещеры и поражай все, что ты найдешь тамъ или что станетъ тебѣ противиться. Защищайся, отмщай и сдѣлайся достойнымъ быть избраннымъ“.

Тогда начинается кровавая сцена мести. Съ кинжаломъ въ правой, а лампадой въ лѣвой рукѣ, адептъ спѣшитъ ко входу пещеры, послѣдуемый старшимъ братомъ, который, показывая на сидящую въ ней человѣческую фигуру, состоящую изъ туловища съ приставленной къ нему головой, что означаетъ совершившійся уже разрывъ христіанскаго міра съ безсильными и отжившими, какъ и онъ самъ, властями, громко восклицаетъ: „Поражай, мсти за Адонирама! Вотъ его убійца“!

Тогда начинается отвратительная сцена отмщенія и убійства. Мы не будемъ ее здѣсь описывать.

По совершеніи мести, старшій братъ говоритъ: „Оставь теперь лампаду, возьми эту голову за волосы, подними вверхъ кинжалъ и слѣдуй за мной“.

Этотъ призывъ, заканчивающій собою іудейское мщеніе, размѣръ котораго выражается словами: „поражай все, что ты найдешь тамъ“, есть призывъ къ торжествованію побѣды и окончательному утвержденію господства ветхозавѣтной іудейской церкви и іудейскаго народа надъ безжизненными, т. е. утратившими всякую способность къ противодѣйствію, остатками христіанскаго міра.

Торжество надъ христіанствомъ олицетворяется во второй половинѣ посвященія въ избранника, чрезъ совершеніе самимъ адептомъ и его собратами, облаченными въ священническія одежды, обряда жертвоприношенія изъ хлѣба и вина по чину Мельхиседекову.

Въ настоящемъ случаѣ и этотъ обрядъ имѣетъ у масоновъ своеобразное, въ глубокой тайнѣ сохраняемое значеніе. Въ 1-хъ, онъ показываетъ, что времена тяжкихъ испытаній для сыновъ Израиля покончились, что Іегова—мститель примирился со своимъ народомъ и жертвы кровавыя для него уже не нужны. Во 2-хъ, онъ выражаетъ собою апоѳеозъ сподвижниковъ фран-масонства, заключившихъ свою многовѣковую борьбу побѣдою надъ врагами христіанами и освобожденіемъ изъ политическаго плѣна родственнаго для нихъ іудейскаго народа. Чтобы ближе уловить тайный смыслъ этой аллегоріи, не слѣдуетъ забывать, что жертвоприношеніе Мельхиседека совершилось въ знакъ того, что Іегова предалъ въ руки еврея Авраама всѣхъ враговъ его послѣ побѣды его надъ коалиціею царей, захватившихъ въ плѣнъ Лота, сына брата Авраамова *).

Стало быть, фран-масонскій орденъ есть сила солидарная іудейскому племени; стало быть, іудеи, или ихъ могущественные союзники, въ свою очередь готовятъ теперь христіанамъ участь быть очистительною жертвою за дѣла своихъ предковъ.

*) Книга Бытія, XIV 9, 12, 18, 20.

Если продолжится существующій порядокъ и революціонная пропаганда, наконецъ, восторжествуетъ и въ Россіи, которой она теперь боится, то осуществленіе этого событія, разъ если ее бояться перестанетъ, неотразимо въ будущемъ.

Допустимъ, напримѣръ, что дѣйствіемъ неумолкающей революціонной интриги, происшествія 1790-хъ годовъ повторились бы разомъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ.

Тогда, при безбрежномъ разливѣ этого разрушительнаго потока, гдѣ же можно отыскать почву, на которой можно было бы возвести плотину, чтобы остановить его, пока онъ окончательно не унесъ бы съ собою всѣ основы, безъ которыхъ не можетъ существовать никакое общество, и не потопилъ бы безвозвратно всѣ плоды многовѣковой, дорогою цѣною купленной, христіанской цивилизаціи? А тогда, что могутъ противопоставить жалкіе остатки христіанскаго міра, истекающаго кровью лучшихъ сыновъ своихъ, разореннаго, голоднаго, безъ крова, безъ религіи, безъ администраціи, безъ семьи, безъ отечества и всѣхъ возможныхъ нравственныхъ интересовъ, кромѣ удовлетворенія животныхъ и продажныхъ инстинктовъ? Что тогда могутъ они противопоставить одному, среди всеобщаго нравственнаго потопа, всецѣло сохранившемуся еврейскому народу, развитому, хитрому, мстительному, предусмотрительному и крѣпкому волею, умѣвшему здѣсь сберечь, среди всеобщаго растлѣнія, и вѣру отцовъ своихъ, и строгость нравовъ, и могущество единства, народу, впереди котораго идетъ теперь вмѣсто путеводившаго его когда-то свѣтлаго образа, союзный съ нимъ, могущественный и подобно ему разсѣянный по лицу земли фран-масонскій орденъ, этотъ подкупный развратитель и убійца христіанства, готовящійся теперь съ призракомъ свѣта въ одной, а съ кинжаломъ въ другой рукѣ, нанести послѣдній ударъ его трупу, и безъ того уже малоимѣющему въ себѣ жизни?

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что посреди всеобщаго разложенія христіанскаго

общества, одни только евреи воспользовались всѣми матеріальными выгодами современной цивилизаціи, успѣли въ то же время сохранить свою внутреннюю святыню, вѣру своихъ предковъ, составляющую для нихъ вѣрный залогъ той силы духа, которая ведетъ къ великимъ предпріятіямъ и которую теперь утратили, вмѣстѣ съ вѣрою, христіанскіе народы, дозволившіе сдѣлать изъ себя жалкую игрушку подземной и продажной интриги.

Іудеи, какъ видно, недаромъ посвящали многовѣковую ночь памяти своихъ братьевъ. Ни одинъ сколько нибудь серьезный еврейскій писатель не позволитъ себѣ передъ своимъ народомъ отзываться съ неуваженіемъ о своей религіи, какъ это дѣлаютъ теперь христіане, и не станетъ позорить себя тѣми пьяными и судорожными кривляніями бѣснующейся фантазіи, которыми взапуски стараются ознаменовать нашъ вѣкъ космополиты-прогрессисты.

Пролетаріатъ, этотъ гнилой заражающій паразитъ современнаго человѣчества, созданный лѣнью, разнузданностью и интригою, вовсе не извѣстенъ въ еврейскомъ обществѣ, лукавомъ, но трудолюбивомъ и дѣльномъ.

Второе обстоятельство, заслуживающее вниманія, это распространенное въ средневѣковую эпоху мнѣніе, что у евреевъ бываютъ тайныя сходбища, на которыхъ совершаются какія-то необыкновенныя кровавыя дѣла, вродѣ описанныхъ нами, при посвященіи въ избранные, или другихъ фран-масонскихъ мистерій, включая также въ число ихъ поклоненіе Бафомету, грубо олицетворявшему собою животную натуру, и установившееся между тампліерами, вскорѣ послѣ того, какъ въ Іерусалимѣ вошли они въ тайныя сношенія съ евреями и невѣрными.

Чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, евреи дали своимъ тайнымъ сходбищамъ общее названіе шабаша и они производили ихъ наканунѣ субботы, прообразующей для нихъ великій день торжества и успокоенія. Народъ, до котораго доходила молва о совершаемыхъ евреями время отъ времени какихъ-то та-

инственныхъ и странныхъ обрядахъ, относилъ ихъ къ колдовству. Отсюда произошло то значенiе, которое получило въ христiанствѣ слово шабашъ Sabath, Sabaht. Но изъ ветхозавѣтной еврейской письменности извѣстно, что между iудеями до Р. Х. никакихъ необыкновенныхъ мистерiй не существовало, если не считать тѣхъ, которыя предписывались правилами Моисеева закона. И потомъ, около того самаго времени, которое предшествовало первому ясному историческому заявленiю о себѣ фран-масонства, въ видѣ обнародованнаго имъ въ 1835 году Кельнскаго франмасонскаго эдикта, исторiя начинаетъ упоминать о тайныхъ еврейскихъ сходбищахъ все рѣже и рѣже *).

---

*) По случаю возникшаго въ Воронежѣ (кажется) дѣла о похищенiи и мученическомъ умерщвленiи христiанскаго мальчика, въ чемъ подозрѣвались евреи-солдаты, произведено было слѣдствiе и евреи эти оставлены въ сильномъ подозрѣнiи. Такъ какъ, однакожъ, общественное мнѣнiе протестовало противъ такого рѣшенiя, то тогдашнiй Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Перовскiй поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ (не Надеждину ли, автору изслѣдованiя „О скопцахъ"?) собрать всѣ факты, данныя, показанiя обратившихся евреевъ, тексты еврейской письменности, относящiеся къ предмету, и, наконецъ, соображенiя изъ прежнихъ по оному производившихся дѣлъ и прибавить къ тому свое заключенiе. Такимъ образомъ составилась книга, напечатанная не болѣе, какъ въ двадцати экземплярахъ, подъ заглавiемъ; „Розысканiе объ убiенiи евреями христiанскихъ младенцевъ и употребленiе крови ихъ, напечатанное по приказанiю Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 1844 г." (Безъ обозначенiя мѣста, 8 т,, 153 страницы).

Авторъ, по разсмотрѣнiи 134 подлинныхъ дѣлъ, производившихся большею частiю въ западныхъ губернiяхъ, по обвиненiю евреевъ въ этомъ преступленiи, по прочтенiи 34 историческихъ сочиненiй объ этомъ предметѣ на языкахъ латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, молдавскомъ и новогреческомъ, и главнѣйше основываясь на показанiяхъ евреевъ, принявшихъ христiанство, на подлинныхъ текстахъ разныхъ частей Талмуда, въ особенности Вавилонскаго, также на найденныхъ въ дѣлахъ данныхъ, выразилъ полное убѣжденiе, что евреи неоднократно совершали взводимое на нихъ преступленiе и что оно одобряется и даже предписывается имъ нелѣпыми Талмудскими ученiями.

По мнѣнiю автора, почти во всѣхъ просмотрѣныхъ имъ слѣдственныхъ дѣлахъ находятся несомнѣнныя улики, доказывающiя виновность евреевъ; въ особенности изобилуютъ такими доводами дѣла, производившiяся въ 1816 году въ Гроднѣ, въ 1823 году въ Велижѣ Витеб. губ., въ 1833 году въ Минской губернiи и въ 1885 году на Кавказѣ. Но несмотря на то, ни по одному изъ этихъ дѣлъ, ни одинъ еврей не былъ окончательно признанъ виновнымъ и не одинъ не наказанъ. Этотъ результатъ отчасти только можетъ быть приписанъ тому, что по духу прежняго законодательства для осужденiя подсудимаго требовалось собственное его признанiе, но въ гораздо большей мѣрѣ онъ доказываетъ сильное влiянiе еврейскаго элемента на наше общество во всѣхъ его слояхъ.

Въ этомъ отношенiи наиболѣе замѣчателенъ слѣдующiй фактъ, имѣющiй рѣшительное влiянiе на всѣ уже дальнѣйшiя дѣла этого рода.

Выписываемъ изъ сочиненiя текстуально:

Однакожъ общая идея, лежавшая въ основанiи этихъ мистерiй, и до сихъ поръ не утратилась въ еврействѣ. Поговорите съ любымъ евреемъ, только напередъ пощекочите его самолюбiе, ничѣмъ не намекая на настоящее общественное положенiе евреевъ, и вы сейчасъ увидите самоувѣренный косой взглядъ и получите спокойный, но вмѣстѣ съ тѣмъ иронический отвѣтъ: „а вотъ зе погодитѐ, узъ теперь скоро зиды будутъ великiе, оцень великiе, самые больсые люди, больсе всѣхъ".

Съ тѣми, которые захотятъ объяснять эти слова ожиданiемъ еврейскаго Мессiи, мы и не споримъ. Но такъ какъ пришествiе и воцаренiе надъ еврейскимъ

---

117) Въ 1816 году въ Гродно, о Пасхѣ, найдена мертвою крестьянская дѣвочка Адамовичева, у коей одна рука вырѣзана была изъ локтевого сустава, а тѣло исколото во многихъ мѣстахъ. Въ этомъ злодѣйствѣ подозрѣвались евреи, и первое изслѣдованiе усилило подозрѣнiе, но евреи прислали депутата въ С.-Петербургъ, жалуясь на такое оскорбительное для нихъ подозрѣнiе, и приписывали его очень хитро ненависти поляковъ за приверженность жидовъ къ Правительству. Вслѣдствiе сего и состоялось Высочайшее повелѣнiе отъ 28-го февраля (объявлено 6-го марта) 1817 года „чтобы евреи не обвинялись въ умерщвленiи христiанскихъ дѣтей по одному предразсудку, будто они имѣютъ нужду въ христiанской крови, а что, если бы гдѣ случилось смертоубiйство и подозрѣнiе падало на евреевъ—безъ предубѣжденiя однакожъ, что они сдѣлали сiе для полученiя христiанской крови,—то было бы производимо слѣдствiе на законномъ основанiи". На семъ основанiи Гродненскому Губернскому начальству сдѣлано было Высочайшее замѣчанiе, а дѣло прекращено. Но по настоянiю Губернскаго прокурора, который нашелъ неправильности и не полноту въ первоначальномъ слѣдствiи, оно было возобновлено чрезъ 10 лѣтъ. Государственный Совѣтъ, принявъ въ разсужденiе „10-ти-лѣтнюю давность и Высочайшее повелѣнiе 1817 года, коимъ подобныя подозрѣнiя на евреевъ запрещено принимать,—положилъ: предать дѣло забвенiю. Крещеный еврей Савицкiй явился при семъ случаѣ, вызвавшись изобличить жидовъ, если только обезпечатъ отъ угрожающей ему въ семъ случаѣ опасности, но Государственный Совѣтъ призналъ, что такого рода изслѣдованiя возбранены помянутымъ Высочайшимъ повелѣнiемъ".

Что касается ученiй, заключающихся въ еврейскихъ сочиненiяхъ, не только одобряющихъ, но даже вмѣняющихъ въ обязанность убивать христiанъ для того, чтобы добыть ихъ крови и употреблять ее, какъ приправу пищи и для разныхъ обрядовъ, то главные источники, на которые авторъ ссылается, слѣдующiе:

Основанiемъ для этого безчеловѣчнаго обряда служитъ нелѣпо перетолкованный текстъ пророчества Валаама (кн. Числъ, глава 26). Затѣмъ прямыя указанiя, прозрачные намеки, описанiе самого обряда и толкованiе его значенiя, находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ еврейской письменности:

Книги *Талмуда*: *Эпафелефъ, Холмесъ, Наисбобесъ;* книга *Бовеменiе*, разд. 9; книга *Сенхедринъ,* разд. 7, листъ 59; книга *Броxедъ,* разд. 7, л. 58; 5 книгъ *Iородсо,* разд. 66, л. 53; книга *Султанъ-Орунъ* (въ особенности), стр. 42, ст. 62, 119, 192; молитва въ кн. *Монагогимъ*;

народомъ такого Мессіи, который такъ бы устроилъ, чтобы евреи были „больше всѣхъ“, не мыслимо безъ предварительнаго нравственнаго уничтоженія христіанства, то слѣдовательно и ожиданіе евреевъ прежде всего основывается на совершеніи этого послѣдняго событія.

Евреи, которые всѣ очень хорошо наставлены въ своемъ законѣ, не могутъ не видѣть, что христіанскій

молитва въ кн. *Сейдеръ-Цивуй*—соч. раввина *Ильи Хасида*, содержимая въ особой тайнѣ; книга *Рамбатъ*—также содержимая въ глубочайшей тайнѣ, гдѣ подробно описанъ образъ добыванія крови и всѣ къ тому нужныя орудія; тайная кн. *Зевхелевъ*; кн. *Гуланъ*; кн. *Эцъ-Хаимъ*—сочиненія раввина въ Ц. Польскомъ, *Хаима Выталь* и другія.

Кровь христіанская, употребляемая сперва въ свѣжемъ состояніи, а затѣмъ сохраняется такимъ образомъ, что въ нее обмакиваютъ холстъ и нити, которые высушивъ сожигаютъ, и этой золой, вмѣсто соли, посыпаютъ пищу. Кровь въ томъ и другомъ видѣ употребляется при обрѣзаніи младенцевъ, дается родильницамъ, больнымъ, но главное ея употребленіе для праздника Пейсахъ (Пасхи), въ которой жиды ѣдятъ опрѣсноки (маца). Одинъ изъ пасхальныхъ опрѣсноковъ, именно тотъ, въ который примѣшивается свѣжая христіанская кровь или содержащая ее упомянутая зола, жиды пекутъ съ особыми обрядами, въ величайшей тайнѣ, выславъ изъ дому женщинъ и дѣтей. Этотъ опрѣснокъ служитъ жидамъ, какъ бы для причастія, въ поруганіе христіанскому причастію, и частицы его разсылаются по всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ евреи не могли добыть себѣ христіанской крови.

Необходимое условіе: чтобы кровь добывалась насиліемъ и истязаніями, и вотъ почему жиды не стараются доставать крови, происходящей отъ лѣчебнаго кровопусканія или отъ кровотеченій.

Цѣль этого изувѣрства есть преимущественно поруганіе надъ памятью Спасителя и надъ установленнымъ имъ таинствомъ Св. Евхаристіи, потомъ мщеніе надъ христіанами и, наконецъ, вѣрованіе, что принятіе христіанской крови, придаетъ еврею святости, излѣчиваетъ болѣзни и способствуетъ утвержденію могущества еврейскаго народа и преобладанію его надъ христіанами (Гоимъ).

Справедливо, однакожъ, замѣтить, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, огромное большинство современныхъ обвиненій въ избіеніи младенцевъ упадаетъ на долю жидовъ, принадлежащихъ къ чрезвычайно фанатической сектѣ, называемой Хассидимъ (святыхъ).

Они выдаютъ себя за происходящихъ отъ Ассидовъ, о которыхъ упоминается въ книгѣ Маккавеевъ Гл. I. 2—42. Секта эта, ученіе которой достигаетъ крайнихъ предѣловъ дикаго изувѣрства, основана раввиномъ Исмаолемъ Бассилаймомъ, родившимся на Волыни, въ мѣстечкѣ Медзебожѣ въ 1760 или 1761 году. Главное средоточіе сектантовъ въ Витебскѣ и тамошней губерніи, но она распространилась и на другія западныя губерніи, и даже нашла себѣ прозелитовъ между иностранными евреями. Хотя съ другой стороны и то надо сказать, что обвиненіе евреевъ въ разныхъ странахъ Европы въ мученическихъ умерщвленіяхъ христіанскихъ младенцевъ имѣли мѣсто и до появленія этой секты, и что въ самихъ ихъ ложныхъ ученіяхъ заключается слишкомъ много элементовъ для того, чтобы обвиненія эти во всякое время могли оправдаться относительно не одныхъ Хассидовъ.

Примѣчаніе *О. А. П.*

См. въ концѣ книги дополнительныя примѣчанія издателя II, III и IV.

міръ почему-то разлагается, и вотъ они все больше и больше приподнимаютъ головы, и послѣ мы увидимъ, что они не безъ причины ожидаютъ вскорѣ пришествія освободителя.

ГЛАВА VII.

Мы сказали, что приготовляемый фран-масонскимъ орденомъ переворотъ долженъ быть всемірнымъ, и сказали правду. Сомнѣваться въ томъ нельзя, если только взвѣсить внимательно все, что уже нами было высказано о прочности организаціи, огромности средствъ, энергіи дѣйствія и единствѣ цѣли ордена.

Однако, приведемъ еще нѣсколько данныхъ, чтобы еще ближе познакомить читателя съ этимъ мало ему знакомымъ предметомъ.

„Величина ложи, говоритъ катехизисъ ученика, есть величина вселенной, ея длина отъ Востока до Запада,—ея широта отъ Юга до Сѣвера. Въ катехизисѣ мастера указано: „Гдѣ хозяинъ мастера? (т. е. учитель). По всей вселенной.—Для чего? Чтобы разливать свѣтъ“. Эти слова уже сами собою объясняютъ, что существенная обязанность фран - масонскихъ мастеровъ есть тайная повсемѣстная пропаганда проводимыхъ ими идей.

Наконецъ, вотъ что еще говоритъ о современномъ фран-масонствѣ братъ Рагонъ, имѣющій степень кадоша и одинъ изъ людей, повидимому, коротко знающихъ въ чемъ дѣло.

„Масонство не принадлежитъ ни къ какой странѣ; его нельзя назвать ни Французскимъ, ни Шотландскимъ, ни Американскимъ. Оно не можетъ быть ни Шведскимъ въ Стокгольмѣ, ни Прусскимъ въ Берлинѣ, ни Турецкимъ въ Константинополѣ, потому только, что оно тамъ существуетъ. Оно одно и всемірно. Оно имѣетъ многіе центры своей дѣятельности, но въ то же время имѣетъ одинъ центръ единства“.

„Къ какому бы признанному риту масонъ не при-

надлежалъ, говоритъ Шотландское фран-масонство, онъ есть братъ всѣхъ масоновъ, находящихся на земномъ шарѣ“.

Мы пропускаемъ непристойныя, хотя и не лишенныя интереса, подробности посвященія въ масонскія ложи женщинъ и ихъ перевоспитаніе. Всѣ вообще убѣжденія, внушаемыя тамъ слабонервнымъ дочерямъ Евы, относятся ко всестороннему ихъ эмансипированію, т. е. къ освобожденію ихъ отъ, такъ называемыхъ фран-масонами, семейныхъ и общественныхъ предразсудковъ—и затѣмъ уже къ превращенію ихъ въ сознательное орудіе революціонной пропаганды. Такъ какъ церемоніалъ пріема въ нѣкоторыя ложи обязываетъ новопосвящаемую торжественно заявить предъ собраніемъ о своей способности любить и нравиться, то понятно, что масонамъ уже легко было воспользоваться этою женскою способностью не для однихъ своихъ обязательныхъ по масонскому статуту таинственныхъ удовольствій (plaisirs misterieux), но также для превращенія ея въ могущественное орудіе для достиженія политическихъ цѣлей. Смѣшанныя ложи во Франціи (Loges d'adoption) почти всегда наполнены были лоретками. Извѣстно также, что Madame de Genlis, любовница Филиппа Іосифа, герцога де-Шартръ, была великою мастерицею и имѣла въ фран-масонствѣ санъ Матери Церкви.

Чтобы яснѣе указать на значеніе, которое принадлежитъ женщинѣ въ дѣлѣ революціонной пропаганды, и участіе, которое онѣ, какъ, напримѣръ, наши польки, могутъ принимать въ организованныхъ народныхъ смутахъ, достаточно привести слова, съ которыми великій мастеръ обращается къ женщинѣ-адепту, при возведеніи ея въ IV степень:

„Милая сестра, говоритъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы пріобщили тебя къ уразумѣнію символическихъ таинствъ фран-масонства, и свѣтъ истины освѣтилъ тебя своими лучами, должны были навсегда исчезнуть изъ глубины твоей мысли послѣдніе слѣды заблужденій, суевѣрія и предразсудковъ. Съ этой минуты на тебя возлагается тяжелый, но зато и славный трудъ! Да будетъ отнынѣ твоей первѣйшею обязанностью сѣять въ народѣ чувство неудовольствія противъ Государей и Духовенства. Въ кофейныхъ, въ театрѣ, на вечерахъ, однимъ словомъ, вездѣ преслѣдуй неутомимо эту наисвященнѣйшую цѣль“. *)

Этимъ словамъ великаго мастера предшествуетъ слѣдующая клятва:

„Клянусь и обѣщаю вѣрно сохранить въ моемъ сердцѣ тайны фран-масонства. Въ противномъ случаѣ, да буду разсѣчена на части мечемъ Ангела Истребителя“.

Здѣсь слово Ангелъ Истребитель само говоритъ за свое еврейское происхожденіе **).

Объяснивъ, что главная и тайная цѣль масонства состоитъ въ построеніи на мѣстѣ христіанскихъ государствъ всемірной древне-іудейской патріархіи, мы съ тѣмъ вмѣстѣ дали замѣтить, что, судя по ходу событій, предполагаемое осуществленіе этой, геніально задуманной и геніально преслѣдуемой цѣли, не представляетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Іудеи, пройдя въ продолженіи столѣтій сквозь рядъ тяжелыхъ испытаній, невредимо вынесли на плечахъ свою религію и свою народность.

Но религія и народность завѣщаютъ имъ вѣчную ненависть къ христіанамъ, а также и мщеніе. Повторяемъ, что теперь іудеи уже не прежній забитый и ничтожный народецъ, а воскресающая и сильная по уму и единству нація. Правда, что у нея, какъ и у фран-масоновъ нѣтъ ни клочка земли, который бы она могла назвать отечествомъ; но зато у нея вездѣ есть центры дѣйствія, и она успѣла на пространствѣ всего міра незамѣтно *овладѣть*, въ видѣ торговли и

---

*) La vera buona novella. 1862.

**) Не странно ли, однакожъ, то, что, по словамъ автора женщинамъ, при инициаціи только въ IV степень, разсказываютъ уже всѣ завѣтныя, тщательнѣйше скрываемыя тайны о цѣляхъ фран масонства, которыя мущинамъ объявляются только въ послѣдней, высшей степени и то не всѣмъ, а только тѣмъ, которые признаны достойными принадлежать къ внутреннему масонству? Нѣтъ ли въ этомъ непослѣдовательности и противорѣчія?

Примѣчаніе А. О. П. (издателя).

финансовъ, главнѣйшими жизненными органами всѣхъ націй.

На сколько нынѣшніе евреи причастны къ франмасонскому ордену, о томъ пишущій положительныхъ свѣдѣній не имѣетъ *), но нѣтъ сомнѣнія, что не могутъ же они оставаться равнодушными зрителями осуществляющагося въ ихъ глазахъ паденія христіанства. Нельзя, однакожъ, не видѣть, что фран-масонскій орденъ сильно на нихъ разсчитываетъ, и вотъ тому доказательства. Евреи давно ожидаютъ пришествія Мессіи — и что же? Въ то самое время, какъ орденъ почитаетъ себя близкимъ къ осуществленію задуманнаго имъ дѣла, когда въ человѣческой фигурѣ, изображающей собою систему христіанскихъ государствъ **), голова почти отдѣлена отъ туловища, т. е. почти вездѣ разрушена внутренняя жизненная связь между народомъ и властями, и христіанство, какъ религіозная и политическая доктрина, повсюду окружена стѣнами іудейской могилы, въ то время оказывается уже родившимся на свѣтъ въ Швейцарской деревушкѣ, которой названіе теперь не припомню, самый этотъ ожидаемый евреями Мессія. Ребенку уже теперь 7 лѣтъ (значитъ въ 1870 году 14 или 15 лѣтъ), рожденіе его было возвѣщено чудесами, у него есть свой Іоаннъ Предтеча, котораго я лично знаю и который въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго (1863) года ѣздилъ изъ Парижа къ этому мнимому Мессіи на поклоненіе. Конечно, появленіе ложныхъ Мессій вообще не новость, но только не въ XIX вѣкѣ и не въ средѣ одной изъ образованнѣйшихъ націй, чуждой суевѣрія и религіознаго фанатизма, и не при такой обстановкѣ. Этому мнимому Мессіи еще только 7 лѣтъ, слѣдовательно, до ожидаемаго явленія его въ міръ, какъ Осуществителя новыхъ идей и Верховнаго Властителя народовъ, есть возможность воспитать въ революціонной атмосферѣ и свести съ ума на жаждѣ крови, посредствомъ подпольной пропа-

*) См. въ концѣ изданія дополнительныя примѣчанія.
**) При посвященіи въ рыцаря кадошъ 30 степень.

ганды, нѣсколько поколѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя уже точатъ ножи на отцовъ своихъ *). Здѣсь главнымъ двигателемъ политической интриги является тоже подпольная Франція и именно въ то самое время, когда въ Швейцаріи растетъ и воспитывается мнимый Мессія. Такъ называемые медіумы, принадлежащіе къ обществамъ спиритуалистовъ и спиритовъ, объявляютъ, какъ дѣло высшаго предопредѣленія, что будто всѣ нынѣшніе французы не французы, а воплотившіяся души тѣхъ самыхъ іудеевъ, которые были современниками и орудіями казни Христа Спасителя. Вся эта исторія, имѣющая цѣлью отуманить голову и приготовить воображеніе къ грядущимъ событіямъ, состряпана очень ловко и въ ней, по всегдашнему масонскому обычаю, обманщики прячутся за обманутыхъ.

Нельзя также оставить без вниманія того рода отношеній, въ которыя орденъ постарался поставить себя, въ лицѣ организованнаго имъ польскаго возстанія, къ нашему еврейскому племени. Начальники повстанцевъ, хотя и подаютъ видъ, что отстаиваютъ отмѣченный своею нетерпимостью католицизмъ, но въ то же время приносятъ отъ себя въ даръ польскимъ евреямъ семисвѣчникъ, какъ одну изъ существенныхъ принадлежностей іудейскаго храма. Въ отплату за такую любезность, идущую въ упоръ противъ духа латинства, евреи, въ свою очередь, посылаютъ въ лагерь крестъ, съ изображеніемъ распятаго Іисуса. Поймите всю желчь этой еврейской насмѣшки надъ христіанскимъ міромъ!

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1861 года пишущій проѣхалъ болѣе 800 верстъ нашими западными губерніями. Еще въ то время наблюдателю можно было догадаться, что въ цѣломъ краѣ готовится что-то недоброе, и готовится чрезъ прямое содѣйствіе евреевъ. Во всемъ Бѣлорусскомъ краѣ, Малороссійскихъ губерніяхъ и частью Смоленской, словомъ вездѣ, гдѣ только жили

*) См. „Руское Слово“, Іюнь, 1863 г., стр. 55. Стихотвореніе „Отцамъ“

или шевелились евреи, не оказывалось въ обращеніи ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни даже кредитныхъ билетовъ, или какихъ-нибудь другихъ представителей цѣнности. Не только металлъ, но и всевозможные знаки исчезли куда-то, и были насильно и повсемѣстно замѣнены какими-то ничѣмъ не обезпеченными еврейскими марками, съ обозначеніемъ на нихъ имени какого-нибудь мелкаго еврейскаго торговца (явленіе, не чуждое и Россіи). Не трудно понять, какимъ страшнымъ гнетомъ этого рода финансовая система ложилась на русское населеніе. Всѣ наличные капиталы были мало-по-малу выбраны изъ обращенія и поступили къ польскимъ помѣщикамъ, организующимъ шайки, а этого никакъ не могло бы случиться безъ помощи знаменитыхъ еврейскихъ марокъ. Такимъ образомъ въ этотъ разъ на дѣлѣ осуществилось предположеніе польскаго катихизиса, сдѣлать Бѣлорусскій край для Польши чѣмъ то въ родѣ Остъ-Индскихъ колоній. Если этотъ новый способъ обкрадывать оптомъ, en gros, еще и теперь допускается мѣстными властями, то онъ не только будетъ усиливать матеріальныя средства повстанія, но кромѣ того, насильственно вводя въ обращеніе милліоны ненормальныхъ и никакой существенной цѣны неимѣющихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, долженъ неизбѣжно подрывать государственный кредитъ.

Извѣстно, что фран-масонскій орденъ употребилъ все зависящее отъ него вліяніе на Прусскаго короля Фридриха II, бывшаго масономъ, чтобы склонить его на образованіе еврейской монархіи, которая послужила бы фактическимъ доказательствомъ его презрѣнія къ христіанству.

Въ настоящее же время тайные агенты ордена уже во всѣхъ христіанскихъ государствахъ стараются поставить вопросъ о евреяхъ на первомъ планѣ; надъ этимъ вопросомъ работаютъ вмѣстѣ съ ними и сами евреи. Нѣтъ такой литературы, гдѣ бы теперь не разсуждалось о евреяхъ и не возносилась передъ ними жертва хваленія. Голосъ исторической о нихъ правды

непремѣнно заглушается журнальной бранью *); само по себѣ разумѣется, что и русская литература не отстаетъ въ этомъ отъ другихъ. Въ умилительныхъ порывахъ нѣжности, которую наши прогрессисты съ нѣкотораго времени питаютъ ко всему, что противно христіанскому общественному строю и русской государственной идеѣ, хорошія стороны еврейскаго типа выставляются ими на показъ, а противныя покрываются наглою ложью. Кто же не видитъ теперь, что эти господа бьются изо всѣхъ силъ, чтобы насильно втиснуть евреевъ въ нашу внутреннюю гражданскую жизнь, что они стараются для нихъ пробить дорогу прямо къ административнымъ и другимъ высшимъ мѣстамъ въ государствѣ?

И евреи, повидимому, недалеки отъ достиженія этой цѣли **).

Но то, что можетъ быть допущено какъ исключеніе, никакъ не должно быть возводимо въ общее правило. Тѣ христіанскія правительства, которые увлекаясь искусственно созданными требованіями прогресса и современности, согласились бы дать евреямъ равныя съ христіанами гражданскія преимущества, сами на себѣ доказали бы, что они не умѣли отрѣшиться отъ скрытнаго вліянія внутреннихъ враговъ отечества и готовы сдѣлать одну изъ величайшихъ и пагубнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ политическихъ ошибокъ. Попробуйте нашимъ Бѣлорусскимъ евреямъ дать такія же права и преимущества, какими пользовались тамъ поляки и, по прошествіи нѣкотораго времени, вы очень положительно убѣдились бы, что уже произошелъ во всемъ, подобный польскому, еврейскій захватъ Бѣлорусскаго края. Изъ получае-

---

*) Это неудивительно, когда замѣтимъ, что почти вся нѣмецкая періодическая пресса, и не малая часть французской, находятся въ рукахъ или даже подъ редакціею полукрещеныхъ или даже не крещеныхъ евреевъ.

Примѣчаніе издателя.

**) Если подъ общимъ названіемъ евреевъ, авторъ разумѣетъ не только жидовъ въ ермолкѣ, но и крещеныхъ людей еврейскаго происхожденія, сохранившихъ въ глубинѣ души весь свой іудаизмъ, то цѣль эта большею частью уже достигнута и съ каждымъ днемъ дѣлаетъ болѣе и болѣе успѣховъ.

Примѣчаніе издателя.

мыхъ свѣдѣній видно, что еврейское населеніе дѣйствовало въ польскомъ мятежѣ съ системою двуличія, которой могли бы позавидовать и польскіе повстанцы. Развѣ не черезъ евреевъ доставлялись полякамъ оружіе и боевые припасы? Развѣ князь Чарторійскій не объявилъ въ Англіи, что польскіе инсургенты сражаются не за католическую религію? И въ то время, какъ всѣ распоряженія по польскому возстанію вытекали изъ Великаго Востока Франціи, развѣ не еврейскій раввинъ Кремпикъ былъ сдѣланъ начальникомъ Мяста въ Варшавѣ?

А мы, въ ущербъ соотечественникамъ, продолжаемъ награждать евреевъ все большимъ и большимъ вліяніемъ въ наводненномъ ими краѣ, и безъ того фактически имъ принадлежащемъ. Еще недавно разрѣшено имъ право винокуренія. Не трудно предвидѣть, сколько вреда можетъ принести эта мѣра при настоящемъ положеніи дѣлъ. И безъ того, гдѣ бы не усиливался еврей, между слабо еще развитымъ въ умственномъ отношеніи христіанскимъ народонаселеніемъ, вездѣ онъ эксплуатировалъ христіанина самымъ непозволительнымъ образомъ и, приводя его въ бѣдность и невѣжество, мало по-малу окончательно порабощалъ его *).

И всѣ подобныя дѣйствія евреевъ вытекаютъ не изъ однѣхъ только матеріальныхъ выгодъ, но еще болѣе изъ самаго смысла іудейскаго закона, одобряющаго истребленіе племенъ, не признающихъ съ іудейской точки зрѣнія Бога Израилева. Странно только, что мы забываемъ это. Вѣдь филантропическія государственныя идеи тогда только хороши, когда мы сѣемъ ихъ для себя да и на своей родной почвѣ; въ противномъ случаѣ, воспользуются жатвою другіе, а намъ, пожалуй, придется самимъ умирать съ голоду.

*) Одна изъ самыхъ простыхъ причинъ преимущества евреевъ надъ нашимъ простымъ народомъ заключается въ томъ, что этотъ народъ, вообще пристрастенъ къ крѣпкимъ напиткамъ, тогда какъ пьяный жидъ величайшая рѣдкость. Что же удивительнаго, что посреди пьяныхъ, трезвый человѣкъ царствуетъ почти самовластно?

Примѣчаніе издателя.

ГЛАВА VIII.

Мы видѣли, что для доставленія всемірнаго владычества ветхозавѣтному іудейству масонскій орденъ прежде всего непремѣнно долженъ былъ приготовить паденіе христіанства и что онъ достигалъ этого мало-по-малу, шагъ за шагомъ, въ разныя эпохи и разными способами, изъ которыхъ главными были распространеніе, посредствомъ подпольной пропаганды, пантеизма, отрицанія души и всѣхъ христіанскихъ основъ семьи и общества. Какъ только какой-нибудь народъ былъ достаточно подготовленъ тѣмъ или другимъ способомъ, орденъ старался возбудить въ немъ взрывъ народной массы противъ властей, т. е. революцію, которую старался раздувать какъ можно далѣе и шире. Въ этомъ только и заключается механизмъ всѣхъ революцій, начавшихся съ реформы Лютера. Конечно, время по немногу успокаивало народныя страсти, и наружный порядокъ на время возстановлялся; но тѣмъ не менѣе каждая революція оставляла въ народѣ глубокую нравственную болѣзнь, что-то въ родѣ холоднаго хищничества, разрозненности и кровавыхъ галлюцинацій. Послѣ каждой такой революціи нервы народа становились воспріимчивыми только къ разрушительнымъ, ненормальнымъ, болѣзненнымъ впечатлѣніямъ и нравы его, прикрываясь только внѣшнею оболочкою цивилизаціи, на самомъ дѣлѣ впадали въ эгоизмъ и дикость.

Что всякая революція, какъ только она выходила изъ масонства, была лишь новою и высшею степенью деморализаціи народныхъ массъ, *прикидывающеюся прогрессомъ*, это мы можемъ видѣть изъ нынѣшней Франціи и современныхъ дѣйствій польскихъ бандъ.*) И потому нѣтъ повода удивляться, что орденъ добился, наконецъ, до страшнаго политическаго могущества. И, однако же, онъ сознаетъ положительную невозможность осуществить свои завѣтные замыслы,

*) Не то ли видимъ мы теперь у себя?

пока Россія остается еще тѣмъ, что она есть. Чтобы обезпечить за собою успѣхъ въ будущемъ, вотъ уже въ третій разъ, какъ онъ пытается затопить насъ, и въ третій же разъ Провидѣніе спасаетъ отъ гибели добрый, безхитростный, знакомый съ крупною интригой народъ нашъ *). Въ этомъ смыслѣ самыя неудачи фран-масонскаго ордена, какъ бы служатъ живымъ опроверженіемъ проповѣдуемой имъ теоріи фатализма.

Постараемся же раскрыть предъ глазами читателя таинственныя отношенія ордена къ новѣйшимъ политическимъ событіямъ. Для этого, однакожъ, снова должно обратиться къ французской революціи, такъ какъ она составляетъ прототипъ другихъ революцій, послѣдовавшихъ за нею, и вмѣстѣ съ тѣмъ эпоху, которой предшествовало основаніе *Великаго Востока Франціи* (Grand Orient de France), *управляющаго современными событіями въ Польшѣ и кромѣ того надѣющагося вскорѣ управлять ими и въ Россіи.* **)

*) Что, несомнѣнно, послѣдуетъ и въ четвертый, при соблюденіи правительствомъ и обществомъ нѣкоторыхъ условій. *Примѣчаніе издателя.*

**) Кстати, считаю неизлишнимъ привести здѣсь выписку изъ находящихся у меня нѣсколькихъ отрывочныхъ воспоминацій покойнаго отца моего, О. А. Пржецлавскаго, не вошедшихъ въ изданномъ имъ въ 1882 году „Калейдескопѣ его воспоминаній“: „Въ половинѣ 1875 года, находясь въ Карльсбадѣ, я встрѣтилъ тамъ пресловутаго Маркса—начальника Интернаціонала. Мы съ нимъ пили однѣ воды. Я не искалъ съ нимъ знакомства, но, въ промежуткахъ между кубками, вмѣстѣ съ нимъ прохаживались иногда рядомъ по Мельнбургской галлереѣ; мнѣ случилось какъ то вступить съ нимъ въ разговоръ. Марксъ при этомъ, съ возмутительнымъ безстыдтствомъ, хвасталъ своимъ званіемъ и похвалялся, что уже имѣетъ подъ своей командой восемъ милліоновъ воиновъ (combattants) и что большая ихъ часть находится въ Россіи. Онъ признавался, что Парижская Коммуна была дѣломъ Интернаціонала, что это былъ первый опытъ введенія всемірной Коммуны. На вопросъ:—когда начнетъ дѣйствовать открытой силой?—онъ отвѣчалъ, что для этого ему нужно десять милліоновъ воиновъ и что онъ надѣется эту цифру вскорѣ пополнить, преимущественно россіянами. На другой вопросъ сказалъ: „nous ne sommes que des dommollisseurs, nous ne batissons rien et quand nous urons fait table—rase de ce qui èxiste et qui est condamnè, vous autres, messieurs les philosophes-philanthropes, vous pourrez construire ce qu'il vous plaira—si toutefois nous le permettrons“ (мы только разрушители, мы ничего не созидаемъ и когда совершенно уничтожимъ то, что нынѣ существуетъ, и что уже присуждено къ уничтоженію, то вы, гг. философы филантропы, вольны будете создать, что захотите, конечно, если мы это разрѣшимъ). (Буквальная программа Нечаевскаго заговора 1868—1870 года, въ раскрытіи и разслѣдованіи котораго принималъ участіе владѣлецъ рукописи и ея издатель—въ качествѣ лица прокурорскаго надзора дѣйствовавшаго въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II.)

„Не за-долго до французской революціи, говоритъ братъ Луи Бранъ, фран-масонство вдругъ приняло огромные размѣры. *) Будучи распространено по всей Европѣ, оно содѣйствовало мыслительности въ Германіи, глухо волновало Францію и вездѣ представляло въ себѣ самомъ образецъ общества, основаннаго на началахъ, противоположныхъ обыкновенному общественному строю“.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ среды масонскихъ ложъ были изгнаны и притязанія наслѣдственной гордости и преимущества рожденія. Едва только профанъ, ищущій принятія, входилъ въ такъ называемую „комнату размышленія“, какъ уже могъ прочитать на стѣнахъ, обитыхъ чернымъ и покрытыхъ погребальными символами, слѣдующую характеристическую надпись: „Если ты дорожишь людскими различіями, то выйди отсюда: здѣсь ихъ не знаютъ“.

„Такимъ образомъ масонство, уже самимъ фактомъ принятія началъ, обусловливающихъ его существованіе, стремилось къ главному осужденію учрежденій и понятій окружающаго его внѣшняго общества. Конечно, правда, что въ числѣ масонскихъ постановленій, находилось послушаніе законамъ, соблюденіе формъ и обычаевъ, усвоенныхъ внѣшнимъ обществомъ, уваженіе къ Государю. Справедливо и то, что масоны, во время стола, пили за здоровье королей въ государствахъ монархическихъ и высшихъ правителей въ республикахъ, но подобная сдержанность, которая для ассоціаціи, угрожаемой подозрительными правительствами, составляла не болѣе какъ мѣру благоразумія, не могла повредить дѣйствительному революціонному, хотя наружно и миролюбивому вліянію масонства. Конечно, тѣ, изъ которыхъ оно было составлено, не переставали быть въ обществѣ профановъ богатыми или бѣдными, благородно-рожденными или плебеями, но внутри самыхъ ложъ, этихъ храмовъ, отверстыхъ для дѣлъ высшаго существованія (!), и богатые и бѣдные, благородные и плебеи, должны были признавать себя

*) Histoire de la Revolution Française T. II, p. 75, 76, 77, 78—84.
Примѣчанія издателя.

другъ другу равными и называться братьями. Это былъ косвенный, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный и непрерывный протестъ противъ беззаконія и бѣдствій общественнаго порядка, это была пропаганда въ дѣйствительности, живущая проповѣдь“.

„Съ другой стороны мракъ, таинственность, произнесеніе страшной клятвы, тайна, которой нельзя было узнать, пока не пройдешь мужественно сквозь рядъ зловѣщихъ испытаній, и которую слѣдовало хранить подъ страхомъ проклятія и смерти, особенные знаки, посредствомъ которыхъ братья съ двухъ концовъ земли могли узнавать другъ друга, обряды, намекавшіе на какія-то убійства, и какъ будто стремившіеся раздуть изъ подъ пепла идеи мщенія *), что же болѣе, какъ не все это, было способно къ созданію заговоровъ? И какимъ образомъ подобное учрежденіе, въ то время какъ уже приближался кризисъ, вызываемый волновавшимся обществомъ, могло бы не сдѣлаться поставщикомъ орудій для разсчитанной ловкости сектаторовъ, для духа благоразумной свободы?“.

Братъ Луи Бланъ безспорно есть одинъ изъ тѣхъ писателей, который, болѣе чѣмъ другіе, доставляетъ читателю возможность уловить истинное политическое значеніе фран-масонства, однако-жъ, какъ историкъ, онъ высказывается много, но какъ масонъ говоритъ слишкомъ мало.

Фран-масонскій орденъ выступаетъ у него на сцену, какъ будто какой-нибудь призракъ или какая-то случайность, неимѣющая у себя ни историческаго прошедшаго, ни живого будущаго; на-половину недосказанныя полууказанія, производя въ читателѣ только эфемерное и неполное впечатлѣніе, отнимаютъ у него возможность обратить ихъ для себя въ урокъ, безъ котораго для него рѣшительно невозможно правильно растолковать себѣ событія нашего времени. *И, однако-же, фран-масонство заслуживало бы полнаго вниманія историка, не только какъ одна изъ тайныхъ пружинъ, отъ которыхъ поколебались основы общества, но и какъ особое космополитическое государство, имѣющее, подобно другимъ государствамъ свои учрежденія и законы, религію и обычай, эпохи паденія и силы.*

*) Мщеніе Абидалю за убійство Хирама, а также папѣ и королямъ за Темпліеровъ.

Примѣчаніе А. О. П.—издателя.

Но будемъ продолжать эту выписку.

„Въ ложѣ „Девяти Сестеръ“ вырисовались одинъ за другимъ: Гара, Бриссо, Камилль Демуленъ, Кондорсе, Шамфоръ, Дантонъ, Даможиль, Рабо Сентъ-Этьеннъ, Петіонъ, Фоше. Ложею „Желѣзной Пасти“ управляли Гупи де-Префельнъ и Баннвиль. Въ Палероялѣ Сейэсъ основалъ клубъ „Двадцати двухъ“. Ложа „Искренности“, во время революціоннаго погрома, сдѣлалась мѣстомъ сборища сообщниковъ Филиппа Орлеанскаго и въ числѣ ихъ Лакло, Латуша, Соллери, Кюстина, обоихъ Ламотовъ, Лафайетта и другихъ“ *).

Но мы уже могли видѣть, что фран-масонство не имѣло однороднаго характера. Три первыя степени допускали мнѣніе всякаго рода, впереди же ихъ разнообразіе ритовъ согласовалось съ разнообразіемъ системъ, а по именамъ Сейэса, Кондорсе и Бриссо можно убѣдиться, что въ ложахъ довольно было мѣста и для философіи энциклопедистовъ и для стремленій буржуазіи. И потому не слѣдуетъ удивляться, что фран-масоны внушали невольный ужасъ правительствамъ, склоннымъ къ подозрѣніямъ, что они были преданы анаѳемѣ Климентомъ XII въ Римѣ, гонимы инквизиціею въ Испаніи, преслѣдуемы въ Неаполѣ или, что Сорбонна во Франціи объявила ихъ заслуживающими вѣчныхъ мукъ. И однако-жъ, благодаря искусному механизму своихъ учрежденій, фран-масонство находило для себя между владѣтельными лицами и знатью скорѣе покровителей, чѣмъ враговъ. Даже самимъ государямъ, какъ напримѣръ Великому Фридриху, благоугодно было вооружиться лопаткою и наложить на себя передникъ. Для чего же не такъ? Существо-

*) Въ числѣ этихъ слѣдовало бы назвать еще Мирабо, Сенъ-Жюста, Робеспьера, Барнава, Барраса и Марата.

Примѣчаніе А. О. П.—издателя.

ваніе высшихъ степеней было тщательно отъ нихъ скрываемо, они только и знали изъ масонства то, что можно было имъ открыть, не подвергая себя опасности; все это не могло внушать имъ ни малѣйшей тревоги потому, что ихъ всегда удерживали на низшихъ степеняхъ, гдѣ только сущность доктрины едва только просвѣчивала изъ подъ аллегорическаго покрова и гдѣ многіе думали найти не болѣе, какъ только случай къ увеселеніямъ, каковы оживленные банкеты, какъ начала, которыми можно запасаться, а потомъ отбрасывать ихъ на самомъ порогѣ ложи, какъ формулы безъ приложенія къ обыкновенной жизни, какъ одну только комедію равенства. Но въ дѣлахъ подобнаго рода, отъ комедіи недалеко и до драмы. И вотъ случилось по правдивому и замѣчательному распредѣленію Провидѣнія, что наиболѣе гордые правители народовъ были приведены къ тому, что охраняли своимъ же именемъ и слѣпо позволяли употреблять свое вліяніе на пользу тѣхъ сокровенныхъ предпріятій, которыя были направлены противъ ихъ самихъ".

Такимъ образомъ, народу былъ данъ первый урокъ неповиновенія правительству и невѣрія въ непогрѣшимостъ государей.

Великій мастеръ тайнаго общества, сдѣлавшись главою государства, продолжаетъ неутомимо работать въ духѣ закабалившаго его ордена. Подавая собою примѣръ самаго безстыднаго разврата, онъ вовлекъ въ шумныя оргіи все французское дворянство, а управленіе государствомъ довѣрилъ человѣку изъ плебеевъ, своему задушевному другу, этому, какъ онъ говорилъ, чудаку Дюбуа, за кардинальскую шапку котораго заставилъ заплатить Францію до 8 милліоновъ франковъ. Онъ явно выражалъ сочувствіе къ писакамъ того времени, клеветавшимъ на королевскую власть и бросавшимъ грязью въ лицо правительства, смѣялся надъ религіею, и подъ видомъ уничтоженія предразсудковъ и суевѣрія, открыто помогалъ ученію матеріализма: возставать противъ бытія Бога и безсмертія души, а распространять религію эгоизма и чувственности.

Но это еще не все. Въ то время всѣ поиски франмасонства, вмѣстѣ съ идеями матеріализма выходили изъ Англіи и Шотландіи, въ которыхъ тогда была сосредоточена пропагандирующая дѣятельность ордена; такъ и въ этотъ разъ достойный воспитатель Великаго мастера, кардиналъ Дюбуа, подъ видомъ поправленія государственныхъ финансовъ, умѣлъ выписать изъ Шотландіи какого-то еврейскаго банкира Лоу (Lau) называвшаго себя ученикомъ Локка. Этотъ проходимецъ надѣлалъ какъ можно болѣе ассигнацій, произвелъ промотавшагося Филиппа въ банкиры, и давши возможность обаготитьтя жидамъ за счетъ гаевъ, окончательно разорилъ Францію.

По смерти Регента, управленіе тайнаго общества и государствомъ перешло въ руки герцога Бурбонскаго; онъ же наслѣдовалъ послѣ Филиппа Орлеанскаго и санъ великаго мастера той же ложи. *)

Съ этого времени уже начинаетъ обозначаться та невидимая нравственная цѣль, которою Польша была прикована къ судьбамъ Франціи. Новый великій мастеръ разстроилъ предполагаемый бракъ Людовика XV съ испанкою Инфантою, женилъ его на Маріи, дочери пріѣхавшаго во Францію Станислава, сверженнаго съ престола короля Польскаго. Тогда Августъ II, повидимому, догадавшійся, кто былъ тайнымъ двигателемъ французской интриги, предписалъ строгія дѣйствія противъ фран-масонства, принявшаго широкіе размѣры въ Польшѣ и обнародовалъ запретительную буллу папы Климента XII.

Между тѣмъ, съ половины XVIII вѣка фран-масонская организація и вытекшая изъ нея революціонная пропаганда продолжала сильнѣе и сильнѣе охватывать Европу.

Въ Голландіи фран-масонство находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Великою Ложею въ 1757 году управлялъ Бетцмеръ. Въ Швейцаріи ложи, хотя, и ссорились между собою, однако это не мѣшало имъ распространяться.

---

*) Великаго Востока—Grand Orient.

Въ Италіи ложи также возрастали, несмотря ни на какія папскія буллы.

Въ Швеціи, этой классической странѣ средневѣковаго фран-масонства, были не однѣ только ложи, но и самые высшіе капитулы. Въ одномъ изъ нихъ и до сей поры сохраняется мнимое духовное завѣщаніе Іакова Моле, послѣдняго ісі великаго мастера Тампліеровъ. Между шведскими ритами, ранѣе всѣхъ въ Европѣ встрѣчается знакъ ужаса и многозначительное восклицаніе потомковъ Адонирама: „сюда, ко мнѣ, дѣти вдовы"!

Изъ размножившихся въ Германіи, заслуживали особеннаго вниманія ложа Иллюминатовъ, составленная Вейссгауптомъ *) и подарившая Франціи Мирабо, а также предшествовавшая ей ложа Строгаго Послушанія, основанная Гунттомъ. Эта послѣдняя старалась внушить собственнымъ членамъ, что будто она имѣла только частный политическій характеръ и хлопотала единственно о пользахъ Претендента послѣ того, какъ въ 1746 году, графъ Кольмаркъ, великій Шотландскій мастеръ, былъ казненъ въ Лондонѣ.

Извѣстно, что фран-масонство умѣло находить принцевъ крови, которые становились ширмами для прикрытія его замысловъ. Замѣчательно, что въ членскихъ спискахъ состоитъ и нашъ Карлъ Биронъ, **) какъ eques ab coronus.

Въ Пруссіи масонству покровительствовалъ Фридрихъ II и самъ былъ основателемъ и распространителемъ нѣсколькихъ ложъ. Фридрихъ II былъ посвященъ въ масоны въ Брауншвейгѣ барономъ Бильфильдомъ.

Въ Австріи Іосифъ II былъ посвященъ въ масоны въ Вѣнѣ барономъ Борномъ, но потомъ сталъ ихъ преслѣдовать и удалилъ отъ всѣхъ должностей въ имперіи.

Въ Россіи Екатерина II въ 1763 году объявила себя также покровительницею фран-масонскихъ ученій и даже допустила составиться въ Россіи нѣсколь-

*) Въ Брауншвейгѣ.
**) См въ приложеніи замѣтку издателя о фран-масонствѣ въ Россіи.

кимъ ложамъ, но потомъ, проникнувъ цѣль ихъ своимъ политическимъ смысломъ, къ чему способствовало и быстрое распространеніе у насъ Иллюминатовъ, она приняла рѣшительныя мѣры противъ русскаго масонства и энергически уничтожила его *) осужденіемъ Новикова и Радищева.

Павелъ I, не взирая на то, что считался великимъ магистромъ, т.-е. великимъ мастеромъ Мальтійскихъ рыцарей, далъ, однакожъ, строжайшее повелѣніе не быть въ Россіи ни одной масонской ложѣ.

Въ это время во Франціи, при управлявшемъ ею послѣ герцога Бурбонскаго Кардиналѣ Флёри и королѣ Людовикѣ XV, съ его любовницами и министромъ Шуазелемъ, съ одной стороны, а съ фран-масонскою пропагандою съ другой, быстро распадались государственныя основы, изнутри подтачиваемыя Вольтеромъ, Кондорсетомъ, д'Аламбертомъ, Дидеротомъ, Юмомъ и Монтескьё съ ихъ единомышленниками, а извнѣ Болинброкомъ, Локкомъ, Вако и прочими писавшими въ ихъ духѣ. Фран-масонскій орденъ покончилъ со Стюартами и замыслами Іезуитовъ, набравъ въ себя всѣхъ противниковъ королевской власти, друзей Регента безбородыхъ философовъ, всѣхъ многочисленныхъ англоманов того времени, безъ толку прокричавшихъ о правахъ народовъ... Въ это же время и Робеспьеръ начиналъ уже напрактиковываться, какъ глава ложи Якобитской Шотландіи.

Между тѣмъ, послѣ смерти Польскаго короля Августа Саксонскаго, Станиславъ Лещинскій, вспомоществуемый орденомъ, котораго тайные двигатели не могли не оцѣнить всей пользы, которую могла бы принести ихъ дѣлу почти совсѣмъ уже революціонная Польша, рѣшился добиваться возвращенія себѣ польской короны. Съ помощью интриги и денегъ, онъ дѣйствительно получилъ на польскомъ сеймѣ 60.000 голосовъ въ свою пользу, но Россія и Австрія не допустили его сдѣлаться королемъ, а военная по-

*) Хотя по Лонгинову—наши Московскіе Мартинисты—положительно отказались отъ присоединенія идеи къ Нѣмецкимъ Иллюминатамъ.
Примѣчаніе Издателя

мощь, оказанная ему разоренною Франціею, была ничтожна. Эта небольшая война послужила только цѣлямъ правительства и чрезъ столкновеніе революціонныхъ замысловъ съ системой политическаго захвата, измѣнилась карта Европы. Станиславъ вмѣсто Польши получилъ Лотарингію, здѣсь которая послѣ его смерти должна была присоединиться къ Франціи, а Франсуа, герцогъ Лотарингскій, мужъ Маріи Терезіи и зять Австрійскаго императора получилъ взамѣнъ Лотарингіи Тоскану, на которую право передавалось Австріи. Затѣмъ обѣ Сициліи отошли къ Испанскимъ Бурбонамъ.

„Но въ то же время (говоритъ Мишле) показались на Рейнѣ 10.000 русскихъ. Во Франціи поняли, что кромѣ Германіи и Европейская Азія могла доставать до нея длинными руками.

Посудите же сами, какой ударъ! Не только что не позволяютъ Франціи и ея революціоннымъ двигателямъ овладѣть Польшею, но еще достигаютъ до нея длинными руками. Но къ чему же должна служить теперь эта многосложная революціонная интрига, готовая взорвать на воздухъ современное общество, если этотъ взрывъ не повторится на востокѣ Европы, т.-е. въ Польшѣ! и потомъ всему этому мѣшаетъ какая то дикая орда сѣверныхъ варваровъ! вотъ истинное начало всегдашняго враждебнаго настроенія французской политики противъ насъ. Этотъ косой и ненавистный взглядъ фран-масонской Франціи, впервые ею на насъ брошенный, заранѣе опредѣлилъ ея будущія къ намъ отношенія, составившіяся изъ фран-масонскихъ революціонныхъ традицій и оскорбленнаго чувства національной гордости.

Между тѣмъ, не взирая на новые декреты изъ Сорбонны, запрещавшіе словеснымъ овцамъ церкви Христовой вступать или оставаться въ фран-масонствѣ, орденъ продолжалъ благоденствовать, его могущество съ каждымъ днемъ возрастало такъ, что въ одной Франціи уже было до 700 фран-масонскихъ ложъ. Но кромѣ того Мартынецъ Пасхалисъ (1750) былъ создателемъ еще новаго рита избранныхъ, и въ

1761 году верховный совѣтъ Франціи выдалъ (замѣтьте это) еврею Стефану Морену открытый листъ на санъ великаго Генералъ-Инспектора для распространенія въ Америкѣ новаго такъ называемаго масонства, усовершенствованнаго.

Ученіе Мартынеца замѣчательно тѣмъ, что въ немъ Іудаизмъ являлся уже почти безъ маски. Но тайные его основатели на этотъ разъ ошиблись въ расчетѣ; еще слишкомъ было рано прямо заявлять тенденціи сыновъ Израиля и потому этотъ новый ритъ просуществовалъ не долгое время, разсыпался по другимъ ложамъ, въ которыхъ, на основаніи собственнаго статута, принялъ на себя обязанность содѣйствовать разлитію іудейскаго элемента.

„Къ числу принцевъ, вступившихъ въ масонство (говоритъ Луи Бланъ) былъ одинъ такой, отъ котораго не было надобности скрываться, это герцогъ de Chartres, будущій другъ Дантона, тотъ самый Филиппъ Egalité *), который такъ прославился въ лѣтописяхъ революціи и котораго она сама заподозрила и умертвила. Несмотря на то, что онъ былъ еще молодъ и предавался шуму удовольствій, его уже волновалъ тотъ духъ опозиціи, который иногда становится добродѣтелью младшихъ линій, но чаще и почти всегда обращается въ побудительную причину ихъ преступныхъ дѣйствій. Фран-масонство привлекло его. Оно вручило ему дешевую власть, обѣщало привести его скрытыми путями къ обладанію народомъ и соорудило для него тронъ не слишкомъ казистый, но зато и не столь обыкновенный и опасный, какъ у Людовика XVI, и, наконецъ, наряду съ королевствомъ, въ которомъ судьба откинула его на задній планъ, по создавала для него имперію, населенную добровольными подданными и охраняемую, готовыми повиноваться ему безусловно, воинами“.

Этому то принцу, представителю младшей линіи, былъ предоставленъ орденомъ въ 1772 году санъ великаго мастера.

---

*) Людовикъ Филиппъ Іосифъ Орлеанскій, внукъ Филиппа же.

„Никогда еще, говоритъ де Кантеле, тайное общество не находило для себя вождя болѣе достойнаго. Съ сердцемъ износившимся въ распутствѣ, трусливый и въ то же время мстительный, честолюбивый и низкій, расточительный и жадный, гордый между равными, но холодный и скрытный съ тѣми, кого опредѣлялъ на погибель, никогда не изобрѣтавшій столь жестокихъ замысловъ, какъ въ тѣ минуты, когда надѣвалъ на себя личину добродѣтели, обладавшій всѣми пороками при отсутствіи генія, готовый, для удовлетворенія своего честолюбія, проливать рѣки крови, не щадя самыхъ близкихъ ему особъ; таковъ былъ зловѣщій глава секты, которая поддѣлывалась подъ равенство и любовь къ человѣчеству“.

Мы позволили себѣ выписать эту характеристику потому, что безъ нея не легко было бы понять, какимъ образомъ французскій принцъ крови могъ нравственно пасть до того, чтобы при посвященіи въ Кадоши рѣшиться представить изъ сего, до того времени невидимое и отвратительное зрѣлище царственнаго лица, обрызганнаго кровью изъ зарѣзанной имъ большой куклы и потомъ отрѣзывающаго ей голову, зная, что эта кукла изображаетъ собою столь близко родственнаго ему короля Франціи *).

Посвященіе герцога Орлеанскаго въ Кадоши принесло свои плоды. Въ свое время Великій мастеръ уже всѣхъ французскихъ фран-масонскихъ ложъ въ самомъ дѣлѣ подалъ голосъ въ пользу умерщвленія короля Франціи. Но впослѣдствіи его самого лишили сана, принадлежавшаго ему въ масонствѣ, изломали въ его присутствіи дарованный ему мечь Великаго мастера и, въ свою очередь, совершили надъ нимъ казнь, которую онъ, то и дѣло, накликалъ на своихъ друзей и близкихъ.

Преобладающее вліяніе французскаго фран-масонства и ходъ революціонныхъ движеній въ Европѣ начинаются съ Людовика Филиппа Орлеанскаго. Онъ

*) Mantjoie, Histoire de la conjuration de Louis Philippe Ioseph d'Orliean—Egalitè. (Pacte de famine).

умѣлъ ввести въ кругъ непосредственной революціонной дѣятельности ложи Иллюминатовъ и Строгаго Послушанія, утвердивъ собственную ложу Благодѣтельныхъ Рыцарей Святого Креста, и, главное, сдѣлавшись Великимъ мастеромъ трехъ главныхъ фран-масонскихъ ложъ, и приводя ихъ къ единству, онъ учредилъ въ стѣнахъ самаго Парижа знаменитый Великій Востокъ Франціи (Grand Orient de France), управляющій даже до сего времени ходомъ революціоннаго дѣла во всей Европѣ.

Механизмъ этого управленія основывается на непосредственномъ подчиненіи Великому Востоку, путемъ централизаціи, большинства французскаго фран-масонства и еще болѣе на принятіе подъ свое начало (obéissence) огромнаго числа масонскихъ ложъ всѣхъ странъ и націй. Еще при Филиппѣ Egalité у него было въ повиновеніи болѣе 1200 ложъ, въ томъ числѣ до 500 иностранныхъ.

Но кромѣ общаго своего характера, Великій Востокъ Франціи имѣетъ для насъ еще и другое значеніе. Чрезъ него окончательно и навсегда укрѣпилась тѣсная и неразрывная связь революціонной Польши съ революціонной Франціею. Отсюда вытекаютъ наши затрудненія въ настоящее время. Многозначительный историческій фактъ, принявшій въ себя зародышъ будущаго, есть одновременное основаніе съ Великимъ Востокомъ Франціи въ Парижѣ, Великаго Востока въ Варшавѣ. А потому и гербъ бѣлаго двухглаваго орла Deus meumque jus, усвоенный для себя Великимъ Востокомъ, получаетъ совершенно другое значеніе, нежели то, которое онъ могъ имѣть по увѣренію мудрѣйшаго изъ мудрѣйшихъ бр. Рагана во время масонскаго Кельнскаго эдикта. *)

Такимъ-то путемъ революціонная интрига, которой истинное происхожденіе и отдаленная цѣль оставалась тайною и для ближайшихъ ея двигателей, готовилась восторжествовать, посредствомъ людскихъ страстей и слабостей, надъ задремавшею цивилизацією

*) Ragon, Manuel-Maconnique.

христіанскаго міра. Не прекращенія злоупотребленій, не счастія народовъ добивалась она, а только разложенія христіанскаго общества и его самоубійства. Не только теперь, но уже и въ то время, одни только черезъ чуръ легковѣрные и въ самомъ дѣлѣ невыходившіе изъ области фантазіи-идеалоги, могли вѣрить въ практическую самостоятельность зараждавшихся въ средѣ фран-масонскихъ ложъ философскихъ энциклопедическихъ ученій.

Для распространенія этихъ ученій въ народѣ, по свидѣтельству историковъ *), употреблялись всевозможныя средства: литературные сборники, журналы, романы, театръ. Литература вдругъ сдѣлалась всенародною пищею, посредствомъ ея быстро разносились идеи, на нее всѣ набросились съ жадностью, какъ школьники, читали все, что только не попадалось подъ руку и всему вѣрили на слово. Журналамъ не было дѣла до серьезнаго анализа, имъ только было нужно все шире и шире развивать расплодившіяся фантазіи, придать имъ уваженіе, поскорѣе заставить ихъ перейти въ дѣло. Когда спросили одного путешественника, что нашелъ онъ новаго въ Парижѣ, то онъ отвѣчалъ: „теперь говорятъ на улицахъ, о чемъ прежде говорили въ салонахъ“. Всѣмъ припала какая-то любовь къ человѣчеству, и обществу почудилось, что, впадая въ первобытное состояніе, оно помолодѣетъ. И во всемъ этомъ былъ протестъ противъ традиціи прошедшаго **).

Судя по всему, что совершилось въ то время, революцію предвидѣли многіе. Еще Людовикъ XV сказалъ: „наши пріемники будутъ въ добрыхъ тискахъ“. Руссо писалъ въ 1760 году; „по моему мнѣнію, невозможно, чтобы великія монархіи просуществовали долго. Мы приближаемся къ кризису, къ вѣку революціи“. И посмотрите, на какихъ данныхъ Руссо основывалъ свои предсказанія. „Мои убѣжденія, продолжаетъ онъ, основываются на причинахъ особаго рода.

*) Cortu, Histoire de cent ans.
**) Cantu.

Но невозможно всего говорить, а, впрочемъ, это и всякому видно“. Неправда ли какъ теперь становятся понятны эти загадочныя слова. Вольтеръ писалъ къ маркизу де-Шеваленъ въ 1762 году; „все, что я теперь вижу, разбрасываетъ сѣмена будущей революціи, которая неминуемо должна случиться, но которой я не буду уже имѣть удовольствія быть свидѣтелемъ. Свѣтъ *) до такой уже степени распространился, что отъ малѣйшаго случая можетъ произойти взрывъ.

И вотъ будетъ славное крошево! Какъ счастливы молодые люди! Какихъ штукъ они не насмотрятся!“

Людовикъ XVI, будучи однимъ изъ благонамѣреннѣйшихъ людей своего времени, былъ, то и дѣло, склоненъ мѣнять систему правленія, т. е. перемѣнять министровъ; плохіе министры ему вредили, а хорошими самъ онъ не умѣлъ пользоваться. Не довѣряя самому себѣ, онъ часто довѣрялся лицамъ, стоявшимъ ниже его по способностямъ, и гораздо ниже по благородству души, колеблясь между своими министрами, придворными, королевою, традиціею и философіею, Людовикъ XVI дѣйствовалъ наудачу. Изгнанный имъ парламентъ, возбуждаемый подъ рукою принцемъ Орлеанскимъ, обвинялъ его въ деспотизмѣ. Хотя король и удалилъ отъ себя принца, но это, однако, не помѣшало ему исходатайствовать себѣ возвращеніе, разсыпаться передъ королемъ въ увѣреніяхъ преданности и въ то же время продолжать развитіе политической интриги. Въ Парижѣ мало-по-малу начинали составляться сборища и повторяться время отъ времени сцены насилія. Вездѣ раздавался говоръ объ уничтоженіи злоупотребленій, о реформахъ, о конституціи. Между тѣмъ, Людовикъ XVI и не подозрѣвалъ, что въ самое то время, когда онъ забавлялся охотою, въ королевствѣ сооружалось могущество сильнѣе его собственнаго. Не смотря на заходившія тучи, какая-то странная самоувѣренность овладѣла всѣми. Всякій видѣлъ недостатки прошедшаго и думалъ, что съ ними легко справиться. Духовенство роптало на не-

*) Cantu, Histoire de cenf ans.

вѣріе, а между тѣмъ само во многомъ вторило философамъ, и, провозглашая терпимость, добивалось своей доли въ отношеніи общественныхъ должностей. О томъ же хлопотало и дворянство, надѣясь замѣнить утрату привеллегій присвоеніемъ себѣ политической власти, какъ это было уже въ Англіи. Сійэсъ и д'Антрезъ открыто писали противъ короля. Дюпенъ де-Немуръ и Тюрго потребовали у короля конституціи. Въ началѣ мая 1789 года Людовикъ XVI рѣшился созвать Генеральные Штаты, не предвидя, что они вскорѣ же превратятся въ національное собраніе. Созывая ихъ, онъ спрашивалъ у всѣхъ и каждаго, какъ ихъ составить. Между тѣмъ ни пропало всякое уваженіе къ королю, неимѣвшему достаточно твердости воли. И, однакожъ, не былъ ли этотъ человѣкъ лучшій во всей Франціи? Не онъ ли хотѣлъ въ Версали остановить кровопролитіе, сказавъ, что никому изъ-за себя не позволитъ погибнуть? И не ему ли принадлежала мысль преобразовать государство и сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми? *).

Мы съ намѣреніемъ сдѣлали это извлеченіе изъ Канту, чтобы показать, что при всякихъ другихъ условіяхъ, великодушный и благородный Людовикъ XVI могъ сдѣлаться благодѣтелемъ государства, но онъ не понималъ ни силы той темной корпораціи, которая подъ него подкапывалась, ни безстыдства того предательскаго двуличія, съ которыми относился принцъ младшей линіи къ нему и къ отечеству. Какъ только законная власть начинаетъ слабѣть, такъ тотчасъ замѣняется сотнею другихъ властей. Эти власти выступали изъ клубовъ и журналовъ, которыя понимали, что прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, должно было перепутать у всѣхъ въ головѣ понятія. Законъ и безъ того безмолвствовалъ, а они клеветали на слова и намѣренія министровъ и короля, на народъ и, наконецъ, на все человѣчество. Чья рѣчь была возмутительнѣе, тотъ и считался патріотомъ. Не спрашивалось ни познаній, ни благоразу-

*) Cantu, Histoire de cent ans.

мія, нужно было только порицать и обличать. Но кромѣ того постарались, чтобы возмутительное слово повсюду нашло себѣ отголосокъ, чтобы оно отыскало гражданина у самаго его очага, посреди самаго отдаленнаго уединенія. За это дѣло взялись журналы и газеты. Перестали писать серьезныя книги, которыя читать не было ни времени, ни охоты, всякій обдуманный трудъ исчезалъ самъ собою передъ крикомъ страстей, мѣнявшихся каждый день, каждый часъ, и который уже одинъ только привыкли выслушивать. Журналъ, называемый „Революція въ Парижѣ", отпечатывался въ 200,000 экземплярахъ и принялъ своимъ эпиграфомъ: „Великіе люди намъ потому кажутся такими, что мы стоимъ передъ ними на колѣняхъ".

Когда все уже было готово къ перевороту и во всей Франціи шевелились безчисленныя масонскія мастерскія, по которымъ то и дѣло агитировали Иллюминаты, какъ высшіе адепты масонства, тогда двери ложъ вдругъ растворились широко для принятія въ себя толпы французской національной гвардіи, уже предназначенной для осады Бастиліи. Потомъ завелись безчисленные народные комитеты, которыхъ работы, замѣтьте это, были прямо передаваемы въ комитетъ корреспонденціи Великаго Востока, откуда они уже поступали для исполненія къ Венераблямъ провинціи. Наконецъ, всеобщему возмущенію назначено было быть 1-го іюля 1789 года. Тогда провозглашеніе свободы и равенства одновременно раздалось на протяженіи всего государства, и это уже внѣ масонскихъ ложъ. Парижъ превратился въ лѣсъ штыковъ, топоровъ и копій. Бастилія пала подъ ударами національной гвардіи и народа, удивленнаго, что при такомъ жестокомъ и деспотическомъ государѣ, какимъ передъ нимъ изображали Людовика XVI, нашлось въ ней только 7 обыкновенныхъ, а не политическихъ преступниковъ. Въ то же время изъ всѣхъ провинцій прилетѣла вѣсть, что города и села въ полномъ возстаніи, и что одинъ и тотъ же крикъ раздается по всѣмъ дорогамъ. Тогда фран-масонскія тайныя сборища уже становятся ненужными, маска сброшена и

адепты смѣло группируются въ революціонные комитеты и секціи. Мирабо, Барнавъ, Сейэсъ и проч. созываютъ ихъ въ церковь Якобинцевъ и первыми являются на призывъ, въ красныхъ шапкахъ: Кондорсе, Бриссо, Гара, Черути, Мерсье, Раба, Карно, Дюпюи, Лаландъ, Капелье, Лакостъ и проч. Другіе храмы также служатъ мѣстомъ подобныхъ собраній, клубы собираются по ночамъ, иногда при нѣсколькихъ только свѣчахъ, которыхъ свѣтъ не достигаетъ и до церковныхъ сводовъ. Алтарь служитъ трибуной, на скамьяхъ располагается полупьяный народъ, и въ числѣ его много женщинъ, кричащихъ, охающихъ и плачущихъ, съ дѣтьми на рукахъ, которыхъ онѣ учатъ вдыхать въ себя революціонный воздухъ. Казалось у революціонеровъ нѣтъ войска, однако-жъ все было предусмотрѣно. Внутри самыхъ ложъ была организована цѣлая армія. Первый революціонный легіонъ былъ составленъ изъ французской же гвардіи. Кромѣ того Савалетъ де Л'Анжъ, государственный казначей и одинъ изъ главныхъ вождей ордена, вывелъ къ народу съ десятокъ экипированныхъ и вооруженныхъ какъ и онъ самъ, людей и сказалъ ему: „Господа, вотъ нѣсколько гражданъ, которыхъ я обучилъ владѣть оружіемъ для защиты отечества. Я не генералъ ихъ, а только капралъ, и мы всѣ равны. Послѣдуйте же моему примѣру". Народъ окружилъ импровизованныхъ новобранцевъ, въ ту же минуту предложеніе Савалета обращено въ Декретъ, и на другой день Парижъ увидалъ у себя національную гвардію. То же самое сдѣлалось и въ провинціяхъ.

У короля были еще крѣпости, арсеналъ и неизмѣнившія ему войска. Онъ приказалъ имъ было вооружиться, но Мирабо увѣрилъ его, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ это было бы опасно, такъ какъ французскому солдату могло придти на память, что онъ былъ уже человѣкомъ, прежде чѣмъ обязался быть солдатомъ.

Людовикъ имѣлъ неосторожность послушаться, и печальныя послѣдствія доказали, на сколько совѣтъ предателя былъ искрененъ. Когда же была взята Ба-

стилія, король спросилъ: „Что же это такое? Возмущеніе?". „Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ герцогъ де Ліанкуръ, это революція". Затѣмъ, всѣ заставы были сняты, замки сожжены, монархъ осажденъ въ собственномъ его дворцѣ, его гвардія перебита и самъ онъ, какъ военноплѣнный, приведенъ въ свою же столицу *).

Остановимся здѣсь на этомъ грустномъ событіи и не станемъ продолжать дальше. Сердце поневолѣ сжимается при мысли о тѣхъ потокахъ невинной человѣческой крови, пролитіе которой можно бы было предотвратить, если бы Людовикъ XVI относился къ игрѣ съ народомъ серьезнѣе и дѣйствовалъ противъ революціонныхъ затѣй предусмотрительнѣе и энергичнѣе.

Затѣмъ, что революція удалась какъ нельзя лучше, вѣнценосная голова добродѣтельнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ государей Франціи и до 100,000 головъ преданнаго ему дворянства, скатились съ эшафота.

Затѣмъ, христіанскіе храмы были разрушены и вмѣсто ихъ воздвигнутъ единый храмъ, посвященный Богинѣ Разума, олицетворявшій собою для невидимыхъ органовъ революціоннаго іудейскаго эпоса ветхозавѣтную и талмудическую премудрость. Но здѣсь, во имя этого символическаго божества, проливалась уже не кровь овновъ и тельцовъ, какъ очистительная жертва народная предъ лицомъ Іеговы, а пріятнаго для него, какъ это думаютъ іудеи, живая струя крови христіанской. Оракулы, вдохновлявшіе Кальмеровъ, Вейссгауптовъ, Мартинецевъ и т. п. очень хорошо понимали, что если бы впослѣдствіи устоялъ задуманный ими порядокъ вещей, заключающійся въ отрицаніи не одной только духовной и монархической, но даже и республиканской власти: то для перехода отъ внѣшняго символа къ скрывающейся подъ нимъ идеѣ, уже оставалось сдѣлать только одинъ шагъ.

*) Изъ Версаля, гдѣ онъ временно находился съ своимъ семействомъ и дворомъ.

Примѣчаніе издателя.

То, что мы сказали о французской республикѣ, мы почитаемъ достаточнымъ, чтобы заставить читателя ближе всмотрѣться въ одну изъ главнѣйшихъ пружинъ, волнующихъ общество и которую новѣйшая исторія, какъ бы нарочно, оставляетъ въ потемкахъ. Но прежде нежели окончимъ свой разсказъ, почитаемъ не лишнимъ напомнить читателю еще одинъ историческій фактъ, который прямо указываетъ, кто были подлинные двигатели революціи. Когда Людовикъ XVI, вытребованный изъ Версаля въ Парижъ, прошелъ при крикахъ „да здравствуетъ народъ" между двумя стѣнами стотысячной гвардіи, то у крыльца ратуши (Hotel de Ville) былъ принятъ ici съ соблюденіемъ всѣхъ фран-масонскихъ обрядовъ и, предварительно принявъ изъ рукъ Бальи и приколовъ къ своей шляпѣ поданную ему кокарду (фран-масонскій обычай), долженъ былъ входить по лѣстницѣ отеля подъ масонскимъ такъ называемымъ стальнымъ сводомъ. *) Потомъ, не слѣдуетъ забывать, что Національное Собраніе, вѣрное началу Вейссгаупта, уничтожило всевозможныя корпораціи, за исключеніемъ только одного фран-масонства, и, кромѣ того, само приходило къ соборному храму Парижской Богоматери, для присутствованія при Te Deum, подъ стальнымъ же сводомъ.

Форгамъ говоритъ, что самъ слышалъ отъ очевидца, какъ во время рѣзни 2-го и 3-го Сентября, палачи по-масонски протягивали руки къ толпившимся вокругъ нихъ зрителямъ и отвертывались отъ тѣхъ, которые умѣли дать имъ установленнаго отвѣта.

Впрочемъ, Національное Собраніе и во всемъ слѣдовало фран-масонскимъ административнымъ формамъ и обычаямъ, изъ которыхъ многіе удержались во Франціи и до сего времени, какъ, напримѣръ употребленіе кокардъ и перевязей, звонокъ въ засѣданіяхъ вмѣсто молотка, раздѣленіе государства на Департаменты, а Департаменты на Округи, званіе Общиннаго,

*) Подъ именемъ стальнаго свода на языкѣ фран-масоновъ разумѣется особеннаго рода расположеніе обнаженныхъ мечей, которые держатъ присутствующіе надъ головою проходящаго.

а впослѣдствіи королевскаго Прокурора, учрежденіе Комитетовъ и т. д. (Ragon, Cours philosophique et interprétatix, etc).

Наконецъ, республика также взяла для своего знамени фран-масонскій девизъ: Свобода, Братство и Равенство, и усвоила для себя орденскую же эмблему, т. е. уровень, превратившійся потомъ въ гильотину.

При такихъ условіяхъ фран-масонскому ордену позволительно было надѣяться, что его кровавое дѣло устоитъ на долго. Великій Капостулъ въ Германіи торжественно заявилъ въ 1794 году, что теперь орденъ возмутилъ Европейскіе народы на множество поколѣній. (St. Albiu, Ler) Franc-maçons, page 257.

Германскій Капостулъ былъ правъ, хотя французская революція склонила голову передъ имперіею, и подчинила себя новому порядку вещей, однако же революціонныя сѣмена были по всюду разбросаны и, вмѣстѣ съ тайною организаціею ордена, глубоко пустили корни.

КОНЕЦЪ..

Какая мерзость!

Приложенія.

С. Бурнашевъ. („Русскій вѣстникъ". Ноябрь, 1902 г.).

Г. Гойо (George Goyau) въ своемъ трудѣ: „La France maçonnique" наглядно доказываетъ, насколько дѣятельность фран-масоновъ расходится съ добродѣтельными принципами, высказываемыми его уставами, и знакомитъ читателя съ настоящимъ современнымъ въ этомъ отношеніи положеніемъ:

„Масонство, говоритъ онъ, появившись во Франціи между 1721 и 1732 гг., пустило прочные корни и настолько окрѣпло, что составляетъ вмѣстѣ съ евреями опасную космополитическую партію, которая до послѣдняго времени старается подавить національные интересы Франціи",

Указавъ на различныя теченія, обнаружившіяся въ фран-масонствѣ съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, г. Гойо утверждаетъ, что символизмъ одержалъ въ немъ побѣду. Авторъ задается мыслью выяснить принципы и стремленія, скрывающіяся подъ этой символической стороной масонства. Онъ знакомитъ съ идеями Масоля (Massol), изложенными послѣднимъ въ сочиненіи: Rapport sur la question de la morale основанными на свободѣ воли. Отсюда Масоль выводитъ ученіе о *чистомъ правѣ*. Взглядъ этотъ, встрѣченный сначала несочувственно, восторжествовалъ однако на масонскомъ конвентѣ 1877 года, провозгласившемъ: „исчезновеніе Бога"; постановленіе это было провозглашено г. Дермономъ (M. Dermong) причемъ, впрочемъ была неудачная попытка объяснить, что масонство не желаетъ „низложить Бога", а сдѣлала это для то-

го только, чтобы открыть доступъ въ ложи атеистамъ и тѣмъ окончательно обезпечить свободу совѣсти.

На юбилейномъ конгрессѣ 1889 г. г. Дермону пришлось однако сдѣлать уступку; онъ заявилъ, что масонство отвергаетъ деизмъ и оффиціально замѣнило его новымъ ученіемъ. Что эта уступка была только кажущеюся, явствуетъ, какъ изъ сочиненій фран-масоновъ, появившихся послѣ 1877 г., въ которыхъ высказалось требованіе объ „элиминаціи" (исключеніи) метафизическихъ принциповъ, такъ и изъ отношенія масонства къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ школахъ, въ которыхъ обязательно „должно быть введено обученіе свѣтское и отмѣнены „мистическіе идеалы". Въ мартовскомъ 1882 г. Bulletin maçonnique помѣщена восторженная статья по поводу книги *Гастона* (Gaston): „Богъ, вотъ врагъ"!

Въ 1897 г. г. *Гюбаръ* (Hubbard) изложилъ современное ученіе фран-масоновъ на съѣздѣ, гдѣ, назвавъ ложи „живыми клѣточками демократіи", объявилъ, что *„слѣпую вѣру, введенную обманомъ и устрашеніемъ"*, должно замѣнить: методическое и непреложное опредѣленіе *„правъ и обязанности человѣка"*, и что цѣль жизни должна заключаться *въ усовершенствованіи цѣлаго, въ пренебреженіи собственной судьбой и въ уничтоженіи злоупотребленія"*. Эти взгляды усвоиваются и такими руководителями просвѣщенія во Франціи, какъ Буржуа и Бриссонъ, изъ которыхъ послѣдній, предсѣдательствуя въ январѣ 1898 года на коммерческихъ курсахъ и передавая одному изъ заслуживающихъ премію книгу г. Буржуа (бывшаго незадолго передъ тѣмъ министромъ народнаго просвѣщенія)—совѣтовалъ особо вдуматься въ слѣдующую фразу: *„Народъ, простившій Людовику XV всѣхъ его любовницъ,—никогда не проститъ ему его духовника"*. Далѣе Г. Гюбаръ откровенно высказываетъ, что масонство въ XVIII вѣкѣ уже приняло чисто субъективное, антирелигіозное значеніе и что, отрицая непріятный ему христіанскій символизмъ,—выдвигаетъ свой собственный *еврейскій по духу и оттѣнкамъ*. Ненависть масонства къ религіи и метафизикѣ уже одна

сама по себѣ придаетъ кажущуюся односторонность и устойчивость масонской философіи, почему Гюбаръ и признаетъ эту философію воинствующею и преслѣдующею политическія цѣли; а Конвентъ 1897 года уже открыто утверждаетъ, въ изданномъ имъ манифестѣ, что „ложи XVIII столѣтія выработали „*декларацію о правахъ человѣка*“ и этотъ конвентъ сталъ взывать къ ожесточенной борьбѣ противъ правительства, и масонство тогда же бросилось въ самый разгаръ избирательной агитаціи въ пользу кандидатовъ крайней лѣвой, т. е. соціалистовъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, численность во Франціи фран-масоновъ значится: „братьевъ всѣхъ именованій 17,000 въ ложѣ Великаго Востока (Grand Orient) и около 7,000 другихъ толковъ; они распредѣлены на 364 ложи, изъ коихъ 286 находятся въ непосредственной зависимости отъ Grand Orient, а 78 относятся къ Шотландскому масонству.

Въ бюджетъ Grand Orient, каждый масонъ тѣхъ ложъ, которыя отъ него зависятъ, вноситъ ежегодно 4 фр. 50 сант.; въ числѣ же различныхъ статей расходовъ, есть и статья по внѣшней политикѣ, которая содержится въ тайнѣ, вслѣдствіе данныхъ щекотливаго свойства о сношеніяхъ Grand Orient de France съ разными федераціями внѣ Франціи, причемъ, по цѣлому ряду характерныхъ признаковъ, масоны предаютъ Францію Германіи. Наконецъ, преобладаніе чисто политическихъ интересовъ въ современномъ масонствѣ можно охарактеризовать слѣдующими словами книги: „La Franc-Maçonnerie et la question religieuse“. Масонство представлено болѣе пропорціально въ парламентѣ, нежели избирательные коллеги, причемъ его члены лучше дисциплинированы и имѣютъ больше вліянія на правительство и на его органы такъ, что на Конвентѣ 1890—одинъ изъ членовъ даже предсказывалъ, что черезъ 40 лѣтъ никто во Франціи не посмѣетъ пошевелиться помимо вліянія франмасоновъ.

II.

Свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Русскаго Фран-Масонства, извлеченныя изъ Архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—изд. подъ редакціей Н. Дубровина въ 1902 г.

Въ письмѣ и докладной запискѣ графа Мусина-Пушкина-Брюса (Великаго Мастера Директоріальной Ложи Австріи) къ графу Вязьмитинову (Министру Юстиціи), писанныхъ въ 1819 г., помѣщена впервые оффиціально, весьма добросовѣстно разработанная *съ формальной стороны* (?) „Исторія Русскаго Масонства до 1819 г.“.

„По преданіямъ, орденъ масоновъ, пишетъ Брюсъ, существуетъ въ Россіи около 100 лѣтъ; никогда, сколько извѣстно, оно не было явно покровительствуемо, но никогда не было торжественно запрещено“.

Первое вѣрное свѣдѣніе о существованіи въ Россіи масонства находится въ *Андерсоновой конституціонной книгѣ*, изданной въ Лондонѣ въ 1722 и въ 1738 годахъ, въ которой, между прочимъ, на стр. 536 сказано: „Въ семъ же 1732 году, во время Великаго Мастера Ловеля, отправлена была депутація къ капитану Джону Филиту, въ качествѣ Великаго Провинціальнаго Мастера въ Россіи“; слѣдовательно тогда ужъ находились нѣсколько ложъ въ Россіи; изъ нихъ одна только, управляемая *Лордомъ Джелломъ Кейтомъ*,—поименована. Она имѣла свои собранія въ близости теперешняго Аничкова моста (стр. 292).

Въ 1754 г. прислана была въ С.-Петербургъ изъ *ложи 3-хъ львовъ въ Онсмаръ* конституція высшихъ степеней *строгой Наблюдательности* (системы. извѣстной подъ названіемъ: La stricte observance), подписанная Великимъ Мастеромъ фонъ-Ботомъ.

Императоръ Петръ III былъ принятъ въ орденъ и въ 1762 г. Петербургскіе масоны имѣли свой собственный домъ на Сѣнной, иждивеніемъ Императора,

какъ увѣряютъ, нарочно для ложи выстроенный. Сей Императоръ часто присутствовалъ въ масонскихъ собраніяхъ, кои по его повелѣнію учреждались въ Ораніенбаумѣ (ст. 294).

Въ годахъ 1765—1770 нѣкто *Магистръ Старкъ*, профессоръ при Петровской школѣ, а потомъ—придворный священникъ въ Дармштадтѣ, много произвелъ въ С.-Петербургѣ шуму вымышленной имъ вновь системой клериковъ.

Въ 1770 г. пріѣхалъ въ С.-Петербургъ нѣкто *Рейхель.* Онъ былъ уполномоченъ *Большой Національной Ложей въ Берлинѣ* къ учрежденію въ Россіи новыхъ ложъ, кои однако-жъ должны были зависѣть отъ Великой Берлинской Ложи. Вслѣдствіе чего и установилъ онъ въ Петербургѣ въ 1770 году ложу *Аполлона,* въ 1772 г.—ложу *Барткрата* и въ 1773 г. ложу *Изиды* въ Ревелѣ.

Въ 1774 году Великая Ложа Лондонская установила пять ложъ въ Россіи, а именно, одну въ Петербургѣ, одну въ Москвѣ и одну въ Яссахъ.

18 мая 1780 года 14 русскихъ ложъ были внесены въ шведскій матрикулъ, а 27 мая кн. Гагаринъ, въ качествѣ Великаго Мастера, торжественно открылъ провинціальную ложу, подъ названіемъ *Великой Національной* (стр. 297).

Масонство въ Москвѣ, подъ управленіемъ Новикова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, приняло нарочито таинственное и набожное направленіе. Московскія ложи (секта, именующаяся обыкновенно *Мартинистами*) сверхъ того не состояли подъ управленіемъ Директорской Ложи, но имѣли особыхъ дѣлоправителей и даже патріарха (стр. 300).

(Подробное перечисленіе бывшихъ въ Россіи до 1822 года масонскихъ ложъ, болѣе чѣмъ въ другихъ даже спеціальныхъ сочиненіяхъ, можно встрѣтить въ сочиненіи Пыпина—„Общественное движеніе при Императорѣ Александрѣ I",—хотя авторъ не высказывается положительно ни о настоящемъ направленіи, ни объ истинномъ значеніи ордена фран-масоновъ, но скорѣе относится къ массонамъ симпатично, между

прочимъ въ этомъ сочиненіи упоминается объ образовавшемся на югѣ *Союзъ Благоденствія*, которому Пыпинъ не присваиваетъ значеніе фран-масонское, но множество членовъ котораго несомнѣнно были масонами и участвовали въ бывшемъ при воцареніи Императора Николая I мятежѣ—14 декабря 1825 года).

Государыня Екатерина II, прочтя въ Гамбургскихъ газетахъ, что при учиненіи присяги викарію Соломонову въ Стокгольмѣ и русскіе депутаты клялись ему въ вѣрности, слѣдовательно всѣ Русскіе масоны обязаны были пересылать въ Стокгольмъ, собираемые въ Ивановъ день по червонцу съ каждаго, весьма прогнѣвалась и, приказавъ позвать тогдашняго полиціймейстера князя Лопухина, поручила ему узнать, кто начальникъ масоновъ Шведской системы въ Петербургѣ? Князь отвѣчалъ, что сіе на мѣстѣ исполнить можетъ. „Развѣ ты знаешь кто такой?—Князь Гавріилъ Гагаринъ. Почему же ты это знаешь?—Я самъ членъ его ложи.—Чортъ побери васъ всѣхъ!". Симъ окончился и гнѣвъ Государыни. Вслѣдъ за симъ Екатерина сначала относилась къ ордену фран-масоновъ довольно добродушно, стараясь выставить его въ смѣшномъ видѣ и даже сама написала о немъ статью „Тайна противонелѣпаго общества".

Когда же впослѣдствіи Екатерина узнала о дѣйствіяхъ управляемой въ Москвѣ Новиковымъ Великой Національной Ложи и о печатаніи имъ книгъ противуправительственнаго направленія въ сданной ему въ аренду университетской типографіи, то нарядила надъ нимъ слѣдствіе, велѣла отнять отъ него типографію, конфисковать ужъ напечатанныя книги, арестовать его, судить, а затѣмъ сослать и, конечно, такъ называемое общество мартинистовъ и Великая Національная Ложа были закрыты.

При Императорѣ *Павлѣ I* масонство еще пользовалось въ Москвѣ кредитомъ при дворѣ, но въ царствованіи *Александра I* оно еле-еле было терпимо. Въ 1815 году ложи Петра, Палестины, Изиды и Нептуна, къ которымъ вскорѣ присоединилась и ложа Алек-

сандра, избравъ своимъ Великимъ Мастеромъ графа Мусина-Пушкина-Брюса, учредили „Директоріальную или Великую Ложу Австріи“. Приведенныя въ сборникѣ письма гр. Пушкина къ управляющему Министерствомъ Полиціи доказываютъ, насколько неопредѣленно и уже шатко было въ 1819 г. положеніе масонства.

Послѣ чего, въ 1822 году, Высочайшимъ Указомъ Императора Александра I, какъ и сказано было выше, всѣ ложи въ Россіи были воспрещены и закрыты и до сихъ поръ никогда воспрещеніе ордену франмасоновъ пребывать въ Россіи, въ томъ или другомъ видѣ, торжественно отмѣнено не было.

III.

34-е письмо князя Михаила Семеновича Воронцова къ Михаилу Петровичу Щербинину.

(12 номеръ Русскаго Архива, 1870 г.).

С.-Петербургъ, 13 декабря, 1855 года.

Я очень любопытенъ знать, какъ у Васъ окончилась исторія жидовъ изъ Сурама, *обвиненныхъ въ томъ, что они по суевѣрію ихъ секты умертвили ребенка*. Я слышалъ, что Московскій Сенатъ вполнѣ утвердилъ мое мнѣніе и что въ его рѣшеніи было сказано: Намѣстнику предоставляется разослать ихъ, по одиночкѣ, въ отдаленнѣйшія мѣста по собственному его усмотрѣнію съ учрежденіемъ надъ ними въ мѣстахъ ихъ жительства строжайшаго надзора. Итакъ, я хотѣлъ бы знать, исполнилось ли это рѣшеніе Сената и куда были отосланы эти евреи по одиночкѣ? *Во время моего двукратнаго пребыванія въ Боржомѣ, я удостовѣрился въ дѣйствительности убійства, совершеннаго евреями*; было бы жалко, если бы ихъ оставили въ Сурамѣ или въ окрестностяхъ, только подъ надзоромъ потому, что кромѣ ихъ преступленія, присутствіе ихъ здѣсь—есть бѣдствіе для

крестьянъ, которые занимаютъ у нихъ деньги и становятся какъ бы ихъ крѣпостными.

Сдѣлайте одолженіе, любезный другъ, напишите мнѣ про это дѣло...

IV.

Рѣчь Раввина.

Въ Сѣв.-Зап. краѣ среди еврейскаго и русскаго населенія въ огромномъ количествѣ списковъ распространяется приведенная ниже „рѣчь раввина къ своимъ единоплеменникамъ“. Приводимъ эту рѣчь (можетъ быть и апокрифическую), какъ образчикъ той писанной литературы, которая не остается безъ глубокаго вліянія на настроеніе инородческой и русской массы.

„Наши отцы завѣщали избраннымъ во Израилѣ обязательно собираться одинъ разъ въ годъ, каждое столѣтіе, вокругъ гробницы великаго господина нашего калибя святого, равви Бенъ-Іуды, великія познанія котораго приписываютъ избранникамъ, въ каждомъ поколѣніи, власть на всей землѣ и авторитетъ надъ всѣми потомками Израиля.

Вотъ уже XVIII вѣковъ продолжается борьба Израиля съ той силой, которая была обѣщана Аврааму. Попираемый ногами, угнетаемый врагами, постоянно подъ страхомъ смерти, преслѣдованій, хищеній, и разнаго рода насилій,—народъ израильскій не упалъ однако и если онъ и разсѣянъ по всей землѣ, то это потому, что вся земля должна ему принадлежать.

Нашъ народъ постоянно поднимается и со всякимъ днемъ выростаютъ всѣ силы его. Намъ принадлежатъ этотъ „Богъ дня“, этотъ „золотой телецъ“,—это универсальное богатство эпохи.

Когда же мы сдѣлаемся единственными обладателями всего находящагося на землѣ золота, власть фактически перейдетъ въ наши руки и тогда сбудутся данныя Аврааму обѣщанія.

Золото, это величайшая сила на землѣ, это могу-

щество, награда, орудіе всякой власти, это все, чего человѣкъ боится и желаетъ; вотъ единственная тайна, глубочайшая наука о томъ духѣ, которымъ управляется этотъ міръ.

XVIII вѣкъ принадлежитъ нашимъ врагамъ,—вѣкъ настоящій и послѣдующій должны принадлежать намъ, народу израильскому и непремѣнно будутъ наши.

Вотъ это уже въ 10-й разъ, въ теченіе десятилѣтней жестокой и непрерывной борьбы съ нашими врагами, собираются на этомъ кладбищѣ, вокругъ гробницы святого равви Симеона Бенъ-Іуды, избранные каждаго поколѣнія израильскаго народа, чтобъ обдумать и сговориться насчетъ средствъ для извлеченія въ интересахъ нашего дѣла, выгодъ изъ тѣхъ огромныхъ ошибокъ и заблужденій, которыя не перестаютъ совершать наши враги христіане.

Каждый разъ новый вѣкъ провозглашалъ и проповѣдовалъ безпощадную войну нашимъ врагамъ; но ни въ одномъ изъ минувшихъ вѣковъ нашимъ предкамъ не удавалось достигнуть сосредоточенія въ нашихъ рукахъ такого громаднаго количества золота, которое передалъ намъ XVIII вѣкъ. Мы можемъ, поэтому, безъ всякихъ безразсудныхъ иллюзій, льстить себя надеждою скоро достигнуть нашей цѣли и съ увѣренностью смотрѣть прямо въ глаза будущности.

Преслѣдованія и истребленія, — эти мрачныя и мучительныя времена, съ героическимъ терпѣніемъ перенесенныя народомъ Израильскимъ, къ счастью нашему миновали для насъ, благодаря прогрессу цивилизаціи у христіанъ; и этотъ прогрессъ есть лучшій щитъ, за который мы можемъ укрыться, чтобы быстро и рѣшительно сдѣлать послѣдній шагъ того разстоянія, которое отдѣляетъ насъ отъ нашей высшей цѣли.

Земледѣліе всегда остается главнѣйшимъ источникомъ богатства каждой страны. Владѣніе большими земельными участками проложитъ еще болѣе широкій путь къ почестямъ и усилитъ наше вліяніе на высшихъ должностныхъ лицъ страны. Изъ этого слѣдуетъ,

что наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы братья во Израилѣ дѣлали крупныя территоріальныя пріобрѣтенія. Вы должны поэтому, по мѣрѣ возможности, работать надъ раздробленіемъ большихъ помѣстій, чтобы пріобрѣсти ихъ въ свое владѣніе скорѣйшимъ и болѣе легкимъ способомъ. Подъ предлогомъ выступленія на помощь рабочимъ классамъ надо давить крупныхъ землевладѣльцевъ всею тяжестью налоговъ, и когда эти владѣнія законнымъ образомъ исподволь перейдутъ въ наши руки,—весь трудъ христіанскаго пролетаріата сдѣлается для насъ новымъ источникомъ громадныхъ прибылей.

Такъ какъ христіанская церковь является для насъ однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ, то мы обязаны неустанно работать надъ ослабленіемъ ея вліянія, а для этого нужно стараться всѣми силами прививать къ исповѣдующей христіанство интеллигенціи невѣріе и для свободомыслія, скептицизма и раскола вызвать религіозные споры въ образовавшихся новыхъ группахъ и сектахъ христіанизма. Каждая война, каждая революція, каждое политическое или религіозное волненіе приближаютъ этотъ моментъ, когда мы должны достигнуть нашей великой цѣли, къ которой мы столь долго стремимся.

Всѣ общественныя и государственныя должности должны быть достигнуты израильтянами и, разъ сдѣлавшись чиновниками, мы, съ помощью нашихъ факторовъ, при ихъ услужливости и проворливости, будемъ постепенно проникать до первоисточника дѣйствительнаго вліянія и дѣйствительной власти.

Судебныя установленія должны быть для насъ институтомъ первоклассной важности.

Мы не должны оставаться пассивными къ тому, что можетъ способствовать къ завоеванію нами почетнаго мѣста въ обществѣ: философія, медицина, право политическое и экономія, однимъ словомъ, всѣ отрасли знанія, искусствъ, литературы, представляютъ собою широкое поле, малѣйшіе успѣхи на которомъ, развивая наши способности, принесутъ огромныя выгоды

нашему дѣлу. Всѣ эти признанія должны быть неразлучны со спекуляціей.

Такъ, напримѣръ, самая хотя бы посредственная композиція въ области музыки доставитъ намъ случай поднять на пьедесталъ и окружить славой ея автора израильтянина.

Если только власть есть первая сила на этой землѣ, то второй за ней безспорно слѣдуетъ признать прессу. Но что значитъ вторая безъ первой?! Такъ, мы не можемъ осуществить вышесказанное безъ помощи печати, необходимо, чтобы управленіе всѣми газетами, журналами всѣхъ странъ находилось въ рукахъ нашихъ.

Обладаніе золотомъ, печатью и способностью въ выборѣ средствъ для удовлетворенія извѣстныхъ свойствъ души, сдѣлаютъ изъ насъ посредниковъ въ общественномъ мнѣніи и подчинятъ намъ народныя массы.

Придерживаясь этого метода на каждомъ шагу нашего пути съ настойчивостью, составляющей одно изъ нашихъ высшихъ качествъ, мы оттѣснимъ христіанъ, сведемъ ихъ къ нулю. Мы продиктуемъ міру то, во что онъ долженъ вѣрить, что долженъ почитать и что проклинать. Возможно, что найдутся такія личности, которыя бросятъ въ насъ оскорбленіями и проклятіями; но послушныя и невѣжественныя массы будутъ внимать намъ и держать нашу сторону.

Все это да будетъ понято, замѣчено и пусть каждое дитя Израиля проникнется своими истинными принципами. Тогда наше могущество разростется какъ египетское дерево, вѣтви котораго дадутъ плоды, именуемые богатствомъ, наслажденіями и властью, въ воздаяніе за тѣ ужасныя притѣсненія и оскорбленія, которыя въ теченіе долгихъ вѣковъ были единственнымъ удѣломъ народа израильскаго.

Когда одинъ изъ нашихъ дѣлаетъ шагъ впередъ,— другой слѣдуетъ подлѣ него; если нога поскальзываетъ, пусть единовѣрцы поддержатъ его. Если израильтянинъ попалъ подъ судъ той страны, въ которой живутъ его братья, пусть всѣ усилія будутъ

направлены на то, чтобы выручить или помочь попавшемуся, но при условіи, если этотъ послѣдній дѣйствовалъ сообразно законамъ и наставленіямъ нашей религіи. Весьма важно для насъ выступить сторонниками и ревнителями соціальныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди въ странѣ, особенно тѣхъ, которые имѣютъ цѣлью улучшеніе участи рабочихъ, но въ дѣйствительности наши усилія должны тяготѣть ко владѣнію и управленію общественнымъ мнѣніемъ. Ослѣпленіе народныхъ массъ, ихъ склонность впадать въ краснорѣчіе, столь же пустое, какъ и звонкое, дѣлаютъ изъ нихъ легкую для насъ добычу и двойное орудіе нашей популярности и кредита. Съ помощью краснорѣчія наши ораторы сумѣютъ заставить вѣрить нашимъ искреннимъ чувствамъ настолько же, насколько у истинныхъ христіанъ это достигается энтузіазмомъ.

Необходимо, по мѣрѣ возможности, поддерживать пролетаріатъ и подчинить его завѣдывающимъ денежной частью. Дѣйствуя такимъ образомъ, отъ насъ будетъ зависѣть, когда это намъ понадобится, возбудить массу. Мы употребимъ ихъ орудіемъ къ ниспроверженію правительства и революціямъ, и каждая изъ этихъ катастрофъ гигантскимъ шагомъ будетъ подвигать наше дѣло, быстро приближая къ цѣли—царствовать на всей землѣ, какъ-то обѣщано намъ отцомъ нашимъ Авраамомъ".

На замѣчаніе извѣстнаго Казанскаго профессора относительно того, что рукопись неизвѣстнаго автора, озаглавленная—„Великая тайна фран-масоновъ", при всѣхъ ея серьозныхъ достоинствахъ, не содержитъ въ себѣ указаній на источники, изъ которыхъ авторъ могъ почерпнуть приводимыя имъ данныя объ истинной задачѣ высшаго Масонства въ лицѣ его главныхъ руководителей и что потому заключительные его выводы, хотя и приводятся имъ съ положительной увѣренностью, могутъ быть лишь результатомъ его личнаго убѣжденія,—нахожу съ своей стороны, въ опроверже-

ніе такого взгляда уважаемаго профессора,—объяснить, что фран-масонскій орденъ, задавшись цѣлями противными всему общественнаго строя установившагося во всемъ христіанскомъ мірѣ вообще и въ особенности въ христіанскихъ монархіяхъ, вынужденъ былъ свои преступныя цѣли—всячески скрывать не только отъ профановъ (т. е. постороннихъ лицъ, вовсе къ ордену не причастныхъ), но даже отъ своихъ младшихъ адептовъ—которымъ мало по малу открывали завѣсу своихъ тайнъ уже тогда только, когда, послѣ долгаго ихъ искуса, стоящіе во главѣ Общества, убѣждались въ способности и достаточной подготовкѣ того или другого изъ нихъ—повышаться въ степеняхъ, установленныхъ для служенія Ордену въ той или другой сферѣ дѣйствій, тѣми или другими способами.

Въ виду этой крайней необходимости сбереженія ихъ великой тайны отъ всякой нескромности даже по отношенію къ постепенному посвященію своихъ младшихъ братьевъ въ различные фазисы ихъ повышенія въ Орденскихъ степеняхъ, съ нихъ при самомъ вступленіи въ Орденъ бралась торжественно страшная клятва, подъ угрозою самой мучительной смерти въ случаѣ малѣйшаго ея нарушенія на письмѣ или на словахъ и кромѣ того, для лучшаго сокрытія тайны—издавались самимъ Орденомъ—различныя изданія, предназначенныя къ посланію въ обществѣ—полнаго убѣжденія не только въ безвредности Ордена, но даже въ его полезности въ смыслѣ исправленія общественной нравственности и пороковъ всякихъ недостатковъ.—И вотъ причина того, что почти до средины прошлаго столѣтія, хотя въ нѣкоторыхъ странахъ Европы и стали нѣсколько серьозно относиться къ Ордену, въ виду того, что вездѣ, гдѣ учреждались его Ложи, замѣчалось или ничѣмъ, повидимому, не объснимое броженіе въ народѣ или случались такія прискорбныя съ отдѣльными лицами явленія, которыя по необходимости своей и безпричинности, представлялись въ высшей степени загадочными.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, мнѣ кажется, что

отсутствіе въ рукописи ссылки автора на источники заслуживающіе вѣроятія или какіе либо фран-масонскіе документы объясняется весьма просто—ихъ или вовсе нѣтъ и не было, или, если бы и были, то развѣ *улики*, охраняемыя высшими начальствующими въ Орденѣ—за семью печатями ,а потому я пришелъ къ твердой увѣренности въ томъ, что авторъ рукописи, въ учености и серьозной вдумчивости котораго, по всему въ ней изложенному,—нельзя сомнѣваться,—былъ несомнѣнно самъ фран-масонъ, достигшій одну изъ самыхъ высшихъ степеней въ маленькой іерархіи, отрезвившійся отъ первоначальнаго увлеченія и записавшій по совѣсти все ему извѣстное не иначе, какъ въ назиданіе потомства, т. к. личное оглашеніе Великой тайны—ему не дозволяла принятая имъ присяга, тогда какъ долгъ патріотизма, въ отсутствіи котораго его упрекнуть, очевидно, нельзя, повелѣвалъ ему оградить свою родину, Церковь и Самого Русскаго Царя и его правительство—отъ всякаго довѣрія къ этому вражескому Ордену, въ которомъ жиздется вся могучая сила еврейской пропаганды и непосредственнаго участія жидовъ въ происходящихъ на нашихъ глазахъ невыразимыхъ ужасовъ самой опасной революціи, организованной, повидимому, по хитросплетенной системѣ фран-масонства.

